

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА В XVI – НАЧАЛЕ XX В.:
НАПРАВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

Нальчик · 2015

УДК – 94(470.6).08
ББК – 63.3(235.7)52–68
К – 12

Печатается по решению Ученого совета ФГБНУ
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Редакционная коллегия:

*К.Ф. Дзамихов, З.А. Кожев, Д.Н. Прасолов,
Д.М. Кумыкова, А.Х. Абазов*

**Социально-политическое и культурное пространство
Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале
XX в.: направления и динамика интеграционных процессов.**
К – 12 Сборник научных статей по материалам региональной научной
интернет-конференции (г. Нальчик 19–30 октября 2015 г.). –
Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 208 с.

В исследованиях, вошедших в сборник, проанализированы разнонаправленные интеграционные процессы, происходившие в этнополитическом и социокультурном пространстве Северо-Западного и Центрального Кавказа в XVI – начале XX в. Населяющие регион этносы традиционно связаны общностью исторического процесса, а многие и общностью происхождения. Интенсивное взаимодействие между ними было обусловлено как внутренними причинами, так и внешнеполитическими вызовами. Сопряжению и унификации многих сторон социально-политической и духовной жизни населения Северо-Западного и Центрального Кавказа способствовали доминирование в регионе феодальной Черкесии, а также задачи противостояния крупным геополитическим игрокам – Османской империи и ее вассалу Крымскому ханству, а с середины XVIII в. – Российской империи в ходе многолетней Кавказской войны. Интеграция народов региона в политико-правовое и социокультурное пространство Российской империи представляла собой комплекс многогранных и противоречивых изменений, развивавшихся в двух направлениях: «внешнем» (включение народов Северного Кавказа в состав российского государства) и «внутреннем» (формирование новых интеграционных социально-политических, административно-правовых, поземельных и хозяйственных связей между местными этническими сообществами).

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем тем, кто интересуется историей Кавказа.

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В XVI–XVIII вв.: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ	5
<i>Березгов Б.Н.</i> Османско-кавказские отношения в XVI веке в турецкой историографии (политические, религиозные и этнические аспекты)	5
<i>Дзуганов Т.А.</i> Особенности и характер черкесской работорговли в XIII–XV вв.	16
<i>Кожеев З.А.</i> Политический проект Кемиргоко Идарова: опыт исторической реконструкции	29
<i>Тхамокова И.Х.</i> Кабардинцы и казаки во второй половине XVI – первой половине XVII в.	45
<i>Хотко С.Х.</i> «Гетики» итальянских документов XV в. и адыгское территориальное объединение Хытук: этнокультурная преемственность, отношения с Копой и Кремуком	58
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В УСЛОВИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ	67
<i>Алоев Т.Х.</i> Эпизоды колониальной дискурсивной практики (к описанию некоторых сюжетов военного противостояния на Кубанской линии в середине 1833 г.)	67
<i>Журтова А.А.</i> Осмысление проблем Кавказской войны в современной отечественной историографии	77
<i>Мирзоев А.С.</i> Институт абречества и его трансформация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с XVIII по 30-е годы XX в.	89
<i>Урусов А.А.</i> Вторжение Шамиля в Кабарду и столкновение с российскими военными отрядами 17–18 апреля 1846 г.	109
ИНТЕГРАЦИЯ РЕГИОНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ	122
<i>Абаева А.М., Гудуева А.М.</i> Исследовательская деятельность Г. Мерцбахера и этнографическая карта кавказского высокогорья ...	122
<i>Абазов А.Х., Картоев И.Я.</i> Терский областной народный суд (1864–1870): из истории интеграции Центрального Кавказа в правовую систему Российской империи	133

<i>Бузаров Аз.К.</i> М. Абаев или С.-Б. Сиюхов? Криптоним «горец»: к проблеме атрибуции некоторых публикаций в общественной печати Майкопа 1912 г.	141
<i>Варивода Н.В.</i> Процессы адаптации восточнославянского населения Центрального Предкавказья в хозяйственно-экономической и культурной сферах в XVIII–XIX вв.	148
<i>Глашева З.Ж.</i> Вовлечение территории Северного Кавказа в российскую структуру административного управления в пореформенный период	156
<i>Дзагов Р.Н.</i> Полиэтническое население Нальчика: опыт экономической адаптации и интеграции (XIX – начало XX в.)	164
<i>Кармов Р.К.</i> Отражение интеграции региона в социокультурное пространство России в истории формирования фондов учреждений дореволюционного периода в архиве Кабардино-Балкарии	175
<i>Прасолов Д.Н.</i> Съезд доверенных и проблемы местного самоуправления в Нальчикском округе: некоторые итоги изучения ...	186
<i>Паитова М.М.</i> Проблемы и методы полевой фольклористики и антропологии: диаспорное поле	198

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В XVI–XVIII ВВ.: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК – 94(=352.3)

Б.Н. Березгов

ОСМАНСКО-КАВКАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI ВЕКЕ В ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В статье дается краткий обзор османских исторических источников, содержащих ценные сведения по истории Северного Кавказа XVI в. Приводимые нарративные материалы и архивные источники в силу объективных и субъективных причин не становились предметом научного анализа в отечественном кавказоведении. Между тем, XVI в., считающийся периодом наивысшего расцвета Османской империи, был и временем тесного соприкосновения с народами данного региона. Поэтому установившиеся османско-кавказские отношения не могли не отразиться в письменных источниках империи XVI в. Турецкая историография богата сочинениями османских летописцев, авторы которых оставили подробные описания о жителях этого края – географического, религиозного и этнического характера, начиная от Тамани до Дагестана. Такого рода материалы собирались во время военных походов на Северный Кавказ, в которых наряду с описанием боевых сражений сохранились важные сведения о народах, его населяющих. Основная цель статьи сводится к тому, чтобы познакомить исследователей-кавказоведов с новыми османскими источниками, которые могут послужить дополнительными сведениями по расширению источниковой базы истории народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: Османская империя, Северный Кавказ, Черкесия, Крымское ханство, Кабарда.

Березгов Барасби Нажмуудинович

К.и.н., с.н.с. сектора средневековой и новой истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. +7-928-720-91-78

E-mail: kbigi@mail.ru

Изучение и введение в научный оборот исторических памятников всегда имеет актуальное значение и представляет собой неотъемлемую

составляющую исторической науки. В настоящее время в турецких архивах сохранилось большое количество османских источников, затрагивающих историю северокавказского региона. Эти материалы, многие из которых в силу объективных и субъективных причин не стали предметом научного анализа в отечественном кавказоведении, могли бы послужить дополнительными сведениями по расширению источниковой базы по исследуемой теме. Помимо официальных архивных документов турецкая историография богата сочинениями османских летописцев, в которых содержатся не только описания военных походов, но и ценные сведения о народах Северного Кавказа. XVI в., являющийся периодом наивысшего расцвета Османской империи, был и временем ее тесного соприкосновения с жителями этого региона. Поэтому сложившиеся османско-кавказские взаимосвязи, не могли не отразиться в письменных источниках XVI в. Не говоря уже о богатейших османских источниках, в упомянутых сочинениях авторы оставили нам подробные описания о жителях этого края, географического, религиозного и этнического характера, начиная от Тамани до Дагестана.

Российские историки, исследовавшие проблемы кавказско-крымско-османских отношений (В.Д. Смирнов, Н.А. Смирнов, А.С. Некрасов и др.), обращались чаще всего к текстам «Истории Сахиб-Гирея» (она опубликована в 1973 г. на турецком и французском языках). Автором этого сочинения был биограф и друг крымского хана Сахиб-Гирея-Кайсунизаде Недан, больше известный под именем Реммал Ходжа. Содержащие в нем материалы, описывающие походы Сахиб-Гирея против западных и восточных черкесов, использовались перечисленными выше авторами в контексте внешне-политических отношений Османской империи и Русского государства¹.

Однако существует еще ряд сочинений османских авторов, прямо или косвенно затрагивающих различные аспекты истории народов Северного Кавказа в XVI в. К примеру, интересные сведения по исследуемой теме можно почерпнуть в труде Хусейна бин Мехмеда «Война за веру Оздемироглу Осман-паши» (рукопись хранится в рукописном отделе муниципальной библиотеки Стамбула), рассказывающая о военных походах сердара Осман-паши против кызылбашей². Эту же тему поднимает в своем произведении Солак Эбубекир бин Абдуллах «Рассказ о событиях, связанных с кызылбашами во время восточного похода, и сражениях Осман-паши с ними» (написание сочинения завершено в июле 1584 г. и хранится в библиотеке Миллет-Али-Эмири за номером 366)³. Определенные материалы по истории черкесов содержатся в книге Кемальпашазаде

Шемсюддина Ахмеда (1468–1534) «История османских султанов», где эпохе каждого падишаха посвящается отдельная книга (в нашем случае интерес представляет IX книга, т.е. период правления Селима I)⁴. Следующий автор – первый османский географ и путешественник – Ашыки Мехмед-Челеби (1555–1599) оставил нам подробное описание возвращения османского войска во главе с Осман-пашой через Северный Кавказ, т.е. из Дербента в Каффу, а далее морем. Такое повеление падишаха было связано с необходимостью усмирить взбунтовавшего крымского хана. В этом сочинении даны географические, религиозные и этнические характеристики жителей северокавказского региона, начиная с Дагестана до Тамани. Мехмед-Челеби, назвавший свой труд «Панорама мира» (работа была завершена в апреле 1598 г. и хранится в библиотеке Нуриосмание под номером 3032), сопровождал сердара Осман-пашу и описал весь маршрут пути – Терек – Кубань – Темрюк – Тамань – Каффа⁵. Ценные сведения по исследуемой проблеме содержится в так называемой «Книге мужества», автор которой Асафи Дал-Мехмед. Челеби также был свидетелем сражений османского войска во главе с Осман-пашой с севевидами. Рукопись находится в библиотеке Стамбульского университета, а копия во дворце Топкапы⁶.

Список подобной исторической литературы можно было продолжить, но и данного перечисления нарративных источников достаточно, чтобы убедиться в необходимости использования османских материалов по изучению истории народов Северного Кавказа. До сих пор многочисленные османские источники не получили должной оценки и пока остаются недоступными широкому кругу исследователей. В 1992 г. в Анкаре состоялся международный симпозиум, посвященный 500-летию русско-турецких отношений, после чего в 1996 г. был подписан протокол о создании Союза турецких и российских историков, который наметил проекты о совместных научных исследованиях (500 лет турецко-русским отношениям. 1491–1992. Анкара, 1996)⁷. Таким образом в настоящее время сняты препятствия по обмену научной информации в области исторических знаний и обе стороны могут свободно пользоваться архивными и иными материалами двух стран.

За последние десятилетия в турецкой историографии наблюдается активизация научного интереса к проблемам османо-кавказских отношений, в особенности к первоначальным истокам складывания этих связей. Большое внимание турецкие историки уделяют вопросам покорения отдельных частей территории Северного Кавказа османскими войсками. Действительно, Османской империи удалось во второй половине XV в. распространить свою власть над землями

Абхазии и Мингрелии (1451, 1454), отвоевать у генуэзцев Крым (1475) и черкесские крепости Анапа, Темрюк и Коба (1479). Впоследствии эти территории вместе с крепостью Азов вошли в состав нового османского санджака Каффа (или Кефе), который стал основным плацдармом в длительном противостоянии османского и русского государств в борьбе за территории Северного Кавказа. Во второй половине XVI в. дальнейшее проникновение османов в этот регион большей частью связано с длительной войной между Османской империей и Ираном. В ходе ожесточенной борьбы между сефевидами и османами в Закавказье северокавказский путь стал играть важную роль для переброски крымско-османских войск из Крыма через Северный Кавказ. Благодаря этим событиям османские летописцы оставили нам ценные сведения о военных походах, местностях и религиозных верованиях местных жителей.

В результате такого оживления интереса к османо-кавказским отношениям свет увидел довольно большое число исследований, анализирующих различные стороны политики Османской империи на Кавказе. Данное небольшое исследование в основном опирается на работах двух турецких историков, непосредственно освещавших проблемы истории народов Северного Кавказа в XVI в. Автором первой из них является Ф. Кырзыоглу, издавший книгу под названием «Завоевание османами Кавказа» (1451–1590)⁸. Сам труд охватывает географически весь Кавказ, но в нем довольно большое место занимает завоевательные походы крымско-османских войск на Северный Кавказ, а также письменные переговоры османских властей с владельцами региона о безопасном пропуске этих войск через их территории. В исследовании содержится богатый фактический материал, который требует дальнейшего объективного изучения.

Второй автор – Ю. Озтюрк, выпустивший свой монографический труд «Каффа под властью османов (1475–1600)», исследует вопросы политической истории, административно-территориального деления, демографии и экономики области Каффа⁹. А так как в нее входили не только Крым, но и Азов с окрестностями, восточное побережье Азовского моря, Тамань, Анапа, то автор предоставляет подробные данные по каждому населенному пункту, входящему в состав этой области. В итоге Ю. Озтюрк смог воссоздать, на наш взгляд, цельную картину жизнедеятельности данной османской области с учетом изменений статуса областного или районного центров на протяжении исследуемого периода. Труд турецкого историка хронологически охватывает тот же период, который обозначен в книге Ф. Кырзыоглу,

а потому он становится определенным дополнением по изучению предложенной темы. Несмотря на то, что исследование анализирует лишь часть территории Северного Кавказа, факты, содержащиеся в нем, могут послужить дополнительным материалом по обозначенным аспектам истории народов Северного Кавказа.

Нужно сразу оговорить, что в рамках данной статьи не ставилась задача полного анализа упомянутых работ, а только предпринята попытка высветить материалы, содержащие сведения о жителях Северного Кавказа. Обосновывая принадлежность территории Северного Кавказа Крымскому ханству, а затем Османской империи, Ф. Кырзыоглу приводит ряд аргументов. Главный довод, по его мнению, сводится к тому, что эти земли раньше входили в Золотую Орду, а после ее распада они по наследству перешли к крымским ханам¹⁰. Другой фактор связан с ярлыком первого крымского хана Хаджи-Гирея, в котором, перечисляя свои владения в азиатской части, говорится, что «земли Тамани (черноморские черкесы), Кобы (нижние кубанские черкесы), кыбджака («Дешт-и Кыпчак», включающий территории между Доном и Тереком с центром сперва в Бештау, а затем в Азове) подвластны мне»¹¹. Тем самым земли Черкесии, Дагестана и Ногайские степи объявляются частью Крымского ханства. Следующие аргументы связаны с завоевательными походами Сахиб-Гирея, который якобы покорил западных черкесов и кабардинцев. Однако ему возражает Ю. Озтюрк, который считает, что единовременные жестокие походы не способствовали покорению северо-кавказских народов. Трудно с ним не согласиться в том, что «крымские войска так и не смогли окончательно завоевать Западную Черкесию и Кабарду»¹². Более того автор полагает, что деспотическими методами, применяемыми крымскими ханами в борьбе с черкесами, невозможно было осуществить реальное господство над ними¹³.

В таком же положении оказались ногайские орды, которые подверглись кровавому избиению в 1546 г. Ссылаясь на Реммаля Ходжу, Ю. Озтюрк рассказывает о страшном событии, произошедшем во время сражения татарского войска с ногайцами. «В течение короткого времени, — пишет автор, — случилось такое кровавое избиение ногайцев, что все поле было покрыто трупами»¹⁴. Причиной такой бойни стала борьба за золотоордынское наследство. Если крымское войско ранее применяло политику пленения противника, то в этом случае, оно отказавшись, от этой традиции, подвергало ногайских пленников какой-то изощренной, мученической смерти. В результате такой физической расправы, разочарованные в политике Крымского хана, ногайцы разделились на две группы (1555–1557), большая часть

которой ушла под защиту России. Эти же события, по мнению турецких авторов, вынудили Кабарду отправить в Москву в 1552 г. двух князей с просьбой о защите и покровительстве¹⁵. После смерти виновников раздора – братьев Юсуф-мирзы и Исмаил-мирзы – наступил период окончательного распада ногайских племен. По словам Озтюрка Ю., ослабление Ногайской орды позволило создать благоприятные условия для усиления господства казаков в степях между Приволжьем и Черным морем. Позже (во второй половине XVI в.) ногайцы, перешедшие на сторону России, объединившись с казаками и черкесами, совершали периодические набеги на крепости Тамань и Азов. При этих условиях возрастало влияние России на Черном море и на Кавказе¹⁶.

Первое открытое объединение казаков и черкесов произошло во время русского похода в 1557 г. в период правления Девлет Гирея (1551–1557), пришедшего к власти после Сахиб Гирея. Казаки осадили Ислам-керман, расположенный в устье реки Днепр, а черкесы крепости Тамань и Темрюк на Таманском полуострове. Так, Крым оказался как с запада, так и с востока в очень опасном положении. Крымскому хану пришлось немедленно прервать поход на Москву и срочно вернуться назад. Начиная с этого события, в случае похода на Россию, хан вынужден был учитывать обеспечение безопасности Крыма. Возрастание агрессии со стороны казаков и черкесов против Крымского ханства привело к тому, что казачий атаман Димитраш со своим войском окружил Азов в 1569 г. и в ходе крупного морского сражения вынужден был отступить. Одновременно с этими событиями, как видно из послания османских властей крымскому хану от 24 ноября 1559 г., Озтюрк Ю. пишет, что «еще раньше бештавские и жанейские черкесы, объединившись, напали на Тамань»¹⁷. Сражение между черкесскими и крымскими войсками завершилось тем, что все черкесы покинули Тамань.

Ю. Озтюрк отмечает, что, оценивая создавшуюся ситуацию вокруг санджака Каффы, центральная власть империи пыталась вернуть черкесов на прежнее место жительства мирными методами, чтобы не допустить их союза с Россией. Однако эти меры не были до конца реализованы, и крымские ханы вновь обратились к политике насильного переселения.

На основании вышеизложенных фактов можно сделать вывод о том, что сложившиеся к XVI веку политические связи между Крымским ханством и Османской империей носили неустойчивый характер. Османы, заинтересованные в распространении своего влияния в этом регионе, пытались решить эту проблему то с позиции силы, то мирными методами. В результате Османское государство так и не

сумело полностью овладеть этой территорией. А постепенное усиление политической роли Русского государства, расширяющего свои земли в южном направлении, временно приостановило прямое вмешательство Крымского ханства во внутренние дела народов Северного Кавказа. Периодические набеги крымских войск продолжались и в последующие столетия, в частности на Кабарду, но они уже не имели такого успеха, как раньше. Отныне основным орудием воздействия на кавказское население становится религия ислам, которую стараются распространить разными способами.

Известно, что мусульманская религия была принята жителями Дагестана и Чечни гораздо раньше. Что же касается черкесов, то османские источники отмечают, что к моменту завоевания Анапы и Тамани «они пребывали еще в состоянии невежества». В одной из хроник так описывается победа османских войск над прибрежными черкесами: «Серкешские храбрецы, сражавшиеся против османов целый день, роняли гордые головы под ударами безжалостной сабли. Эти невежественные люди стали добычей наших стрел, летевших словно голодные орлы, мечей отважных, которые накрыли их подобно морской волне». Восхваляя победу османского оружия, автор хроники далее пишет, что «многие жители этой страны неверных, в которой не было приверженцев ислама, подняв знамя пророка, вступили на истинный путь»¹⁸. В другом месте книги Ф. Кырзыоглу территорию «Страны черкесов» определяет так: «Эта область простирается от Тамани вдоль побережья Черного моря до границ Дагестана. Эта страна делится на 11 кабаков, т.е. княжеств или бейликов. Некоторая часть населения является мусульманами, а другая часть гяур»¹⁹. Данные сведения свидетельствуют о том, что ислам пока еще не получил массового распространения среди черкесского населения. Видимо, поэтому в нарративных источниках часто встречается фраза – «то ли христиане, то ли мусульмане», характеризую религиозную принадлежность черкесов.

В нескольких архивных документах, приводимых Ф. Кырзыоглу в конце своего труда, имеются перечисления имен владельцев и правителей народов Северного Кавказа. Данные материалы извлечены из Журнала неотложных дел (Mühimmedefter – один из журналов визирата), куда заносились оперативные сведения по всей империи. В одном из них содержатся распоряжения визирата о необходимости отправки османских рудакопов во главе с Синан Чавушем в Ширван, где были обнаружены залежи серебра. Они должны были добраться до места по маршруту Тамань-Дербент, в связи с чем визират письменно обращается к правителям Северного Кавказа для обеспечения безопасного прохода через их территории. Вот первый список

северокавказских правителей, на чьи имена направлены распоряжения визирата от 16–25 марта 1581 г.: 1) Мехмеду – правителю Ада (Тамани); 2) Карабудак-бею (Южный Комул); 3) Андиян-бею – сыну шамхала; 4) Эльбулад-бею – правителю Буздук; 5) Исмаил-бею – правителю Северного Комука, Кейхусреву и Чирак; 6) Мехмеду – правителю санджака Вайнах; 7) Масуму – правителю нижнего Табасарана; 8) Ибрагиму – вождю племени; 9) Арслану – кабардинскому князю; 10) Кансу – правителю Кемюргея (христианские черкесы); Солоху – кабардинскому князю; 12) Альп-Кач-бею; 13) Халилу – одному из вождей южного Каракайтака; 14) визирю Осман-паше; 15) Чеченскому бею; 16) Шамхал-бею; 17) Альпа(ут)у – одному из вождей; 18) султан Касым Мирзе – ногайскому мурзе; 19) Султанай – бею; 20) Исюми-бею – правителю Кайтака; 21) Масуму – правителю Табасарана; 22) Мурад-Мирзе – ногайскому мурзе; 23) Исмаил-бею; 24) Яхши Саат-бею – нагайскому мурзе (Ф. Кырзыоглу, Анкара, 1998, с. 440–441)²⁰. За ним последовало распоряжение от 8 июля 1583 г., куда вошли следующие новые имена: 1) Джансук-бей; 2) Дур-Мехмед, Тогай, Ака-Кула Хаджи – ногайские мурзы; 3) Султан Мирза – правитель Сюмека; 4) Гази Мирза; 5) Карашай Мирза (от балкарцев и карачаевцев)²¹. Приведенные архивные материалы показывают достаточно хорошую осведомленность османских властей о политическом устройстве народов Северного Кавказа.

Если обратиться к политико-правовой оценке претензий крымских ханов на черкесские территории, то приводимые ими аргументы не выдерживают критики. Дело в том, что вышеназванные факты и последующие требуют выяснения юридической природы и политико-правового содержания османско-черкесских взаимоотношений в XVI в. на основе теории и практики международного права эпохи феодализма. Такой научный анализ провел в одной из своих работ К.Ф. Дзамихов, исследовавший вопрос политико-правового оформления русско-кабардинских отношений в XVI – начале XVIII в. По его мнению, «чтобы суждения, оценки и выводы строились только на основе исторических источников, несущих информацию об изучаемой эпохе, и осмысливались в понятиях феодального договорного права»²².

В качестве важного факта, подтверждающего принадлежность Северного Кавказа с 1475 г. Османскому государству, Ф. Кырзыоглу приводит текст высочайшего послания султана Селима II в 1571 г. Ивану IV, в котором говорится следующее: «Со времен завоевания Каффы моим покойным дедом султаном Мехмедом II Крымское ханство и небольшие черкесские княжества изъявили желание быть подданными падишаха и до настоящего времени они рады быть под

властью султана в качестве имперских вилайетов, которых османы часто защищали от внешних врагов»²³. Автор в работе часто использует такие термины как «вилайет Черкесия», «вилайет Кабарда», «вилайет Дагестан», не давая юридического обоснования. Лишь один раз в исследовании Ф. Кызыюглу упоминается о подписании «договора» с жанейским князем по имени Кансавук, получившем от Османской империи бунчук и санджак (символы власти). Такое положение, по мнению автора, позволило ему стать одним из влиятельных черкесских владельцев, но при этом князь Кансавук часто нарушал условия «договора»²⁴.

Другой точки зрения придерживается Ю. Озтюрк, который полагает, что «Османское государство выработало два подхода к черкесской проблеме»²⁵. Общая платформа этих подходов зиждилась на политике управления черкесами на расстоянии, то есть путем ограничения самостоятельности и внедрения здесь своих законов. Первый из них предполагал заключение договора с черкесскими правителями и постепенного включения их в систему османского государства. Однако пример князя Кансавука показал неэффективность такого соглашения, а потому заработало второе политическое решение по отношению к черкесам – использование военных сил, прибегая к карательным походам с помощью войск крымского хана и правителя Каффы. Учитывая, что походы на черкесов в XVI в. организовывались по жалобе санджакбея Каффы, автор приходит к выводу, что существовало скрытое соглашение между Крымским ханством и Османской империей в этом вопросе²⁶.

Обобщая вышеизложенное, отметим необходимость дальнейшего поиска и привлечения османских источников по изучению истории народов Северного Кавказа в XVI в. Это позволит расширить источниковую базу и обогатить наши познания исторического прошлого народов, населяющих данный регион.

Примечания

1. Tarih-i Sahib Giray Han, Dr. Özalp Gökbilgin, Baylan Matbaası, Ankara, 1973. 311 s.
2. Hüseyin bin Mehmet, Gazavat-ı özdemiroğlu Osman Paşa, İstanbul belediye Kütüphanesi, Yazmalar, Sayı:0.118/2.
3. Solak Ebubekir bin Abdullah, «Şark Seferi'nde Sürkhser ile Vaki Olan Ahvalleri ve Şirvan'da Osman Paşa ile Sürkhser'ün Muharebeleri Beyan Eder, Millet/Alî Emiri Küt., Tarih-Sayı 366».

4. Kemal Paşa-zade, Tevarih-I al-I Osman, X defter, hazırlayan: Doç. Dr.Şefaettin Severcan, Türk Tarih kurumu Basımevi, Ankara, 1996.
5. Aşıkı Mehmed-Çelebi, Menazırul avalim, Nuruosmaniye Küt., 3032.
6. Asafı Dal-Mehmed Çelebi, Şecaatname, İst.Üniv. Küt.Ty 6043.
7. Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl (1491–1992), Ankara, 1999, 235 s.
8. Kırzioğlu M.F. Osmanlılarçın Kafkasya – Elleriçni Fethi (1451–1590). Türk Tarih Kurumu Basımevi, Ankara, 1998. 550 s.
9. Öztürk Yücel. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). Ankara, 2001. 536 s.
10. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 60.
11. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 60.
12. Öztürk Yücel. A.g.e. S. 69–70.
13. Öztürk Yücel. A.g.e. S. 70.
14. Öztürk Yücel. A.g.e. S. 71.
15. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 62.
16. Öztürk Yücel. A.g.e. S. 71.
17. Öztürk Yücel. A.g.e. S. 73.
18. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 67.
19. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 78–79.
20. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 440–441.
21. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 441.
22. Дзамихов К.Ф. К вопросу политико-правового оформления русско-кабардинских отношений (вторая половина XVI – начало XVIII в.) // Черкесский вопрос: история, проблемы и пути решения. Нальчик, 2012. С. 6.
23. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 63.
24. Kırzioğlu F. A.g.e. S. 61.
25. Öztürk Yücel. A.g.e. S. 69.
26. Ibid.

THE OTTOMAN-CAUCASIAN RELATIONS IN THE XVIth CENTURY IN THE TURKISH HISTORIOGRAPHY (POLITICAL, RELIGIOUS AND ETHNIC ASPECTS)

The article gives a brief overview of the Ottoman sources containing valuable information on the history of the North Caucasus of the 16th century. Driven narrative materials and archive sources for objective and subjective reasons, do not become the subject of scientific analysis in the domestic Caucasian studies. Meanwhile, the 16th century is the period of greatest prosperity of the Ottoman Empire, and the time had close contact with the peoples of the region. Therefore, the established Ottoman-Caucasian relations should be reflected in the written sources of the empire of the 16th century. Turkish historiography is rich in works of the Ottoman chroniclers, whose authors left detailed descriptions of the inhabitants of this land – geograficheskogo, religious and ethnic differences, from Taman to Dagestan. Such materials gathered during the military campaigns in the North Caucasus, which

along with the description of battles to save important information about the peoples inhabiting it. The main purpose of the article is to ensure, Ottoman sources that can serve as additional information on the source base expansion history of the peoples of the North Caucasus.

Keywords: *Ottoman Empire, the North Caucasus, Circassians, the Crimean Khanate, Kabarda.*

Berezgov Barasbi Nazhmudinovich

Candidate of History, senior research fellow at sector of a medieval and modern history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. +7-928-720-91-78

E-mail: kbigi@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР ЧЕРКЕССКОЙ РАБОТОРГОВЛИ В XIII–XV вв.

В статье исследуются особенности и характер торговли невольниками у черкесов в XIII–XV вв. Предпринимается попытка изучения механизмов её функционирования в этот период. Устанавливается, что сложившийся в традиционной науке подход к данному вопросу является неверным и не обоснованным историческими источниками. Отмечается, что сложившийся к XIII в. у черкесов институт рабства имел ярко выраженный патриархальный характер, при этом экономика Черкесии, в силу своего натурального характера, не зависела от использования труда рабов. Торговля невольниками в Причерноморском регионе на всем протяжении XIII–XV вв. Была монополизирована Венецией и Генуэзской республикой и регулировалась юридическими нормами этих государств. Делается вывод, что под работорговлей у черкесов следует понимать не узконаправленные финансовые операции, имеющие своей конечной целью лишь извлечение прибыли, а совокупность разнообразных социально-политических и экономических институтов, объединенных активным использованием в своих интересах такого инструмента, как невольничий рынок. Вместе с тем, устоявшееся в науке мнение о гипертрофированных масштабах черкесской работорговли является результатом некорректной интерпретации источников и документально не подтверждается.

Ключевые слова: Венеция, Генуя, Египет, Кавказ, Черное море, черкесы, работорговля, невольники, рекрутинг, социальный лифт, татары.

Дзуганов Тимур Аликович

К.и.н., с.н.с. сектора средневековой и новой истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. +7-988-720-09-83

E-mail: reka37917@gmail.com

Вопрос о черкесской работорговле стоит особняком в современном кавказоведении. Как правило, любое обращение к этой теме ограничивается констатацией существования самого явления вплоть до начала 60-х гг. XIX в. и его «гипертрофированных» масштабах. При этом суть этого исторического явления, его характер, движущие

силы и механизмы функционирования еще ни разу не становились объектами специального научного исследования. Во многом такой подход был обусловлен скудостью исторических источников с одной стороны, и наследством имперского императива о «диких горцах, продающих собственных детей», призванного оправдать морскую блокаду Черноморского побережья Черкесии на завершающем этапе Русско-Кавказской войны. В итоге, некорректные и документально не подтвержденные заявления об огромном количестве черкесских рабов на мировых невольничьих рынках, а так же значительных оборотах именно черкесской торговли невольниками кочует по страницам различных научных публикаций¹.

При таком упрощенном подходе из исследовательского поля выпадают целые пласты, составляющие суть данного явления. Речь идет о характере и особенностях торговли невольниками на разных исторических этапах, источниках, рынках сбыта, и, что является наиболее важным, ее социально-культурном аспекте.

Анализ сохранившихся источников позволяет выделить три основных этапа в истории черкесской работорговли, которые для удобства исследователей можно условно обозначить как «Византийский» – с IV по XII вв., «Латинский» – с XIII по XV вв. и «Турецкий» – с XVI по начало 60-х. гг. XIX вв. Такое разделение, по нашему мнению, будет оправдано не только хронологически, но и с позиции необходимости учитывать изменения в геополитической ситуации в Циркумпонтийском регионе и смену доминирующих держав.

Из выделенных этапов, как нам кажется, наибольший интерес представляет «Латинский», т.к. именно в этот период черкесы адаптируют некоторые механизмы черноморской работорговли, создавая тем самым уникальный инструмент для решения насущных задач в области социо-культурных коммуникаций. Речь идет о рекрутинге черкесов в мамлюкскую гвардию египетского султаната при посредничестве генуэзских и венецианских купцов. В средневековой Черкесии, как общеизвестно, не было регулярной армии, а каста профессиональных воинов живущих «с меча» являлась довольно закрытой. В связи с этим для большинства пассионарных юношей иностранный рекрутинг являлся единственной доступной формой социального лифта, иначе говоря, изменения своего социального и имущественного статуса.

Сложившийся к XIII в. у черкесов институт рабства носил ярко выраженный патриархальный характер, схожий во многом с классическим античным. Мы не будем специально останавливаться на

этом моменте, т. к. это явление уже было подробно прокомментировано в специальной литературе². Задачи исследования требуют от нас на данном этапе наиболее полного определения понятия такого исторического феномена, как черкесская работорговля в XIII–XV вв. В связи с этим, логично будет изучить механизмы и движущие силы этого явления, определить источники пополнения контингента рабов, проследить основные направления невольничьего трафика.

Применительно к XIII–XV вв. основным источником пополнения контингента рабов в Черкесии оставались многочисленные локальные конфликты и войны с соседями. Захваченным пленным предоставлялось право выкупить себя на свободу. Если же его родня не могла набрать необходимую сумму, такой невольник навсегда переводился в статус раба, с вытекающим отсюда поражением в правах.

Количество рабов у черкесов пополнялось так же за счет ясырей, регулярно поступающих от подвластных народов. Именно большинство этих невольников под брендом «черкесский раб» вывозилось венецианскими и генуэзскими купцами на рынки Таны и Каффы. Кроме того, из этого числа ясырей формировался выкуп, выплачиваемый черкесскими владельцами в определенных случаях, когда они не могли противостоять набегам крымских татар и предпочитали откупиться. «Властители Татарии имели обыкновение идти воевать дважды в год или по крайней мере хоть один раз, но подобные предприятия следовало бы скорее называть разбоем, чем войной ... выступали до 100 тысяч человек приблизительно, направляясь либо в Польшу, либо в Московию или же в Черкесию»³. Сама Черкесия в этот период, даже объединив усилия разрозненных княжеств, вряд ли могла бы выставить сопоставимые силы. По видимому, слиянием этих двух противоположных направлений трафика рабов (из Черкесии, но не являющимся этническими адыгами, а так же собственно черкесами, захваченными в набегах) и объясняется множественное упоминание последних на невольничьих рынках.

В XIII столетии сначала Венеция, затем Пиза и Генуя налаживают торговые связи с Сирией и Палестиной, затем Египтом. Их купеческий флот получает право вести торговые операции на побережье Черного моря. Итальянцы застали здесь уже существовавшую обширную торговлю рабами. Она производилась, главным образом, с Египтом, куда татары отправляли целыми партиями плененных ими русских, кавказских горцев и т.д., наполнявших собою ряды войск и гаремы египетского султана⁴. Комментируя этот факт, В. Гейд отмечал: «Уже с давних пор было принято у мамлюкских султанов, которые правили с середины XIII в. В Египте, набирать свою армию путем выкупа

рабов из северных областей, так как жители Египта сами менее приспособлены к ведению воин. С другой стороны, гаремная жизнь тех султанов и их знати требовала постоянно свежих поставок рабынь»⁵. Примечательно, что Гейд, который в XIX в. по праву считался одним из лучших специалистов по Левантийской и Черноморской торговле, в своих публикациях никаких сведений об участии в работорговле непосредственно черкесов либо других кавказских народов не приводит.

Торговые представители султана, пользовавшиеся правом, пожалованным им византийским императором Михаилом Палеологом, ежегодно являлись в Крым за живым товаром. Образование итальянских колоний в Тане, Кафе и т.д. в начале не оказывает серьезного влияния на характер торговых отношений Египта с черноморскими странами. Торговля рабами лишь сосредоточилась в этих городах, как наиболее удобных гаванях. Тем не менее, по словам Гейда, работорговля в прибрежных территориях Черного моря, в этот период, достигает высочайшего расцвета. Агенты султанов, которые хотели выкупить рабов, выбирали своей целью в первую очередь особенно северное побережье Черного моря, а султан Бибарс сумел благодаря послам и подаркам склонить императора Византии Михаила Палеолога, который, очевидно, не осознавал важности дела, разрешить египетским торговым судам проходить через Босфор; за год это было одно судно, которое должно было отправиться к Черному морю и обратно, но иногда их было два, а грузом, который они переправляли, были рабы, благодаря которым власть султанов стала значительно сильнее. Торговля этим товаром не могла быть нигде более прибыльной, чем здесь, заключает автор⁶. Итальянские колониальные власти первоначально ограничивались одним надзором за продажей рабов. Но затем выгодность торговли заставляет их сначала обложить пошлиною покупаемых рабов, а потом и забрать торговлю рабами в свои руки. Со второй половины XIII в. итальянские и главным образом генуэзские купцы ведут уже деятельную торговлю рабами, продолжая по-прежнему вывозить их в Египет. Они даже расширяют ее, пользуясь правом торговли с Арменией, с которой Генуя заключает торговый договор в 1288 г. Этот договор обеспечивал им получение нового контингента рабов. Армения дозволила им эту торговлю лишь при условии не продавать рабов сардинцам.

Рабы продавались не только в Европе, но и в Азии и в Египте, где спрос на них был постоянный. Мужчин всегда можно было продать в Египте, куда ежегодно доставляли до 2 тыс. рабов, – женщин, на которых спрос был сильнее в Европе, – в Италии⁷. Если говорить

о соотношении полов, то тут выявляется значительное различие между работорговлей в Египет и работорговлей в Европу. В Египте наибольшим спросом пользовались рабы мужского пола, так как, в основном, из них набирали армию. В Европе предпочитали девушек, так как «мягкий нрав их подходил для содержания их в доме, так как домашние работы выполнял ими лучшее, чем мужчинами, так как они легче обучались рукоделию, так как они могли лучше удовлетворить любые прихоти своих хозяев»⁸.

По данным Лучицкого, дешевле всего ценились татары. Именно татары поступали на рынки Европы в наибольшем количестве, потому и цена на них была относительно небольшой. Их покупали за 139 лир. Лишь в одном случае, в XV в., за 16 летнюю татарку заплатили 1684 лиры. Дороже всего, ценились русские женщины. Так, в 1429 г. 17-летняя русская девушка была приобретена за максимальную цену – 2093 лиры⁹. Ниже по цене стояли черкешенки. Цены на них колебались от 842 до 1459 лир. Только в итальянской Лукке в XIV в., цены на черкешенок составляли от 2000 до 2400 лир¹⁰.

Рабыни приобретались в качестве домашней прислуги. Служба, при условии перехода ими в христианство, продолжалась от 8 до 10 лет, затем они получали свободу. Покупать и содержать в прислугах рабыню могли позволить себе лишь состоятельные семейства. Наличие в доме рабыни, как правило, свидетельствовало о высоком доходе и социальном статусе хозяев и не могло быть широко распространенным явлением. Знатная флорентийка сеньора Strozzi в письме сыну от 13 сентября 1465 г. пишет: «Мне пришла мысль, что раз ты женишься, тебе необходимо будет взять рабыню... Какую либо татарку, которые все выносливы в работе, или черкешенку, отличающуюся, как и все ее соплеменницы, здоровьем и силою, или русскую, т.е. из России, которые выдаются своей красотой и сложением. По моему мнению, лучше взять татарку»¹¹. Очевидно, красота и сложение являлись наиболее значимыми качествами, влиявшими на цены. Кроме того, цены на женщин превосходили цены на мужчин. К XIV в. эта разница в цене становится более ощутимой. Документы свидетельствуют, что в этот период, на 500 лир можно было приобрести около пяти рабов, либо одну рабыню. Как замечает Лучицкий, раб ценился ниже рабыни, да сверх того и спрос на раба был в Италии гораздо более слабым, чем на рабынь¹².

Для транспортировки рабов использовались корабли, относительно которых действовал закон о мерах против переполнения судна. В соответствии с этим установлением, такой корабль мог взять на борт с одной палубой не более 30, двухпалубное судно только 45,

трехпалубное судно лишь 60 человек¹³. Учитывая трудности навигации Черного моря, а так же малую вместительность кораблей этого времени, Черноморский трафик рабов, в том числе и черкесов, просто не мог быть сколь нибудь значительным. Вызывает большие сомнения и тот факт, что 2000 рекрутов, поставлявшихся ко двору султана, были большей частью с побережья Кавказа, т.к. в этом случае около 20 средних торговых кораблей итальянцев вынуждены были бы не менее двух раз за навигацию выполнять перевозки исключительно рабов. Но о подобных специализированных перевозках ничего не известно. Наоборот, в большинстве случаев, как видно из нотариальных актов, торговля рабами являлась скорее побочным занятием для итальянских купцов средней руки и богатых ремесленников. Это подтверждается и данными Братиану¹⁴.

Перейдем теперь к источникам, характеризующим ситуацию непосредственно в Черкесии. Первое ее посещение европейцами происходит примерно в 30–40-е гг. XIII в. и было осуществлено венгерскими миссионерами. Они прожили среди зихов 50 дней, но никаких свидетельств о развитой торговле среди них не оставили. Затем последовали представители дипломатических миссий, направляемых Ватиканом ко двору ханов Золотой Орды (доминиканец Юлиан 1340 г., Гильом Рубрук 1253 г.). Проезжая в ставку хана, они вынужденно пересекали территории адыгских племен. Никаких сведений о черкесской работорговле их записи так же не содержат. Причем, если Юлиан ограничился формальной отпиской, то Рубрук, у которого, по-видимому, было больше времени, подробно описывает ассортимент рынков черкесской Матреги, пользующийся спросом у западных купцов: это «сушеная рыба, а именно осетры, чебаки и другая рыба в беспредельном количестве»¹⁵. Упоминания о торговле людьми мы у него не находим.

Особое внимание следует уделить сообщению немецкого дворянина Иоганна Шительбергера (1381–1440 гг.). Именно в его записках впервые встречаются краткие сведения о работорговле у черкесов. Сражаясь с турками в армии венгерского короля Сигизмунда, он в 1396 г. попадает в плен к султану Баязиду I. Находясь в плену и перемещаясь в обозе турецкого войска, он получает уникальную возможность «ознакомиться со многими странами Европы и Азии, в том числе и с Кавказом (Черкесия, Дагестан, Азербайджан, Грузия, Армения)»¹⁶. Шительбергер пишет в своих воспоминаниях: «Item, земля черкесов, так же при Черном море, ... тем не менее, они злые люди, продающие язычникам собственных детей своих и тех, которых они крадут у других...»¹⁷. Сообщение это имеет очень

важное значение для понимания общей картины. Шительбергер, хотя и сам не осознавал того, стал свидетелем функционирования одной из наиболее интересных социо-культурных коммуникаций у черкесов. Речь здесь идет о бытовавшей в адыгском обществе в этот период традиции, которую условно можно обозначить как разновидность социального лифта в условиях патриархального общества. Молодые черкесы, стремясь изменить свой социальный статус, прославиться, добиться почестей и богатства, нередко покидали родину, с целью поступления на воинскую службу. Как правило, их путь лежал на Восток. Бургундский дворянин Бертрандон де ла Броквиер, в 30-х гг. XV в. совершавший паломничество к святым местам, встретил не далеко от Дамаска шестерых молодых черкесов, направляющихся на службу к султану в Каир¹⁸. Любопытный эпизод содержится в хронике придворного летописца мамлюкских султанов Бен Ийаса. Он рассказывает о прибытии в Каир некоего пожилого черкеса с двумя сыновьями. Желая вырастить их настоящими воинами и составить им карьеру, черкес продает их в школу для мамлюков, сам же поступает инструктором в соседнюю¹⁹.

В большинстве случаев, родители не могли лично сопровождать детей, потому посреднические услуги оказывали заезжие купцы. Суть договора сводилась к обязательству купца доставить мальчика в Каир, а попадет он в гвардию султана или нет, зависело от личных качеств кадета. Формально, купец приобретал ребенка у родителей, и в случае неудачи имел право распоряжаться им по своему усмотрению. Но за соблюдением договора внимательно следили черкесские мамлюки Каира, кровно заинтересованные в пополнении своих рядов именно из числа земляков. Других возможностей возвыситься у мальчиков из крестьянских семей просто не было. По видимому, свидетелем заключения такой сделки и стал Шительбергер, который не понимал до конца смысла происходивших событий.

Следующий источник – воспоминания Иосафата Барбаро, посла венецианской республики в Тане в 1436–1452 гг. Барбаро лично посетил черкесское княжество Кремух. Помимо прочего в его описаниях встречается подробный перечень основных товаров черкесов: «Земля их изобилует хлебом, скотом и медом...»²⁰. Но опять таки, никаких сведений о торговле людьми не встречается. Нет упоминания о продаже ни захваченных в плен невольников, ни «собственных детей», о чем поведал Шительбергер.

Рассказ Барбаро подтверждается свидетельством Ибнфадлаллаха Эломари секретаря египетского султана Эльмелик – Эннасыра, который опираясь на сведения купцов, посещавших Золотую Орду примерно

в это же время, утверждал, что в землях черкесов – «горах лесистых и плодовых... произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т.е. водится скот), текут реки и добываются плоды»²¹. Никаких упоминаний о развитой работорговле черкесов ни у Барбаро, ни у арабских купцов мы не находим. Термин «раб» в соседстве с этнонимом «черкес» встречается у Барбаро. Венецианец рассказывает о некоем католическом монахе, жившем в Тане. Занимаясь торговлей птиц, тот настолько разбогател, что смог купить себе мальчика – черкеса, крестил его и со временем сделал монахом²². Как мы видим, Барбаро лишь констатирует факт покупки раба – черкеса. Являясь торговым представителем Венеции в Тане почти 20 лет и собирая всю информацию, имеющую интерес для купечества своей родины, Барбаро нигде не упоминает о масштабной работорговле, якобы процветавшей у черкесов.

Следует констатировать, что скудные и порой обрывочные источники оставили много места для некорректной и предвзятой интерпретации понятия «черкесская работорговля». Весьма показательны в этой связи результаты исследований видного французского ученого XIX в. Э. Примоде, занимавшегося изучением истории торговли в Левантийском и Причерноморском регионах. Основываясь на сохранившихся документах, он пишет, что именно генуэзцы и венецианцы занимались и торговлей невольниками, они покупали их на Кавказе и перепродавали египетскому султану. Дербент, по мнению Примоде, был самым важным рынком невольников и сборным местом купцов гилянских, ширванских, хазарских и многих других стран. Туда привозились невольники даже из России, отмечает автор²³. Тана, где египетский халиф имел своего консула, так же как и в Дербенте, была одним из первых рынков этой гнусной и бесчеловечной торговли. В 1432 г. генуэзский дворянин по имени Империаале был в Каффе поставщиком невольников для султана. По ходатайству генуэзцев, каирские владетели получили от константинопольского императора дозволение плавать по Черному морю и каждый год посылали туда два корабля. Груз невольников, привозимых на этих кораблях в Египет, большею частью составляли черкесские и грузинские мальчики, которые назначались в службу мамелюков²⁴. Откуда автор почерпнул сведения именно о «черкесских и грузинских мальчиках», не ясно, русский текст издания Примоде, вышедший в 1848 г., примечаний не содержит. Но автор, тем не менее, продолжает: «Некоторые из этих несчастных продавались сами, других продавали родители, а большею частью ими торговали итальянские купцы. Народы Кипчака и Кавказа, говорит один древний арабский писатель, всегда готовы были продать своих дочерей, но сыновей продавали только в том случае, когда

голод или война отнимала у них все другие средства к пропитанию»²⁵. Здесь и далее можно наблюдать некорректное цитирование автором первоисточника. «Арабский писатель» приводимый Примоде – это Ибнфадлаллах Эломари, но сам Эломари выразился несколько иначе: «Во время голода и засухи они (выше говорилось о русских и тюрках) продают своих сыновей. При избытке же они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности»²⁶. Т.е. прекрасно наслышанный о черкесах, секретарь египетского султана именно в этом месте своего сочинения говорит о совершенно других народах, не имеющих отношение к кавказским. Далее, имея в виду степняков – татар Эломари продолжает: «многие из степных жителей этого государства одеваются в шкуры... По временам, когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах, они продают детей своих, чтобы на выручку с них прокормить себя, и говорят относительно тех из детей своих, которых они продают: «лучше остаться в живых нам и ему (дитяти), чем умирать нам и ему»²⁷. Черкесы в данном разделе, как ясно из текста, не упоминаются вовсе, тем более, в связи с продажей собственных детей. О них говорится дальше, в том месте, где Эломари повествует о сопротивлении кипчакам соседних народов. «Хотя они, Кипчаки, одержали верх над ратями Черкесов, Русских, Маджаров и Ясов, но эти народы похищают детей их и продают их купцам»²⁸. Таким образом, арабский хронист сообщает о действиях дружин четырех народов, но Примоде, по неизвестным причинам, предпочел не заметить и этого, возложив всю вину за захват и торговлю пленниками исключительно на черкесов.

Развивая свою мысль, далее Примоде приходит к поразительному выводу, характеризующую экономику Черкесии периода Средневековья, далеко не с самой лучшей стороны: «Вообще, главную торговлю Черкесии составляли невольники. Черкешенки большею частью были прекрасны, стройны и обворожительны; мужчины почти все отличались высоким ростом и были хорошо сложены. Цена невольников была неодинакова: красота, возраст, здоровье и различие должностей, к которым они предназначались, определяли их цену.

Прикубанские татары, ведя непрерывные войны с черкесскими племенами, забирали на Кавказе женщин и детей и толпами приводили их в Тану, где и продавали христианским купцам за самую ничтожную цену»²⁹.

Этот тезис у Примоде вызывает особенно много вопросов. Начнем с того, что это заимствование из труда другого известного французского ученого и дипломата Карла Пейсонеля, и относящегося ко второй половине XVIII в.: «Рабы являются одним из главных предметов

торговли Черкесии» и далее³⁰. Ситуация с торговлей невольниками у черкесов, описанная Пейсонелем, не соответствовала, да и не могла соответствовать и в силу объективных причин реалиям XIII–XV вв. Как свидетельствуют письменные источники и результаты археологических исследований, уже к X в. ведущей отраслью экономики адыгских народов было пашенное земледелие. Довольно развитым было и скотоводство, а оружие и доспехи, встречающиеся в погребениях, позволяют сделать вывод о наличии высокоразвитого ремесла³¹. Нашествие монголов могло несколько замедлить процесс экономического развития предков современных черкесов, но уже в начале XIV в., по сведениям, собранным Эломари, ситуация с земледелием, скотоводством и торговлей в Черкесии нормализовалась.

Тем более Примоде, судя по его работам, знакомый с трудами арабского путешественника Ибнбатуты, бывавшего в столице Золотой Орды в начале XIV в., не мог не знать о наличии в городе отдельного черкесского рынка, упоминаемого арабским хронистом³². Этот черкесский рынок, наряду с византийским, кыпчакским и русским, с большой долей вероятности, специализировался на товарах и изделиях ремесла своей страны, а вовсе не невольниках, перегонять которых в Сарай не было никакого экономического смысла. Логичным объяснением столь странного небрежения Примоде записями арабского хрониста мы не располагаем, можно лишь допустить, что использование французским ученым сведений Ибнбатуты могло разрушить его стройную концепцию гипертрофированной «черкесской работорговли». Кроме того, ученый намеренно или неосознанно путает крымских татар с ногайцами, которые закрепились Прикубанье только в XVI в., т.е. примерно через столетие после падения венецианской Таны, и потому в XV в. никакие «Прикубанские татары» не могли «толпами» приводить черкесский полон на рынки этой венецианской фактории.

Подводя общие итоги, можно с уверенностью утверждать, что под работорговлей у черкесов следует понимать не узконаправленные финансовые операции, имеющие своей конечной целью извлечение прибыли, а совокупность разнообразных политических и экономических институтов, объединенных в рамках социо-культурных коммуникаций и призванных, в первую очередь, выполнять функции социального лифта. Побочным являлось юридическое оформление рекрутинга, а так же избавление от избыточного числа пленников, захваченных в ходе войн и локальных конфликтов, т. к. потребности в широком использовании рабского труда экономика Черкесии не испытывала. Рабы, поступавшие из Черкесии, вливались в Черноморский трафик

рабов, который уже с XIII в. становится важнейшей составной частью мировой торговли невольниками. Вплоть до конца XV столетия он находится под контролем, преимущественно, Венеции и Генуи. Главные его направления – Египет и Италия. Очевидно, что основной контингент рабов состоял из пленных, захваченных татарами в ходе набегов на Русь, Польшу, самих татар, а также населения кавказских княжеств. Никаких достоверных данных, позволяющих говорить о преобладании среди этих рабов именно черкесов, нами не выявлено. Вопреки утверждениям позднейших авторов, на европейских рынках наибольшим спросом пользовались невольники, захваченные на африканском континенте, средиземноморском побережье, и только затем доставляемые с берегов Черного моря славяне, татары и представители кавказских народов. Удельный вес последних был значительно ниже удельного веса невольников – татар. Устоявшееся в науке мнение о гипертрофированных масштабах черкесской работорговли, является результатом некорректной интерпретации источников и документально не подтверждается.

Примечания

1. См.: *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний // Исторический вестник. Вып. № V. Нальчик 2007; *Бадян В.В., Чинперис А.М.* Торговля Каффы в XIII– V вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев, 1974; *Бетрозов Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.

2. *Бетрозов Р.Ж.* Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.

3. *Д'Асколи* // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 123.

4. *Лучицкий И.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886. С. 12.

5. *Heyd W.* Geshichie des Levantehandels im mittelalter. Т. 2. С. 543.

6. *Heyd W.* С. 544.

7. *Лучицкий И.* С. 13.

8. *Heyd W.* С. 549.

9. *Лучицкий И.* С. 19.

10. *Лучицкий И.* С. 20.

11. *Лучицкий И.* С. 20.

12. *Лучицкий И.* С. 20.

13. *Heyd W.* С. 547.

14. *Bratianu C.* Actes des notaries genois de Pera et de Caffa de la fin du troizime siècle. Bucrest, 1927.

15. *Гильом Рубрук*. Путешествие в восточные страны Вильгельма Де Рубрука в лето благодати 1253 // Адыги, балкарцы и карачаевцы ... С. 35.

16. *Иоганн Шильтбергер*. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 // Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 38–39.

17. *Иоганн Шильтбергер*. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 // Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 38–39.

18. Имидж черкеса в книге бургундского путешественника первой половины XV в. Берtrandона де ла Броквиера // Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. СПб., 2001. С. 414.

19. *Бен Ийас*. Книга истории Египта, известной редкими цветами в событиях веков. (на араб. яз.). Булак, 1311–1312 г.х.

20. *Иосафат Барбаро*. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 42.

21. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 231.

22. Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 42.

23. *Примодэ Э. Де Ла*. Торговля итальянцев в XIII и XIV столетиях // Сын Отечества. СПб., 1848. Кн. 9–10. С. 37.

24. *Примодэ Э. Де Ла*. С. 37.

25. *Примодэ Э. Де Ла*. С. 37.

26. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 241.

27. *Тизенгаузен В.* С. 231.

28. *Тизенгаузен В.* С. 234.

29. *Примодэ Э. Де Ла*. С. 39.

30. *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 197.

31. *Бетрозов Р.Ж.* Указ. соч. С. 113.

32. *Тизенгаузен В.* С. 306.

THE FEATURES AND NATURE OF THE CIRCASSIAN SLAVE TRADE IN THE XIII–XV CENTURIES

The article examines the characteristics and nature of the slave trade in the Circassians in the XIII–XV centuries. Attempts to study the mechanisms of its functioning during this period. It is established that formed in conventional science approach to this issue is incorrect and unfounded historical sources. It is noted that the current to the XIII century. Circassians in the institution of slavery was pronounced patriarchal, with the economy Cherkessia, because of its natural character, not dependent on the use of slave labor. The slave trade in the Black Sea region throughout the XIII–XV cc. It was monopolized by Venice and Genoa Republic and regulated by the legal norms of these countries. It concludes that,

under slave Circassians should not be understood narrowly focused financial transactions with the ultimate aim of a profit, but a set of diverse socio-political and economic institutions, combining the active taking advantage of tools such as the slave market. At the same time, the established opinion about the science of hypertrophied scale Circassian slave, is the result of an incorrect interpretation of the sources and documents is not supported.

Keywords: Venice, Genoa, Egypt, the Caucasus, the Black Sea, the Circassians, the slave trade, slaves, recruitment, social elevator; Tatars.

Dzuganov Timur Alikovich

Candidate of History, senior research fellow at sector of a medieval and modern history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. +7-988-720-09-83

E-mail: reka37917@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КЕМИРГОКО ИДАРОВА: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Происхождение семьи Идаровых и ее насильственное водворение в Кабарде детерминировало острый внутривнутриполитический конфликт. Начало военно-политических контактов между черкесскими владельцами и русским государством позволило Кемиргоко Идарову установить тесные связи с Москвой, которые он пытался использовать как решающий фактор во внутриполитической борьбе. Политический проект Кемиргоко Идарова заключался в централизации Кабарды за счет ограничения ее суверенитета. Эта стратегия, позволила ему на короткое время консолидировать Кабардинское княжество и предпринять попытку расширить свое влияние в Черкесии.

Ключевые слова: династия Иналидов, род Идаровых, внутривнутриполитическая борьба в Кабарде, политический проект Кемиргоко Идарова.

Кожев Заурбек Анзорович

К.и.н., с.н.с. сектора средневековой и новой истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. +7-903-497-11-69

E-mail: zaurbek_k@mail.ru

Кемиргоко Идаров – *пцыхуэ* («великий князь») Кабарды (вторая половина 50-х г. XVI в. – 1570 г.), инициатор первого кабардинского посольства в Москву (1557 г.), с 1561 г. тесть Ивана IV Грозного (1547–1584), под именем Темрюка Идарова хорошо известен отечественной историографии. Несмотря на обширную научную и научно-популярную литературу, посвященную этому историческому деятелю, ему по-настоящему не повезло. Во-первых, сохранилось очень мало достоверных источников о его жизни и деятельности. Это небольшой корпус русских летописных данных, а также дипломатических документов, и разноречивые свидетельства адыгского фольклора, впервые введенные в научный оборот еще Ш.Б. Ногмовым. Во-вторых, первый этап установления кабардино-

русских отношений и их наиболее активный политический субъект среди черкесских князей надолго стали символами «добровольного вхождения» Кабарды в состав России, а следовательно оказались заложниками устойчивых идеологем советской историографии, не способствовавших объективному изучению характера русско-адыгских связей и того влияния, которое оказали на их развитие те или иные исторические персоналии. Смягчение тезиса о «добровольном вхождении» и его трансформация в «военно-политический союз» между Кабардой и Россией также не проясняют деталей исторической биографии пшышхуэ Кемиргоко Идарова. Лучшим свидетельством этому служит инерционная устойчивость стереотипных взглядов на жизнь и деятельность Кемиргоко Идарова в современном научном дискурсе и даже сохранение его имени в искаженной форме – Темрюк, тиражируемой в учебной и научно-популярной литературе, названиях улиц и т.д. Однако, нам представляется, что весь комплекс доступной информации о происхождении рода Идаровых, истории их вокняжения в Кабарде в купе с общим историческим контекстом эпохи позволяют реконструировать стратегию главы этого княжеского дома в его бурной дипломатической деятельности на московском направлении.

В одной из статей мы подробно касались вопросов, связанных с проблемой происхождения Кемиргоко Идарова и его последующего «переименования» в Темрюка¹. Идаровы являлись четвертым поколением той части Иналидов, которые княжили в Кабарде (*Инал и сын, Тэ(о)былэ и сын, Инэрмэс и сын, Идар и сын*), а Кемиргоко возглавлял патронимию после смерти отца, как старший из пяти братьев. Жизнь и деятельность братьев Идаровых охватывает вторую половину XVI в. По русским письменным источникам в разное время пшышхуэ Кабарды становились Кемиргоко, Биту и Канбулат Идаровы. Кроме них в Кабарде сформировались княжеские фамилии Кайтукиных (*Инал и сын, Тэ(о)былэ и сын, Жанхъуэт и сын, Беслэн и сын, Къэйтыхъуэ и сын*), Талостановых (*Инал и сын, Тэ(о)былэ и сын, Жанхъуэт и сын, Тэлостэн и сын*), Джиляхстановых (*Инал и сын, Тэ(о)былэ и сын, Минболэт и сын, Джылэхъстэн и сын*), а также отрасль Иналидов Каноковых (*Инал и сын, Беслэн и сын, Къэнокъуэ и сын*), которые отделились от кабардинцев и основали самостоятельное владение Бесланей не позднее 40-х гг. XVI в.² В остальных княжеских владениях Черкесии (Жане, Кемиргой) также происходили процессы формирования самостоятельных владетельных домов и дробления крупных государственно-политических образований на феодальные уделы. Уже в 40-х гг. XVI в. как отдельное княжество упоминается

Хатукай, который ранее составлял часть Кемиргоя. Возникает хегакское владение³. Первая половина XVI в. характеризуется для княжеской Черкесии упадком и без того слабым институтом центральной политической власти. После смерти Инала его потомство не сумело выработать действенные механизмы сохранения государственного единства всех подвластных земель. С умножением числа Иналидов, архаичный порядок наследования высшей политической власти не от отца к сыну, а к старшим в роду, превратил княжескую Черкесию в конгломерат феодальных владений, политически связанных лишь общностью происхождения правящей династии. По-видимому, старшей линией в роду Инала были кемиргоевские Болотоковы. Согласно устной традиции именно Болотоковы слыли «князьями из князей»⁴. Но различные ветви Иналовичей с самого начала своего политического бытия предпочли замыкаться в рамках отдельных владений, которые в свою очередь дробили на уделы, связанные властью пожизненно избираемого *пщышхуэ* («великого князя»).

Несмотря на это, в первой половине XVI в. князья Иналовичи ощущали себя соучастниками политического процесса в стране, и династический кризис в одном из княжеств мог привести к активному вмешательству наиболее влиятельных владетельных домов всей Черкесии. Яркий пример тому – история водворения в Кабарде Идара Инармасова в качестве *пщышхуэ*. Это событие относится примерно ко второй четверти XVI в. Идар Инармасов после ранней смерти отца воспитывался в семье своего деда по матери – бжедугского князя Эльжера Химишева, а достигнув зрелого возраста, решил вернуть отцовское наследство. Его поддержали западноадыгские владетели. Крупномасштабный конфликт, в который оказались втянуты практически все княжеские владения Черкесии, завершился лишь после Кызбурунского сражения⁵. Идар Инармасов и его союзники как победители продиктовали условия мира: «Князь Идар прибыл в Кабарду и, приняв бразды правления, владел ею беспрекословно. Собственная его часть называлась Идарией»⁶. Одним из результатов этого широкомасштабного военного конфликта, спровоцированного стремлением Идара Инармасова восстановить свои владельческие права, и стало отделение от Кабарды Бесленеевского княжества⁷.

Впечатление, которое оставили в исторической памяти кабардинцев события, связанные с водворением в Кабарде Идара Инармасова в качестве великого князя, во многом определило дальнейшую судьбу его многочисленного семейства. Род Идаровых так и не смог преодолеть негативное впечатление, связанное с их новоприобретенным

статусом и политическими амбициями. Идар «прибыл в Кабарду» с семьей, то есть с взрослыми сыновьями. Матерью Идара Инармасова была бжедугская княжна из рода Химишевых. Песня о Кызбурунском сражении именует его, кроме того, воспитанником Эльжера Химишева⁸. Кемиргоко Идаров («кемиргоевский сын»), судя по имени, мог быть либо «племянником» (по матери) либо воспитанником кемиргоевских князей. Впрочем, одно не исключает другого. Этнокультурная дистанция между западными и восточными адыгами была не настолько ощутима, чтобы помешать естественной ассимиляции Идаровых в кабардинской среде. Но метод водворения в Кабарде нового пшышхуэ во главе с многочисленным семейством, тесно связанным с бжедугской и кемиргоевской аристократией, на «чужих штыках» не мог добавить ему популярности. По одной из «Родословных» Идар даже погиб насильственной смертью: «А у Инармаса-мурзы дети: Идар-мурза да убит»⁹.

Со смертью Идара Инармасова соперничество его наследников с другими княжескими домами Кабарды закономерно обострилось. Пшеапшоко и Асланбек Кайтукины, Тепсаруко Талостанов хорошо известны русским источникам, как активные конкуренты Кемиргоко Идарова в борьбе за власть и политическое влияние в Кабарде в 50–60 гг.¹⁰ Семейство Идаровых было многочисленно. Идар имел возможность оценить горечь своего одиночества, ведь он был «вдовый сын», единственный наследник своего отца. У самого Идара (по родословному списку А.И. Лобанова-Ростовского) было пять сыновей¹¹. В Кабарду он попал зрелым мужем, достигшим возраста, позволяющего претендовать на старшинство среди братьев – князей Иналовичей. Значит, все Идаровы родились и выросли за пределами Кабарды. Следовательно, они имели прекрасные династические, аталыческие, личные связи в Западной Черкесии, но испытывали острый дефицит «психологической легитимности» в Кабарде. В первую очередь, среди политического класса княжества – пши-уорков, которые до поражения в Кызбурунском сражении не желали делиться властью с «вдовым сыном» и его потомками. После смерти Идара, Кемиргоко, как новый глава Идаровых и Идарея, оказался в сложном положении. Крайняя напряженность отношений между Идаровыми с одной стороны и Кайтукиными и Талостановыми – с другой, несомненна. Между этими фамилиями лежала неотомщенная кровь и непримиримые противоречия – претензии на верховную власть в Кабарде.

Вплоть до установления прочных кабардино-русских отношений и появления целого корпуса русских письменных источников о Черкесии,

мы вынуждены опираться на фрагментарные данные и адыгский фольклор в анализе событий и оценке деятельности Идаровых в Кабарде. Она выглядит крайне неоднозначно. Во-первых, адыгский фольклор упоминает Идаровых – Канбулата и Биту, как организаторов и активных участников предательского убийства Андемиркана – идеального рыцаря черкесского средневековья. Место действия – у слияния рр. Черек и Хеу, т.е. территория исторического Идарея, также явно свидетельствует против Идаровых и их лидера¹². Андемиркан – знаковая фигура черкесской истории. Идеальный рыцарь, князь-бастард (*пицтумэ*), участник Бахчисарайского похода, взятия Астрахани (1532) и всех масштабных военно-политических событий 20–40 гг. XVI в. Андемиркан практически всегда упоминается вместе с Бесланом и Талостаном Жанхотовыми, как их боевой соратник, а иногда антагонист, превосходящий мужеством и силой своих собратьев князей с «незапятнанной» родословной. С его смертью заканчивается великая эпоха черкесской Реконкисты Центрального Предкавказья. Предательское убийство Андемиркана лежит несмываемым пятном на репутации Идаровых, в том числе и их лидера – Кемиргоко, хотя он не принимал в нем непосредственного участия. Во всяком случае, адыгский фольклор об этом не упоминает.

Еще раз в истории Кабарды первой половины XVI в. Идаровы упоминаются в связи с походом крымского хана Сахиб-Гирея (1532–1551). Согласно рассказу татарского хрониста Реммал-хаджи, в Крым приехал кабардинский князь Элбозду с просьбой помочь против своего двоюродного брата¹³. В описываемое время (1545) среди кабардинских князей был только один Элбозду (Елбузду) – один из младших сыновей Кемиргоко Идарова¹⁴. Подробности внутривосполитической борьбы в Кабарде, опираясь на данные татарского хрониста, выяснить невозможно. По приглашению Элбозду Идарова Сахиб-Гирей собрал 60–70 тыс. воинов и через Азов степями двинулся в Кабарду. В районе Пятигорья (на р. Малка) крымская армия последовательно разгромила кабардинцев и бжедугов, которые под охраной своих воинов собирали урожай. Любопытно упоминание «людей племени буждук» в этих событиях. Их ежегодные, судя по данным татарского хрониста, появления в Кабарде для сева и сбора урожая, возможно, были формой оплаты Идаровыми заслуг бжедугов в Кызбурунском сражении, а также способом прочно интегрировать в Кабардинское княжество хотя бы часть своих наиболее лояльных западночеркесских союзников. Тем подлее выглядит роль Элбозду Идарова в крымском походе 1545 г. По сообщению Реммал-хаджи, только его советы помогли

Сахиб-Гирею избежать поражения и разгромить в упорном ночном сражении бжедугов¹⁵. Дальнейшая судьба Элбозду Идарова не ясна. Он несколько раз мелькает в документах середины XVI в., но заметной роли в истории Кабарды не играет.

Старший из Идаровичей, напротив, становится с середины XVI в. знаковой фигурой в истории Кабарды и всей Черкесии. Это связано, во-первых, с переходом великого княжения в Кабарде к Кемиргоко Идарову (не позднее середины 50-х гг.), а во-вторых, с началом эпохи устойчивых русско-черкесских связей, в развитие которых он вложил так много сил. Московское направление черкесской внешней политики открыло первое посольство 1552 г. Инициаторами дипломатической активности, имевшей принципиальные для истории Черкесии последствия, были бесленевский и абазинский владетели («Маашук-князь» Каноков и «князь Иван Езбузлуков»)¹⁶. Эту инициативу вскоре (в 1555 г.) поддержали жанеевские князья. Предметом переговоров, судя по данным русских летописей и общему историческому контексту, были условия заключения широкомасштабного русско-черкесского альянса, направленного против экспансии в Северном Причерноморье и на юге России Османской империи и Крымского ханства¹⁷. Отечественная историография традиционно рассматривала кабардинское посольство 1557 г. как одно из звеньев дипломатической активности черкесских владетелей на Московском направлении. Однако, цепь событий, последовавшие после первого адыгского посольства, ясно свидетельствуют, что в основе дипломатической активности западночеркесских и кабардинских правителей были совершенно различные по целям и задачам политические стратегии. Период сближения Жанея и Бесленея с Москвой оказался кратковременным. Жанеевские и бесленевские князья – Кансауковы и Каноковы искали сильных союзников для борьбы против Османской империи и Крымского ханства. Россия оказалась не заинтересована в активной наступательной политике на южном направлении. После присоединения Астраханского ханства в 1556 г. и практически синхронного разорения западными черкесами Темрюка и Тамани – турецких крепостей в устье Кубани, правительство Ивана IV перешло к обороне, а его наступательная активность оказалась переориентирована на Запад – в 1558 г. началась многолетняя Ливонская война (1558–1583)¹⁸. Бесперспективность русско-черкесского политического союза, как средства активного противодействия османско-крымскому военному давлению, стала очевидна для западноадыгских владетелей. Они были вынуждены в целях нормализации отношений со своими

могущественными и агрессивными соседями признать номинальную зависимость от Крымского ханства¹⁹.

Пщышхуэ Кабарды Кемиргоко Идаров реализовывал совершенно другую стратегию. Военное давление со стороны Крымского ханства и Османской империи ощущалось в Кабарде не столь остро как в княжествах Западной Черкесии. Во всяком случае Кемиргоко Идаров обратился к Ивану IV с просьбой о помощи против Шамхальства Казикумухского – сильного государственного образования Восточного Кавказа, объединявшего значительную часть Приморского и Нагорного Дагестана. Османско-крымская угроза, как и средства противодействия ей, судя по русским источникам, даже не обсуждались²⁰. Обращает на себя внимание и форма организации первого кабардинского посольства 1557 г. Его возглавил «Канклыч (Кавклыч) Кануков», т.е. один из бесленеевских владетелей Каноковых, которые первыми проложили дорогу в столицу русского государства. Возможно, этот факт отражает сохранение близких отношений между Каноковыми и Идаровыми, ведь их отцы были союзниками в Кызбурунском сражении. В русских летописях упоминается, что черкесские послы были уполномочены вести переговоры от лица как минимум одного из восточно-грузинских царств – Картли или Кахети: «...С карбатинскими черкасы в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа»²¹. Еще одно свидетельство неактуальности для посольства 1557 г. проблемы противодействия крымской угрозе.

Кабардинские князья «были пожалованы» русским государем по примеру жанеевских и бесленеевских владетелей. В октябре 1558 г. в Москву прибыло очередное кабардинское посольство от лица пщышхуэ Кемиргоко Идарова, которое возглавляли его сыновья – Булгайрук и Солтанук (Салтан, Салнук). Младший из них остался в Москве фактически в качестве аманата – залога политической лояльности своего отца²². В дальнейшем, благодаря активности Кемиргоко Идарова, кабардино-русские отношения развивались стремительно. Уже в первой половине 1560 г., видимо реализуя принятые договоренности, русские войска из Астрахани на судах совершили поход в Дагестан и разорили зимнюю резиденцию шамхала – прибрежный город Тарки²³. Конечно же, особое значение для укрепления политических связей Кемиргоко Идарова с Иваном IV имел династический союз между пщышхуэ Кабарды и русским царем. История сватовства Ивана IV в Черкесии и заключения им второго брака ярко иллюстрирует разницу в политических целях, преследовавшихся Идаровыми в Кабарде и Кансауковыми в Жанее²⁴. Реально оценив потенциальные выгоды

и риски военно-политического альянса с Москвой против внешней угрозы – империи османов и Крымского ханства, жанеевские князья предпочли уклониться от установления династического союза с русским царем²⁵. Идаровы имели обширные матримониальные связи с самыми знатными аристократическими домами. Дочери Кемиргоко Идарова – Алтынчач и Малхуруб, были замужем соответственно за астраханским царевичем Бекбулатом и сыном правителя Большой Ногайской Орды Измаила. Вектор династических связей Кемиргоко Идарова явно антикрымский. Астраханское ханство и Большая Ногайская Орда всю первую половину XVI в. были принципиальными соперниками Крымского ханства в борьбе за золотоордынское политическое наследство. Отдавая младшую дочь за Ивана IV, пщышхуэ Кабарды приобретал гораздо более могущественного союзника, способного стать его политическим покровителем. Но вот антикрымская направленность этого нового династического союза далеко не очевидна. В том, что между Московским царством и Крымским ханством были противоречия антагонистического характера, связанные, в первую очередь, с борьбой за власть над Казанью и Астраханью – древними провинциями улуса Джучи, сомнений нет. Дальнейшие события заставляют усомниться в другом. В том, что внешнеполитические угрозы Кабардинскому княжеству со стороны могущественных соседей были для пщышхуэ Кабарды Кемиргоко Идарова проблемами первостепенной важности, для решения которых он и развивал столь активно отношения с Московским царством. Напротив, значение Ивана IV как сильного союзника, оценивалось Кемиргоко Идаровым, в первую очередь, в контексте острых внутривластных проблем, с которыми столкнулась его фамилия с момента своего водворения в Кабарде. Об этом красноречиво свидетельствуют русские летописи: «А которые черкасские князи к Темгрюку-князю были непослушны, и те, слыша царское жалование к Темгрюку-князю. Что царь и великий князь Темгрюка-князя пожаловал, дочь его взял за себя, и они Темгрюку-князю учили быти послушны и дани ему учили давати и во всей учинилися в Темгрюкове княжой воле (курсив наш. – З.К.)»²⁶. Последняя фраза не оставляет сомнений в том, что пщышхуэ Кабарды рассматривал кабардино-русские отношения как важнейший ресурс укрепления своей личной власти в княжестве.

Однако одной демонстрации «царского жалованья», то есть благоволения Ивана IV к своему тестю, оказалось явно недостаточно для приведения в «Темгрюкову княжью волю» конкурирующих с Идаровыми владетельных кабардинских фамилий. Поэтому

практически сразу же московский царь по просьбе Кемиргоко Идарова предоставил последнему внушительную военную силу, вооруженную огнестрельным оружием, – 500 стрельцов и 500 казаков, с тем, чтобы «от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми, куды ... Темгрюк-князь учнет посылати»²⁷. Насколько Идаровы нуждались в военной помощи для подавления политической оппозиции внутри княжества можно судить по тому, что встречать союзное русское войско Кемиргоко с сыном Домануко выехал в ... Астрахань! Идаровы, вместе со своими союзниками в течение декабря 1562 г. вели успешные боевые действия в Кабарде против «недругов» великого князя²⁸. Военно-политический эффект от разгрома (возможно сильно преувеличенного русскими летописцами) Кайтукиных и Талостановых в 1562 г. оказался незначителен. Уже в июне 1565 г. в Москву в качестве посла пшышхуэ Кабарды прибыл Мамстрюк – сын Кемиргоко Идарова. Вновь последовали жалобы на «многие тесноты от черкас», которые «непослушны во всем» и просьбы о прямой военной помощи²⁹. Очевидно, речь шла именно о «кабардинских черкасах», так как западные черкесы не находились в сфере властных полномочий пшышхуэ Кабарды и претензий по поводу их «непослушания» у него быть не могло. То есть, либо политический класс Кабарды (пши-уорки) отказывался признавать фактически *законную власть* пшышхуэ Кемиргоко Идарова, либо, что более вероятно, последний, опираясь на свои династические связи с Москвой и военный потенциал Русского государства, *пытался существенно расширить ее рамки*. Военная помощь Кемиргоко Идарову была вновь незамедлительно оказана. Русские войска (дворянская поместная конница, стрельцы, казаки) весной 1566 г. прибыли в Кабарду и вместе с войсками Идарея нанесли серьезное поражение политическим противникам Кемиргоко Идарова, в первую очередь Пшеапшоко Кайтукину³⁰.

Военные успехи Кемиргоко Идарова, опиравшегося на войска своего царственного зятя, не могли делегитимизировать традиционную феодальную конституцию всей княжеской Черкесии и Кабардинского княжества в частности. Она предполагала сохранение баланса сил различных княжеских домов династии Иналидов; их формально равные права на титул пшышхуэ – великого князя; порядок избрания нового верховного правителя всем политическим классом. При этом титул пожизненно избираемого пшышхуэ и связанные с ним властные полномочия переходили в рамках феодального владения от одного княжеского дома к другому. Недостатки социальной организации княжеской Черкесии не могли не осознаваться политическим

классом адыгского общества. В периоды максимального обострения внешнеполитических угроз становились особенно очевидны недостатки децентрализованной системы управления адыгских феодальных владений. Обладая сопоставимым с Крымским ханством военным потенциалом, Черкесия в силу феодальной раздробленности оказывалась объектом властных притязаний татарских ханов. Разрозненные черкесские княжества поодиночке уступали своему грозному соседу, а их прочное объединение было невозможно в силу особенностей адыгского феодального общества. Слабые попытки западночеркесских Иналидов объединиться вокруг одной символической фигуры можно видеть как в приглашении «на государство» русско-литовского князя Дмитрия Вишневецкого в период союзничества с Иваном IV, так и в более поздних политических проектах. Так, осенью 1563 г. родной брат Сибoko Кансаукова Чубук прибыл в Бахчисарай «на Черкасское государство царевича просить»³¹. Крымский хан Девлет-Гирей (1551–1577) отпустил с жанеевским послом своего внука Ислам-Гирея³². Очевидно, черкесские князья, считая себя равными по социальному статусу, хотели обрести в лице крымского царевича единого правителя, которого они могли бы признать сюзереном, не поступаясь сословной честью. Эти планы не были реализованы. Приглашение нового династа могло дать только кратковременный эффект. С умножением его потомства при сохранении удельной системы и принципа наследования высшей политической власти старшим в роду, феодальная раздробленность Черкесии восстановилась бы через одно-два поколения. Поэтому западные адыги вернулась к традиционной практике номинального признания сюзеренитета крымского хана и османского султана³³.

Возможно, будь у Кемиргоко Идарова шансы спокойно править в рамках традиционной феодальной конституции и быть уверенным в сохранении его родом наследственных владений, он также вел бы более инертную политику, направленную на сохранение status quo. Но острота внутривластного конфликта в Кабарде, мотивировала пщышхуэ на поиски более радикальных решений. Наглядный пример Крымского ханства, должен был действовать вдохновляюще. На начальном этапе своей истории Крымское ханство сильно страдало от внутривластной нестабильности, зачастую было яблоком раздора и объектом прямого военного грабежа со стороны черкесов, ногайцев и татар Большой Орды³⁴. Приобретение покровительства со стороны Османской империи стабилизировало порядок престолонаследия за счет появления верховного арбитра в лице султана, открыло доступ

к самым современным военным технологиям и, в конечном счете, дало крымцам решающее преимущество над соседями в борьбе за доминирование в регионе.

Исходя из этого, становится понятной беспрецедентная инициатива Кемиргоко Идарова, который обратился к Ивану IV с просьбой основать на территории княжества – «на реке Терке» у впадения в нее Сунжи, крепости с постоянным гарнизоном для «береженья от недругов»³⁵. В феврале 1567 г. по приказу Ивана IV на Северный Кавказ были отправлены войска (2–3 тыс.), мастера, материалы, необходимые для возведения крепости, и она была сооружена в кратчайшие сроки³⁶. С точки зрения нейтрализации внешнеполитических угроз основание русской военной базы на крайнем востоке Кабардинского княжества не имело решающего значения. Терский город мог служить опорным пунктом распространения кабардинского военно-политического влияния на Нижнем Тереке в борьбе с Шамхальством. Но наиболее актуальные для Кабарды внешнеполитические задачи военного прикрытия с Крымского – северо-западного и Ногайского – северного направлений, Терская крепость решить не могла. В данном случае Кемиргоко Идаров действовал не только в духе типичного феодального государя, который легко приносит общественный интерес в жертву интересам собственного удельного княжества и владетельного дома. Прикрытие восточного направления для Идарея – одного из восточных уделов Кабарды, было стратегически важной задачей не актуальной для Кайтукиной Кабарды. Гораздо важнее то, что Кемиргоко Идаров сознательно вводил в политическую систему Кабардинского княжества принципиально новый элемент – город, более того – чужой город – средоточие самой передовой для той эпохи военной силы – пехота, вооруженная огнестрельным оружием, артиллерия. Непосредственная власть над этой силой находилась в столице другого государства, и использовать военный потенциал Терской крепости можно было только при условии лояльности правителю Московского царства. Кемиргоко Идаров не видел в этом проблемы, или не видел иной возможности сохранить и расширить свою власть и статус рода Идаровых в Кабарде и Черкесии в целом. Иными словами, пшышхуэ осознанно шел на ограничение суверенитета Кабарды с целью ее централизации и подчинения своей фактической власти, выходящей за рамки обычного феодального права Черкесии.

Весьма характерно, что активное участие русских войск во внутривосточном конфликте Идаровых с Кайтукиными и Талостановыми происходило на фоне серьезных внешнеполитических

угроз. В их нейтрализации русская военная помощь ни разу (!) не была оказана. В 1566 г. кабардинцами было разгромлено вторгнувшееся в страну войско Буда-шамхала, который погиб в сражении³⁷. Ранней осенью 1567 г. кабардинцы успешно отразили крымские войска калги Мухамед-Гирея³⁸. В обоих случаях военная помощь со стороны Русского государства и даже просьбы о ней со стороны пщышхуэ Кабарды в источниках даже не упоминаются. Единственный раз в годы княжения Кемиргоко Идарова кабардинские и русские войска совместно сражались против внешнего врага в 1569 г. во время отражения османско-крымского похода на Астрахань Касим-паши. Но и в этом случае имели место не согласованные действия союзников в соответствии с общей стратегией и планами военных действий. Просто после неудачной осады Астрахани, дезорганизованные османско-крымские войска, отступая по «Кабардинской дороге» через Центральное Предкавказье, подверглись активным атакам со стороны кабардинцев и других черкесов³⁹. Очевидно, Кемиргоко Идаров осознавал ограниченность военных ресурсов Русского государства, особенно на Северном Кавказе, и не хотел ими рисковать вне задач первостепенной важности. А таковыми, если судить о политических приоритетах пщышхуэ Кабарды по его деятельности, были усиление личной власти и политического веса в Черкесии рода Идаровых. С учетом инициативы Кемиргоко Идарова по созданию в Кабарде мощной опорной точки в виде русской военной базы, не исключены амбициозные планы по изменению характера функционирования института великого княжения с целью добиться, как минимум, приоритета рода Идаровых, а как максимум – монополизации Идаровыми статуса пщышхуэ Кабарды. Консолидировав под своей властью Кабардинское княжество, Кемиргоко Идаров получал возможность для реализации амбициозных политических проектов в рамках всей Черкесии. Такие планы у Кемиргоко Идарова явно были. Во всяком случае, его политические оппоненты в Черкесии и Крыму с опаской наблюдали за ростом влияния Кемиргоко Идарова. Крымские дипломаты прямо обвиняли правительство Ивана IV в том, что русские войска появились в Кабарде для того, чтобы воевать не только против Кайтукиных, но и против «турского черкасов и царевых (т.е. крымского хана/«царя». – З.К.) Береслановых детей и иных черкас, которые служат турецкому и царю»⁴⁰.

Дальнейшие события демонстрируют, что опасения крымцев были не беспочвенны. При первой же возможности Кемиргоко Идаров вмешался во внутривнутриполитическую борьбу западночеркесских

владельцев. Детали событий опять же не ясны из-за скудости источников. Русские летописи датируют весной-летом 1570 г. внутренние распри черкесских князей, вмешательство в них крымского царевича Алди-Гирея и его поражение от кемиргоевцев: «...Которые деи черкасы были у царя в прикладе, и те деи промеж себя завоевались, и царь деи посылает в Черкасы Алди-Гирея царевича поугрозити и помирити, а людей со царевичем посылает немногих... Царевич деи Алди-Гирей посылал от себя посылку в Черкасы в Кумук (Кемиргой. – З.К.), а велел воевати, и черкесы деи Алди-Гиреевых царевичевых татар побили»⁴¹. Конфликт приобрел общечеркесский масштаб с вмешательством в него Кемиргого Идарова. Ш.Б. Ногмов, несколько путаясь в персоналиях (вместо царевича Алди-Гирея упоминает хана Девлет-Гирея (1551–1577), Кемиргого Идарова традиционно называет Темрюком), передает фольклорную версию событий⁴². Несмотря на это, фольклорный сюжет Ш.Б. Ногмова во многом совпадает с данными русских летописей. В июле 1570 г. на р. Ахупс «близ Тамани» (по-видимому, Афипс. – З.К.) войско Кемиргого Идарова дало бой крымской армии под началом царевича Алди-Гирея. Место действия (во второй половине XVI в. р. Афипс – это приграничье Кемиргоя и Бжедугии с Жанеем), упоминание в летописях о том, что Кемиргого Идаров приходил помогать «Баазытцким черкесам» (возможно бжедугам. – З.К.), демонстрирует поразительную устойчивость традиционных связей рода Идаровых в Западной Черкесии⁴³. Однако если в Кызбурунском сражении этот альянс привел союзников к победе и возвышению Идаровых, то сражение на Ахупсе, несмотря на неясный военный результат, закончилось для семьи Кемиргого Идарова катастрофой: «Темрюк деи князь с бою съехал ранен, а дву сынов Темрюковых Мамстряка да Беберюка царевич Алди-Гирей на бою взял и привел с собою ко царю в Крым»⁴⁴. Сыновья пщышхуэ Кабарды позднее были выкуплены из плена и хорошо известны русским источникам последней четверти XVI в. А вот Кемиргого Идаров более в русских летописях и дипломатических документах не упоминается. Скорее всего, от своей раны он уже не оправился. В следующем, 1571 г., как известно, крымский хан Девлет-Гирей совершил успешный поход на русские земли и даже сжег Москву. Одним из последствий этого было решение Ивана IV ликвидировать Терский город в Кабарде. Политический проект Кемиргого Идарова потерпел фиаско. Его планы по консолидации Кабардинского княжества с опорой на внешние силы оказался нереализуем. Во всяком случае, при его жизни. Однако политические идеи имеют свойство переживать своих создателей. Уже

в 1578 г. младший брат Кемиргоко – Канбулат Идаров, ставший к этому времени пшышхуэ, во главе кабардинского посольства прибыл в Москву и фактически возобновил политический союз с Москвой на старых условиях, одним из которых стало возведение новой русской крепости на старом месте: «...На Терке реке усть-Сюенча»⁴⁵. В истории Кабарды Канбулат Идаров первый и единственный великий князь, который лично возглавил посольскую миссию! Это так же характеризует ослабление политических позиций Идаровых в Кабарде, как и цель посольства – практически пшышхуэ добивался для себя отношений прямого протектората со стороны Московского царя. А восстановление русской военной базы на территории Кабарды должно было облечь политический протекторат со стороны Русского государства в осязаемые формы. Идаровы долгое время пытались воплотить в жизнь политический проект своего лидера, пожертвовав независимостью Кабарды утилитарным задачам усиления управляемости кабардинским социумом и поддержания собственного политического доминирования в княжестве. Их борьба за его осуществление составляет целую эпоху в истории Кабарды и заканчивается лишь в середине XVII в.

Несмотря на неудачу в реализации своих амбициозных планов, Кемиргоко Идаров оставил в памяти адыгов заметный след. Именно поэтому Ш.Б. Ногмов, даже серьезно откорректировав фольклорное предание о старшем сыне Идара оставил самую красноречивую характеристику посмертного отношения кабардинцев к своему знаменитому пшышхуэ – амбициозному политику, способному действовать в сфере неопределенности, бороться за власть, рисковать: «Кемиргоко ... умер и по завещанию зарыт в землю на коне и в полном вооружении ... над ним вместо памятника насыпан курган»⁴⁶.

Примечания

1. *Кожев З.А.* Происхождение Кемиргоко Идарова // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2011. № 4. С. 177–182.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVII вв. // В дальнейшем – КРО. М., 1957. Т. 1. С. 383–387.
3. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 110–111; *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 96–97.
4. *Ногмов Ш.Б.* История ... С. 97.
5. Там же. С. 104–106.
6. Там же. С. 105.

7. Там же. С. 104.
8. Там же. С. 105.
9. КРО. С. 383.
10. КРО. С. 11,13,17, 21.
11. КРО. С. 384–385.
12. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М., 1986.
- Т. 3. Ч. 1. С. 87–88.
13. *Некрасов А.М.* Международные отношения ... С. 107.
14. КРО. С. 383.
15. *Некрасов А.М.* Международные отношения ... С. 107–108.
16. КРО. С. 3–5.
17. Там же. С. 3–5.
18. Там же. С. 4.
19. Адыгская энциклопедия. М., 2006. С. 181.
20. КРО. С. 5.
21. Там же.
22. Там же. С. 7.
23. Там же. С. 8.
24. Там же. С. 9–10.
25. Там же. С.
26. Там же. С. 10.
27. Там же.
28. Там же. С. 11.
29. Там же. С. 12.
30. Там же. С. 12–13.
31. Там же. С. 8; 9; 274–275.
32. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 60.
33. Адыгская энциклопедия. С. 181.
34. *Некрасов А.М.* Международные отношения ... С. 36–53.
35. КРО. С. 13.
36. Там же. С. 13–14.
37. *Белокуров С.А.* Сношения России ... С. 9.
38. КРО. С. 16–17, 19.
39. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого в трех книгах (СПб., 1842). М., 1989. Т. IX. С. 76.
40. КРО. С. 17.
41. Там же. С. 21–22.
42. *Ногмов Ш.Б.* История ... С. 123.
43. КРО. С. 22; *Ногмов Ш.Б.* История ... С. 123.
44. Там же. С. 23.
45. Там же. С. 34.
46. *Ногмов Ш.Б.* История ... С. 123.

POLITICAL PROJECT OF KEMIRGOKOIDAROV. AN EXPERIENCE OF THE HISTORICAL RECONSTRUCTION

The origin of the Idarov-family and its forcible placement in Kabarda caused an acute internal political conflict. The beginning of the military-political contacts between the circassian owners and Russian state allowed Kemirgoko Idarov to establish relations with Moscow, which he tried to use as a determinative in the internal political struggle. The political project of Kemirgoko Idarov consisted in centralization of Kabarda at the cost of limitation of its sovereignty. This strategy allowed him for a little to consolidate Kabardian principality and to try to expand its influence in Circassia.

Keywords: *Inalids dynasty, the clan of the Idarovs, internal political struggle in Kabarda, political project of Kemirgoko Idarov.*

Kozhev Zaurbek Anzorovich

Candidate of History, senior research fellow at sector of a medieval and modern history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. +7-903-497-11-69

E-mail: zaurbek_k@mail.ru

И.Х. Тхамокова

КАБАРДИНЦЫ И КАЗАКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В статье на основе анализа широкого круга источников исследуются взаимоотношения кабардинцев и казаков. Сделаны выводы о том, что история появления казачества на Кавказе и дальнейшего его пребывания в регионе были связаны с кабардинцами. Казаки нередко были соседями кабардинцев, поддерживали с ними торгово-экономические и дружеские отношения, несмотря на эпизодические случаи столкновений и конфронтации. Особенно тесные контакты с казаками установились у жителей Черкасской слободы города Терки. Они совместно участвовали в военных походах и сотрудничали в мирное время.

Ключевые слова: казаки, кабардинцы, Терский город, Сунжа, казачьи городки, князь Темрюк, Сунчалей.

Тхамокова Ирина Хасановна

К.и.н., с.н.с. сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. 8 (8662) 42-20-92

E-mail: kbigi@mail.ru

Все авторы работ по истории и этнографии терских казаков касались, так или иначе, их взаимоотношений с кабардинцами. Накоплен большой материал по этой теме, но далеко не на все вопросы найдены ответы, и одновременно накопилось множество ошибок, которые переходят из одной работы в другую и повторяются на протяжении ста с лишним лет. Это заставляет вновь вернуться к этой проблеме, заново проанализировать источники и попытаться отделить факты от мифов и домыслов.

Изучение документов XVI в. показывает, что не только жизнь казачества на Кавказе, но и само его появление в этом регионе связано с кабардинцами. Согласно летописи, в 1557 г. кабардинские князья просили Ивана Грозного оказать им помощь в борьбе с шамхалом,

правителем Северного Дагестана. И по их челобитью в 1560 г. «посылал царь и великий князь из Астарахани Крым Шавкалского князя воевати в судах Ивана Семенова сына Черемисинова с стрельцы и с казаки и со Астораханскими людьми...»¹. Это известие является одним из первых, если не первым, документальным свидетельством появления казаков на Кавказе. Многие авторы, писавшие о гребенских казаках, высказывали мнение о том, что их предки переселились на Кавказ в первой половине XVI в. или даже раньше из Рязанского княжества или из Новгорода, или из Червленого Яра², но все эти предположения не имеют никаких документальных доказательств, а участие казаков в войне с шамхалом – факт, подтвержденный источником. К сожалению, документы не содержат более подробных сведений об этих казаках. Возможно, что это были городовые, т.е. находившиеся на царской службе астраханские казаки, поскольку воевали они под началом астраханского воеводы Черемисинова. После победы над шамхалом казаки вместе с другими участниками похода, видимо, покинули Кавказ.

Но уже два года спустя, в 1562 г., Иван Грозный по просьбе своего тестя князя Темрюка отправил на Кавказ «посольством Григория Семенова сына Плещеева, а с Григорием велел послати ис Казани и из Асторохани для бережения стрельцов и казаков пятьсот человек. А велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темгрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды его Темгрюк-князь учнет посылати»³.

Казаков было 500 человек с 5 атаманами⁴. Если учесть, что царь приказал послать их из Казани и Астрахани, то это были, видимо, городовые казаки. И Казань, и Астрахань были завоеваны Иваном Грозным только за несколько лет до этого, так что стрельцы и казаки, служившие там, были выходцами из каких-то других русских городов, а может быть, и из сел.

Казаки с первых дней своего пребывания на Кавказе оказались втянуты в княжеские междоусобицы. Они воевали на стороне князя Темрюка с другим кабардинским князем – Пшеапшукой, захватили несколько «городков» и множество сел. После этой победы «отпустил Темгрюк Григория ко царю и великому князю»⁵. Вместе с Григорием Плещеевым, вероятно, покинули Кавказ и казаки, т.е. и в этот раз их пребывание там оказалось недолгим.

Примерно в тот же период на Кавказе появились и другие группы казаков – «вольных» или даже «воровских», и их появление тоже, вполне вероятно, было связано с кабардинцами. Как сказано в одном

из документов 1563 г., царские воеводы разгромили волжских казаков, занимавшихся грабежами, и некоторые из этих казаков бежали «в Черкасы». Еще Е.Н. Кушева высказала предположение⁶, поддержанное и другими учеными⁷, что в данном документе имеются в виду именно северокавказские, а не приднепровские «черкасы». Это известие считается первым документальным свидетельством появления «вольных» казаков на Кавказе. К сожалению, оно не содержит никаких более подробных и точных сведений об этих казаках. Нам неизвестно даже в точности, действительно ли они направились на Кавказ, пошли они в Кабарду или в другие земли, как долго они там находились. На протяжении последующих 15–20 лет других известий о «вольных» казаках на Кавказе в документах больше нет.

В то же время служилые казаки появлялись на Тереке регулярно. В 1565 г. Иван Грозный снова направил на помощь князю Темрюку своих воевод, а также «Ивана Фестова с казаки с Михайлова города да с Разского и з Шацкого и со всеми казаки Рязанские украины» и «Матфея Дьяка Иванова сына Ржевского с черкасскими казаки и стрельцы»⁸. В тот период южные рубежи государства активно укреплялись, строились новые города, увеличивалось число служилых людей. Часть из них и послали на Терек. То есть помимо служилых людей из городов Поволжья на Кавказ отправились стрельцы и казаки с южной, рязанской, границы. Под «черкасскими» казаками имеются в виду, видимо, днепровские казаки. И в этот раз казаки опять воевали с тем же князем Пшеапшуко.

В 1567 г. по челобитью князя Темрюка был построен «город» в устье Сунжи («усть-Суюнчи реки») ⁹. Здесь мог размещаться постоянный гарнизон, но являлись ли казаки частью этого гарнизона – точно не известно. Эта крепость была предназначена для защиты князя Темрюка и должна была находиться на его земле или поблизости от нее. Как говорил русский посол в Турции, «не владел тою землею, где город Терка стал, опричь Темрюка никто»¹⁰. Однако новая крепость просуществовала недолго. Ее строительство вызвало серьезные осложнения в отношениях России с Турцией и Крымским ханством. Иван Грозный приказал снести крепость и людей своих вывести в Астрахань¹¹.

Но уже в 1578 г., по просьбе брата и сыновей князя Темрюка (его самого уже не было в живых), а также других кабардинских князей примерно на том же месте была основана новая крепость. И при этой крепости уже точно находились казаки. Предводитель крымского войска просил воеводу Л. Новосильцева «унять» терских казаков.

Вероятно, все же это были служилые казаки, поскольку они названы в документе «государевыми»¹². В этом рассказе о событиях 1578 г. казаков впервые именуют терскими. Новая крепость просуществовала недолго, но терские казаки живут на Кавказе и в настоящее время.

Активную роль в северокавказских событиях 80-х гг. XVI в. начинают играть «вольные» или даже «воровские» казаки. В документе 1581 г. упоминаются «беглые казаки», которые «живут на Терке на море»¹³. В 1583 г. казаки захватили на Тереке двух турецких гонцов, посланных в Дербент¹⁴. В том же году они напали на турецкое войско во главе с Осман-пашой. Этот случай вызвал длительную переписку и переговоры с царскими послами в Крыму и в Турции. Официальная позиция царских властей сводилась к тому, что «ныне людей государевых на Терке нет, а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома», и что царь приказал воеводам разыскать «тех всех казаков, которые Волгою приходят в Терку, и они б заказ крепкой учинили во всех протоках волжских, чтобы казаки в Терку не проходили»¹⁵. Из этого сообщения следует, что на Тереке жили «воровские» казаки, и что государство вело с ними борьбу. Причем казаки именно в этот период переходили (на время или навсегда) на Терек с Волги, в противном случае закрывать от них волжские протоки не имело бы смысла. То есть, переселение казаков на Кавказ во второй половине – конце XVI в. подтверждается документально. Точное место их жительства источники не позволяют установить. Некоторые авторы писали о том, что казаки поселились в развалинах крепости в устье Сунжи¹⁶, но документ не дает оснований для подобного вывода. Под «Теркой» имеется в виду, видимо, река Терек, т.е. утверждать, что казаки жили именно в заброшенной крепости, нельзя, хотя и исключать такую возможность тоже нельзя. Казаки напали на Осман-пашу на перевозе через Сунжу, сравнительно недалеко от старого «города» и от места жительства кабардинцев. С самых первых лет жизни на Кавказе «вольные» казаки оказались соседями кабардинцев.

В 1588 г. по челобитью кабардинских князей был основан Терский город (Терки или Терка, или Тюменский острог) на новом месте – на реке Тюменке (протоке Терека) в нескольких верстах от Каспийского моря. В этом городе наряду со стрельцами несли службу и городовые казаки. Казаки города Терки упоминаются во множестве источников. В 1589 г., вскоре после того, как город был построен, туда должны были прислать из Астрахани 800 стрельцов и казаков, но астраханский воевода прислал только 600 человек¹⁷. В том же году царских послов в Грузию сопровождали «250 человек казаков Астараханских и

Терских – пеших с тремя человеки сотники, да волных конных Терских казаков с тремя человеки атаманы – 43 человеки...»¹⁸. Вольных казаков с атаманами во главе всегда отличали от городских казаков, но и те, и другие назывались терскими казаками.

После постройки города кабардинские князья приезжали туда и давали присягу (шерть) на верность царю, обещали служить ему и «переменяясь жити в государеве в Терском городе со государевыми воеводами»¹⁹. То есть кто-то из кабардинских князей (или их детей) и «лучших людей» должен был жить в Терском городе рядом со стрельцами и казаками.

Простые, «неименитые» кабардинцы не приехали вместе с князьями в Терки, потому что ехать туда им было далеко. Князья просили прислать на Сунжу, «на старое городище», дворянина, который мог бы принять у них присягу там. Воеводы послали туда «Олексея Тимофеева сына Петрова да с ним сотника стрелецкого с стрельцы и казаки»²⁰. Из этого следует, что казаки присутствовали при приведении кабардинцев к присяге. Документ позволяет также сделать вывод о том, что в 1589 г. в дельте Терека, поблизости от города Терки, кабардинских сел не было, а на небольшом расстоянии от устья Сунжи такие села были. Точные места их расположения неизвестны, но кабардинские курганы, материальное свидетельство расселения кабардинцев, находятся не в устье Сунжи, а выше по ее течению и по ее притокам²¹.

В некоторых работах по истории Северного Кавказа встречается утверждение, что город Терки находился во владении кабардинского князя «Джанклиша». Впервые это мнение было высказано, видимо, в монографии И.Д. Попко: «...В эпоху построения второго (приморского) города Терка здесь встречается местечко Темень, в котором хозяйничает один из родичей Темрюка, тестя государева, князь Джанклиш (по московским документам Янглыч). Этот ниже-кабардинский князь, маститый старец, приезжал в Москву в 1557 г. и бил челом Иоанну Васильевичу IV о принятии его в русское подданство с сыном Сунчалеем и со всем теменским владением»²². Это одна из многочисленных ошибок И.Д. Попко, который плохо знал документы XVI–XVII вв. К настоящему времени многие из этих документов исследованы и опубликованы, и они показывают, что «Джанклиш» никогда не «хозяйничал» в Тюмени, у которой были совершенно другие владельцы²³. Он также не «бил челом» о принятии Тюмени в русское подданство. Отождествление Кавклыча Канукова, приезжавшего в Москву в 1557 г., с Канклычем или Янглычем, или Джанклишем Идаровым, «родичем Темрюка» и отцом Сунчалая, вызывает обоснованные сомнения у ученых²⁴. Но кем

бы ни был Кавклыч Кануков, он представлял в Москве кабардинских князей, а Тюмень отправила к царю своих послов²⁵.

На рубеже XVI–XVII вв. произошли большие изменения как в политической ситуации в Кабарде, так и в расселении кабардинцев. Князь Казы, сын Пшеапшоко, с которым когда-то враждовал Темрюк, убил двух сыновей Темрюка – Мамстрюка и Доманука – и завладел принадлежавшими им селами²⁶. «А сам Казы с кабаками своими и с их откочевал в Беслене и жил там три годы»²⁷. В 1601 г. Казы жил у Пяти гор²⁸. То есть кабардинские села Мамстрюка и Доманука, переселились далеко от Сунжи. Назад они, видимо, не вернулись, хотя в 30–40 гг. XVII в. такие попытки и предпринимались²⁹.

После убийства Мамстрюка и Доманука князь Сунчалей, сын того самого Джанклиша или Янглыча и внучатый племянник Темрюка, а также князь Куденет (Куденек), племянник Темрюка, «з братьею прибежали на Терек, и с тех мест Сунчалей на Терке и остался»³⁰. В 1603 г. Сунчалей приехал в Москву к царю Борису Годунову «бити челом о своих нуждах». Он просил, чтобы его «царь Борис жаловал велел ему жити в Терском городе а братья ево и племянники живут своими кабаками в Кабарде и с узденми своими»³¹. Кроме Сунчалей, в Терки переселились и другие кабардинцы, при городе появилась «черкасская слобода». В 1615 г. Сунчалей получил царскую грамоту, которая назначала его князем «над окочены и над черкасы», жившими при Терском городе, и давала ему право «их судить и в ратном строенье и во всяких делах их ведать»³². Впоследствии такие грамоты получают его сыновья и внук.

Кабардинцы, поселившиеся при городе Терки, стали соседями терских служилых казаков. Неподалеку от них жили и «вольные» казаки. На реке Быстрой, южной протоке Терека было несколько казачьих городков: городок атамана Гаврилы Пана (1605 г.)³³, атамана «Осипа малово» (1639 г.)³⁴, атаманов «Богдашки Парамонова» и «Серешки Досаева» (1643 г.)³⁵. Немного дальше находился городок атамана «Семенки» на Кизляре³⁶.

На Сунже в результате всех переселений оставалось все меньше кабардинцев. В книге Большому чертежу (1627 г.) сказано: «От Терка же реки от острогу до Пятигорских черкас 90 верст»³⁷. Под острогом имеется в виду крепость в устье Сунжи. То есть в этот период кабардинцев отделяло от устья Сунжи 90 верст. И на этом пространстве расселились казаки. В 1628 г. между устьем Сунжи и селами кабардинского князя Ибак-мурзы размещались «терские казаки, которые живут в гребенях...а казаков де в гребенях человек с

пятсот...»³⁸. Под «гребенями», таким образом, имеются в виду горы, расположенные к западу от устья Сунжи, т.е. Терский и, возможно, Сунженский хребет.

Казаки жили в «городках» – небольших укрепленных поселениях в каждом из которых насчитывалось в среднем 20–30 казаков во главе с атаманом. Его именем городок чаще всего и назывался. Общее количество и расположение большинства городков точно не известно, тем более, что городки могли менять место своего расположения. Одни из них исчезали, вместо них появлялись другие. В документах XVII в. есть сведения о более чем 30 казачьих городках на Тереке и его притоках³⁹.

Первыми из городков, расположенных «в гребенях», упоминаются в 1614 г. городок атамана Якова Гусевского на Теплой реке и находившийся, видимо, неподалеку от него городок атамана Овдокима Мещеряка⁴⁰. В 1629 г. на той же реке отмечен городок атамана Степана Москаля⁴¹. По мнению Е.Н. Кушевой, Теплой (Исти-су) называлась река в Восточной Чечне, в районе Качкалыковского хребта⁴², но это совсем не обязательно. На правобережье Терека и в низовьях Сунжи есть несколько горячих источников. Любой из них мог называться Теплой рекой.

В 1628 г. упоминался Кошлаковский городок атамана «Куземки Луковки» в Гребенях⁴³, точное расположение его неизвестно, в 1633 г. – городок атамана Ивана Сарафанникова «в гребенях»⁴⁴.

В документах за 1637 и 1644 гг. содержатся также сведения о казачьих городках на реках Быстрой, Белой, Черной и Гремячей. По мнению Е.Н. Кушевой, эти реки – притоки Сунжи, т.е. казаки жили не только на левом, но и на правом берегу этой реки и по ее притокам⁴⁵, что вполне вероятно, хотя в том, что касается идентификации каждой из упомянутых рек и расположения городков, еще остается ряд нерешенных вопросов. Можно предположить, что казаки поселились на землях, которые до конца XVI в. занимали кабардинцы.

В 1651 г. несколько городков находилось также на левом берегу Терека, напротив устья Сунжи и ниже по течению – Оскин, Ищерский, Шевелев, и «Нижний Черлennyй»⁴⁶. Вверх по Тереку цепь казачьих городков доходила до урочища Моздок⁴⁷. Есть сведения о казачьих поселениях и в других местах. Территория расселения казаков при их небольшой численности была обширной. Они занимали стратегически важный регион, могли контролировать дорогу, соединявшую Кабарду с Дагестаном, перевоз через Сунжу, перевозки через Терек.

Наиболее тесные отношения с казаками складывались у кабардинцев, поселившихся в Черкасской слободе при Терском городе.

Они жили рядом с казаками, они тоже несли царскую службу. Они вместе с казаками принимали участие в военных походах «на государевых непослушников»⁴⁸. В 1614 г. терский воевода посылал против кумыков из «города Терки ратных людей и терских вольных атаманов и казаков»⁴⁹ во главе с Сунчалеем. В 1626 г. в помощь кабардинским князьям Пшимаху, Кельмамету и Ильдару воеводы послали «терских узденей и черкас и новокрещенов и окончан 252 человека да терских же атаманов и казаков с терским конным головою стрелецким с Фадеем Волошенином и с сотники 500 человек»⁵⁰. И впоследствии совместные походы кабардинцев, живших в Терках, и казаков повторялись неоднократно. В то же время помощь одним кабардинским князьям приводила нередко к конфронтации и военным столкновениям терских служилых людей, в том числе и казаков, с другими князьями.

Кабардинцы и казаки (и городовые, и вольные) совместно выполняли и другие поручения воевод. Они провожали царских послов в Грузию и встречали их при возвращении оттуда. Поскольку дороги в Грузию, по которым чаще всего ездили послы, проходили через Кабарду, то их провожали и встречали не только те кабардинцы, которые жили в Терках, но и другие кабардинские князья⁵¹.

Жители черкасской слободы служили вместе с казаками, но казаками не считались (вопреки мнению И.Д. Попко и некоторых других авторов)⁵². Они составляли особую группу населения города Терки. Документы XVII в. всегда отличают их как от вольных казаков, так и от служилых казаков города Терки. И тем более они не входили в состав особого «низового терского казачьего войска»⁵³, хотя бы потому, что такого войска никогда не существовало. Ни в каких письменных источниках оно не упоминается. Можно согласиться с С.А. Козловым в том, в XVII в. все «вольные» казаки, жившие на Тереке и «в гребенях», составляли «единое терское (терско-гребенское) войско»⁵⁴, т.е. они не делились на терское низовое и гребенское войско. Такое же мнение еще в 1914 г. высказывал П.Л. Юдин⁵⁵.

У некоторых авторов встречается также утверждение, что атаманом терского или «низового терского» казачьего войска был кабардинский князь Муцал⁵⁶. Понятно, что Муцал не мог быть атаманом никогда не существовавшего войска. Муцал, так же, как и его отец Сунчалей, и брат Шолох, получил царскую грамоту, которая делала его князем «над окончаны и над черкасы» Терского города⁵⁷. Но, как жившие в Терках кабардинцы не были казаками, так и эти князья не были атаманами. Их так никогда не называли в документах. В данном случае некоторые авторы (а возможно, что и сами казаки) спроецировали на XVII в.

ситуацию, сложившуюся значительно позднее. В XVIII в. существовало терско-кизлярское казачье войско, в состав которого входили «окочане» и «новокрещены» (возможно, потомки жителей Терского города), а во главе этого войска стоял кабардинский князь Эльмурза Бекович-Черкасский (но и его не называли атаманом).

Кабардинцы и казаки Терского города не только совместно несли военную службу, но иногда и трудились вместе. Важной отраслью их хозяйства являлось рыболовство. В развалинах города найдено огромное количество рыбьих костей. И в 1638 г. кабардинский князь Татархан Арасланов, живший в Терках, подал челобитную с просьбой разрешить его людям ловить рыбу в Терских протоках «сопча з городскими с терскими русскими людьми...»⁵⁸. Торговля также связывала терских служилых и вольных казаков с кабардинцами, на что уже обращали внимание ученые⁵⁹.

Кабардинцы бывали в казачьих городках. В 1646 г. князь Татархан Арасланов приезжал в городок атамана Ивана Щадра и даже убедил казаков казнить трех «мичкизян», оказавшихся в этом городке, т.е. имел влияние на казаков⁶⁰. Некоторые из кабардинцев уходили к казакам и, возможно, сами становились казаками. Так, один «черкашенин», бежавший от своего хозяина, жил в казачьих городках. Найти и вернуть его не удалось⁶¹. Есть даже известие о казачьем атамане по имени Шолох, но это все же, видимо, ошибка⁶².

Но отношения вольных казаков с кабардинцами не всегда являлись добрососедскими. Бывало, что казаки нападали на кабардинцев, грабили их, брали в плен. Обычно это происходило на дорогах, на переправах через реки. В 1640 г. казаки ограбили на реке Быстрой купцов, которые везли товары принадлежавшие князю Муцалу. Он после этого обвинил терского воеводу в том, что тот организовал это нападение⁶³. В 1643 г. гребенские казаки напали на Сунже на обоз князей Татархана и Тонжихана Араслановых, взяли людей в плен, захватили имущество. Пострадавшие обвиняли терских воевод в том, что те не ищут виновных и награбленное, потому что с казаков «побрали они посулы большие»⁶⁴. В 1645 г. казаки ограбили князя Камбулата Пшимаховича и убили одного из его узденей⁶⁵. Другие князья жаловались на то, что «приезжают к ним под улусы и под Кабарду красть ясырь и лошади отгоняют терские и донские казаки и всякие воровские люди»⁶⁶.

Бывали, видимо, и нападения кабардинцев на казаков – не случайно присяга на верность царю обязывала их, если «терские и гребенские атаманы и казаки из городков по всяким промыслом» поедут, то их «не побивать и в полон их не имать»⁶⁷.

Но казаки и кабардинцы могли и совместно участвовать в набегах и грабежах, хотя сведений об этом мало. В 1633 г. трое «воровских» казаков скрывались в Черкасской слободе у Абрека Казбекова, «задворного узденя» князя Шолоха. Они подготовили убийство и ограбление богатого купца («тезика»), но казаки вместе с купцом убили и Абрека⁶⁸.

При всех сложностях и противоречиях важную роль в истории казачества играли его отношения с кабардинцами, и даже появление казаков на Кавказе тоже связано с кабардинцами. Казаки жили по соседству с кабардинцами или на землях, которые ранее занимали кабардинцы, их связывало совместное участие в военных походах, торговля, иногда – дружеские отношения. Особенно тесные связи установились между казаками города Терки и кабардинцами, поселившимися при этом городе. Их совместная служба явилась причиной того, что некоторые авторы стали считать этих кабардинцев казаками, а их князя – атаманом, с чем нельзя согласиться.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей. СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 330; Кабардино-Русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2 томах. Т. 1. XVI–XVII вв. Нальчик, 2006. С. 26, 30 (Далее – КРО).

2. *Потко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск первый. Гребенское войско. СПб., 1880. С. 3; *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577–1801). Ставрополь, 1991. С. 25–29; *Караулов М.А.* Терское казачество. М., 2007. С. 96–97; *Шенников А.А.* Червлёный Яр. Л., 1987. С. 68–71; *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 55; *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-н/Д., 2001. С. 46.

3. КРО. Т. 1. С. 35.

4. Там же. С. 36.

5. КРО. Т. 1. С. 11.

6. *Кушева Е.Н.* О местах первоначального расселения гребенских казаков // Историческая география России XVIII в. Ч. II. Источники и их характеристика. М., 1981. С. 40.

7. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 8.

8. КРО. Т. 1. С. 40.

9. Там же. С. 41.

10. Там же. С. 57.

11. Там же. С. 42–66.

12. Там же. С. 74, 93–94.

13. Российский Государственный архив древних актов (Далее – РГАДА). Ф. 127. Кн. 10. Л. 247 об.

14. КРО. Т. 1. С. 75.
15. Там же. С. 76.
16. *Потто В.А.* Указ. соч. С. 41.
17. *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. М., 1889. Вып. 1. С. 80.
18. Там же. С. 132.
19. КРО. Т. 1. С. 99.
20. Там же. С. 112–113.
21. *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 32–33 (карта).
22. *Попко И.Д.* Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Выпуск первый. Гребенское войско. СПб., 1880. С. VII.
23. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 73, 292, 545; КРО. Т. 1. С. 112; *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 440–447; *Идрисов Ю.М.* Тюменское владение между Волгой и Кавказом: рождение и гибель государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 80–83.
24. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963. С. 232.
25. КРО. Т. 1. С. 26.
26. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 350.
27. КРО. Т. 1. С. 607.
28. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 353.
29. КРО. Т. 1. С. 283, 291, 295, 303, 304, 350, 351, 354, 355, 386, 387, 607.
30. Там же. С. 607.
31. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1603 г. Д. 1. Л. 1; Сношения России с Кавказом... С. 365.
32. РГАДА. Ф. 115. Оп. 2. 1615 г. Д. 6.
33. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук. Т. 2. № 81. С. 175.
34. Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1887 г. Кн. 2. М., 1887. С. 302, 304, 312, 317 (Далее – ЧОИДР).
35. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 71.
36. Там же. Оп. 2. 1615 г. Д. 4. Л. 10, 26.
37. КРО. Т. 1. С. 612.
38. Там же. С. 193, 195.
39. *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 25.
40. *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 541.
41. Русско-чеченские отношения: Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. / Выявление, сост., введ., коммент. Е.Н. Кушевой. М., 1997. С. 113.
42. Там же. С. 290.
43. Там же. С. 112–113.
44. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 133–133 об., 143.

45. Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения... С. 36–41.
46. КРО. Т. 1. С. 488.
47. Козлов С.А. Указ. соч. С. 13.
48. КРО. Т. 1. С. 55, 56, 61, 62, 118, 120.
49. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1614 г. Д. 1. Л. 51.
50. КРО. Т. 1. С. 189.
51. Белокуров С.А. Указ. соч. С. 132–133.
52. Попко И.Д. Указ. соч. С. VIII.
53. Потто В.А. Указ. соч. С. 33–34.
54. Козлов С.А. Указ. соч. С. 22.
55. Юдин П.Л. Терцы и их восточные соседи // Записки Терского общества любителей казачьей старины. № 8. 1914. Владикавказ, С. 10–11.
56. Потто В.А. Указ. соч. С. 81.
57. КРО. Т. 1. С. 418.
58. Там же. С. 280.
59. Варивода Н.В. К истории взаимоотношений казаков Терека и кабардинцев во второй половине XVI–XIX вв. // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2009. В. 4. С. 43.
60. Русско-чеченские отношения... С. 148–149.
61. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958. С. 110.
62. Белокуров С.А. Указ. соч. С. 137, 141.
63. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 214–217; ЧОИДР. 1894 г. М., 1894. Кн. 3. С. 75–76.
64. Русско-чеченские отношения... С. 137–138.
65. КРО. Т. 1. С. 413.
66. Там же. С. 496.
67. Там же. С. 349.
68. РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 131–132; КРО. Т. 1. С. 262.

THE KABARDIANS AND THE COSSACKS IN THE SECOND HALF OF XVI – THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY

In the article on the basis of the analysis of a wide range of sources relationship of the Kabardians and the Cossacks is investigated. Conclusions that history of emergence of the Cossacks in the Caucasus and its further stay in the region were connected with Kabardians are drawn. Cossacks quite often were neighbors of Kabardians, maintained with them the trade and economic and friendly relations, despite incidental cases of collisions and confrontation. Especially close contacts with Cossacks were come at residents of the Cherkassk settlement of Tersky city. They in common participated in military campaigns and cooperated in a peace time.

Keywords: Cossacks, Kabardians, Tersky city, Sunzha, Cossack towns, prince Temryuk, Songchalia.

Tkhamokova Irina Hasanovna

Candidate of History, Senior Research Fellow, Department of Ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. 8 (8662) 42-20-92

E-mail: kbigi@mail.ru

УДК – 94(=352.3)

С.Х. Хотко

**«ГЕТИКИ» ИТАЛИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ XV в.
И АДЫГСКОЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ХЫТУК: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ,
ОТНОШЕНИЯ С КОПОЙ И КРЕМУКОМ**

В ряде итальянских источников XV в., описывающих Черкесию, содержится этноним «гетики». Этот этноним использовался как синоним этнонимов черкесы и зихи. Территория гетиков охватывала Таманский полуостров. В адыгской этнонимической традиции известен термин Хытук, который обозначал население Таманского полуострова. Княжество гетиков (хытуков) обладало значительным военно-политическим могуществом и пользовалось преимуществами развития торговли с генуэзской Каффой.

Ключевые слова: Черкесия, Зихия, гетики, Хытук, Матрега, Копы, Кремук, Каффа.

Хотко Самир Хамидович

К.и.н., в.н.с. отдела этнологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13.
Тел. +7-906-438-34-10
E-mail: inalast@mail.ru

Одним из актуальных вопросов этнополитической истории адыгов периода позднего средневековья остается проблема формирования феодальных владений (княжеств), хорошо известных по источникам XVI–XVII вв. Мы можем уверенно говорить о Темиргоевском владении, которое известно в итальянских источниках XV в. под названием Кремук¹. Также вполне очевидно существование Кабарды. Но мы вправе задаться вопросом о территории и локальном своеобразии группы исторических «прототипов» для еще ряда княжеств – Жанея, Хатукая, Хегака и некоторых других. По мере пополнения источниковой базы, не только нарративной, но и археологической, этот вопрос, вполне вероятно, получит свое разрешение.

В рамках данного сообщения наше внимание будет сконцентрировано на проблеме формирования адыгской территориальной и политической общности Таманского полуострова.

В XIV–XV вв. главным торгово-промышленным и культурным центром Зихии (Черкесии) являлась Матрега. С 1419 г. она полностью или частично перешла в управление знатного генуэзского семейства Гизольфи, которое породнилось с местной черкесской княжеской династией, корни которой могут восходить к тому неназванному государю Зихии, который в 1237 г. столь радушно принимал венгерское посольство².

В 1472 г. Заккария де Гизольфи писал консулу Каффы, что задерживать должников «он никоим образом не может из-за близости князей и народа гетиков (*geticorum*)»; «*quod flerinullo modo potest pro ptervicinī tatem dominorum et populorum geticorum*»³.

Под гетиками, очевидно, имеются в виду зихи (черкесы). Но почему они названы гетиками? В адыгской этнонимике есть такое название как *хытук* «островитяне», которым определялось адыгское же население Таманского полуострова⁴. *Хы* «море», *хытыку* «коса», *тыку* «кут»⁵. *Тыку* наблюдается в составе ряда топонимов – Псейтук, Хаштук и пр.

В 1446 г. власти Каффы обратились к «владельцу Гетикорума» Уздеморочу (*Usdemoroch dominus Gethiticorum*), как к посреднику в их территориальном споре с крымским ханом⁶. Соответственно, Уздеморок был князем Хытука или «Острова». Основную часть хытукцев в XVIII в., по всей видимости, составляли хегаки (хэгбакІэ, хеххадч у Хан-Гирея, шегаки у Челеби). В XVI–XVIII вв. территория расселения хегаков включала район Анапы и Таманский полуостров.

Калькой адыгского *хытук* являлось турецко-татарское *адале* «островитяне», при *ада* «остров». На нескольких картах Гийома Делиля, выдающегося французского картографа, у Черкесии отмечено второе название – *Pays de Ladda*, что переводится как «страна Ладды»⁷. Можно предположить, что название Ладда образовалось путем сращения французского артикля *le/la*, сопутствующего имени существительному соответственно мужского или женского родов, с турецкой основой *ада* «остров». *Le Adda – L'Adda – Ladda*.

Ада является часто употребляемым географическим наименованием при описании Черкесии XVII–XVIII вв. Так, француз Ферран, придворный медик крымского хана, в 1709 г. писал: «ПЕРЕЕХАВ ногайские земли, вступили мы в Черкесию, которую татары называют Адда. ...Недалеко от Темрюка виден древний замок, называемый по имени страны Адда... Область Адда простирается до реки Кара-

Кубани, служащей ей границей; она населена ногайскими татарами...»⁸. В отчете Феррана наименование *Adda* имеет два значения: 1) синоним Черкесии, что напоминает нам идею Фернана Броделя об «островах на суше»; 2) обозначает западную область Черкесии, включающую Таманский полуостров и часть нижнего течения Кубани, лежавшую между ее основным течением и старой протокой Кара-Кубанью (Каракубанский остров). И, если у Феррана крепость Темрюк имеет второе название Адда, то на карте Делия эта крепость также имеет второе обозначение в виде Ладда (*Ladda*).

В 1471 г. гетики упоминаются в форме *джетики* в отчете, посвященном делам в Тане: «Мануэль Гварнерио сохраняет и заботится о нашем замке, а также заключил отличный договор с джетиками и соседними мятежниками, что снизило наши убытки» – «*et persensit curare castrum Manueli de Goarnerio nostri conciuus et etiam multa tractat tam cum jheticis quam cum cazalibus rebellibus ad nostrum in commodum*»⁹.

Согласно итальяйским источникам, гетики были управляемы собственными князьями. Во владения этих князей мог входить не только Таманский полуостров, но и сопредельные районы. Одновременно князья гетиков – зихские (черкесские) князья. Они, вполне вероятно, обладали наибольшим политическим весом, поскольку Матрега являлась своего рода столицей Зихии, здесь же помещалась резиденция архиепископа. Вероятно, также, что правители Хытука обладали наибольшим среди адыгских князей богатством.

Родственником князей Хытука был известный Заккария де Гизольфи (*Zaccaria de Ghisolfi*). В 1419 г. в Матреге в качестве зятя и вассала черкесского таманского князя поселился Виккентий де Гизольфи, представитель знатного генуэзского рода. Ф. Брун отмечал, что в Матреге в начале XV в. правил князь Берозок (*Berozoch*, Берзек или Безрук?), отец княгини Бика-катон, власть от которой унаследовал ее сын от брака с Виккентием, Заккария¹⁰. Впрочем, не Виккентий, а дед, Симон де Гизольфи, стал правителем Матреги. Симон, по всей видимости, получил Матрегу как приданое своей невестки. Заккария подчеркивал, что Симон являлся данником и подданным князя Джамбека (*domino Jambech*)¹¹.

Из переписки, которую вел Заккария с властями Каффы, становятся известны имена трех князей (деда, сына и внука), во владении которых находилась не только Матрега, но, по всей видимости, весь Таманский полуостров и еще какие-то территории на западе Черкесии. Это Джамбек, Костомок, Кадибелд. Как соотносятся Джамбек и Берозок? Вполне вероятно, что это один и тот же человек. Возможно, что Берозок – отец Джамбека или они являлись братьями.

Отношения между Гизольфи и семейством Берозока-Джамбека могли по временам приобретать натянутый характер. Тем не менее, именно опора на черкесский военный ресурс позволяла Гизольфи чувствовать себя самостоятельными правителями. На протяжении 60-х гг. XV в. Заккария пребывал в состоянии перманентного конфликта как с Каффой, так и с Большой Ордой. «Опираясь на своих зихских родственников и сюзеренов, – пишет Р.Ф. Крессел, – Гизольфи игнорировал все распоряжения из Каффы. Более того, он начал проводить самостоятельную политику и даже вошел в конфликт с верховным ханом татар, считавшимся в тот период другом и союзником Каффы. Естественно, что подобное поведение Гизольфи было возможным лишь при условии его поддержки со стороны зихов»¹².

При Симоне каффские власти требовали выдачи князя Костомока, которого матрегский князь «не мог отправить с его людьми в Каффу, как это требовалось в предписании, поскольку он (Симон, *прим.* – С.Х.) являлся его данником и подданным, и княжество свое получил от покойного князя Джамбека, отца вышеназванного Костомока. За невыполнение этого распоряжения Симон «был заочно и несправедливо осужден». «И чтобы еще было понятней (его требование), – говорит Заккария, – возможно ли было самому Заккарию отправить (в Каффу) сына Костомока, князя Кадибелда и людей его, когда он в Матреге находился?»¹³. Из этого послания становится известно, что «князь Кадибелд занял и возвратил ему замок», что и вовсе исключало способность Заккарии действовать в качестве каффского администратора.

Таким образом, семейство Джамбека, включая 3. де Гизольфи, являлись теми самыми гетиками, которые выступают на всем протяжении генуэзского периода главными контрагентами Каффы. Важно, что генуэзцы упоминают в качестве влиятельной силы и сам народ гетиков, что говорит о сохранении населением значительной социальной и политической свободы.

Хытук был втянут в крымскую политическую жизнь. Так, в 1467 г. генуэзский аристократ Якопо Гримальди предложил Нур-Девлету набрать отряд на Тамани для противодействия его брату Менгли-Гирею. Власти Каффы поддерживали в борьбе за ханский трон Менгли, а Гримальди, проживавший на южном берегу Крыма, действовал им вопреки¹⁴. На следующий год Нур-Девлет был вынужден бежать в Зихию¹⁵.

Сохранилось письмо 3. де Гизольфи, написанное им из окрестностей замка Матрика 12 августа 1482 г. протекторам банка Сан-Джорджио в

Генуе, в котором он сообщал, что по взятии его замка (*lomio castello de la Matrega*) турками, он отправился в Геную, но, будучи ограблен воеводой Валахии Стефаном (*Stefano Vaivoda*), возвратился во «владение нашего острова Матрика» (*Campagna in Insula nostra Matrice*), где князья-*готики* (*signorigotici*) продолжали его разорять до такой степени, что он вынужден просить Сан-Джорджио о денежной субсидии в тысячу дукатов¹⁶. Субсидия предназначалась для выплаты черкесским князьям: «если им не давать, то станут врагами, а мне нужно во всяком случае их иметь на своей стороне»¹⁷. Единственный раз встречающаяся форма *готики*, наверное, простое искажение при переписке или издании источника.

Второй по частоте упоминания, после гетиков и Матреги, город и местность в Зихии – Копа или Копарио. Это было поселение городского типа (предположительно на месте Славянска-на-Кубани), основанное на территории самостоятельного феодального владения, адыгское наименование которого остается неизвестным. Территория владения Копы, вполне вероятно, включала значительное пространство правобережья Кубани и приазовской низменности. Можно уверенно предполагать, что описание черкесов Интериано было сделано на основе наблюдений за населением северной части княжества Копы.

Каждый год, в апреле–мае, в Копе устраивалась большая ярмарка. Копа была единственным пунктом, куда назначался консул из Каффы, который, впрочем, не жил в Копе, а только приезжал на момент начала заготовки рыбы и совместно с князем назначал цену. На консула, согласно уставу 1449 г., была возложена обязанность уплачивать князьям Зихии (*dominis Zichie*) ежегодную дань, которая вносилась в виде обязательных даров (*exenia*)¹⁸. Это говорит о том, что интерес в торговых делах Копы был не только у местного князя, но и у других князей – надо полагать, соседних Хытука и Кремука.

Характер генуэзско-черкесских взаимоотношений превосходно демонстрирует история правителя Копы князя Берзебука (*dominus Coparii Berzebuch*). В источниках встречаются транслитерации Белзебок, Парсабок и Парсабиок. Можно полагать, что адыгская основа – Барасбиекьо «Барасбия сын». Барасби – распространенное у адыгов тюркское имя Барсбай (Барсбей, Барсбек). Это имя носил один из мамлюкских султанов черкесского периода, правивший в 1422–1438 гг. Помимо Берзебука, упоминается его супруга Борунда (*domina Borunda*), обладавшая большой властью, а также их сын Камбелот (*Cambelot*)¹⁹. Камбелот – весьма близко стоит к распространенной среди кубанских адыгов форме Камболет, представляющей собой

типично адыгское искажение исконной тюркской формы Джанбулат, через промежуточные формы Джамбот и Камбот.

Совместное заведывание делами в Копе было объективной необходимостью для всей группы князей Зихии, поскольку ухудшение торговли в Копе влияло на общее состояние отношений с Каффой.

Так, после затяжного торгового конфликта с Берзебуком, посол Кавалино Кавалло, направленный властями Каффы, добился заключения коллективного соглашения с черкесскими князьями. В мае 1471 г. консул Каффы Оберто Скварчияфико сообщал по этому поводу в Геную: «Ему удалось устроить все по нашему желанию и заключить условие с князем Биберди и Петрезоком, князем Зихии, а также Берзебуком, князем Копарио, и его супругой (*domino Biberdi et Petrezoc domino Zichie accum Belzeboc et socio domino Coparij*)»²⁰.

Упомянутый в этом донесении Биберди, по всей видимости, правитель крупного феодального владения Кремук, занимавшего центральную часть Черкесии от Афипса и Убина на западе до Лабы на востоке. Он упоминается в хорошо известном описании Кремука, которое в середине XV в. сделал венецианец Иосафат Барбаро²¹.

Берзебук, тем не менее, оставался источником беспокойства. Он конфисковал товары генуэзцев: среди пострадавших была и особа высокого ранга – некий Грегорио де Марини. Протекторы банка Сан–Джорджо предписали властям Каффы сделать все от них зависящее, чтобы возместить убытки потерпевшим, но в то же время они запретили дальнейшую блокаду Черкесии. «Не менее досадно нам, – писали протекторы консулу в феврале 1472 г., – было узнать о раздорах ваших с *гетиками* (*gieticorum*, *прим.* – С.Х.) и что они взяли в плен наших граждан и ограбили»²².

Генуэзцы были вынуждены пойти на переговоры с Берзебуком. По поводу заключения договора протекторы писали 15 декабря 1472 г. консулу Каффы: «Мир, заключенный вами с князем Копы Парсабоком (*Parsabiocdomino Coparij*, он же Берзебук, *прим.* – С.Х.), на условиях, вами описанных, считаем полезным... Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того моря жить в дружбе и избегать случаев столкновения»²³.

Переписка по этому поводу продолжалась и на следующий год. 30 июля 1473 г. протекторы писали каффскому консулу: «Весьма радуемся тому, что вы имеете вести от князя Зихии (*domino Zichie*) и что наши [купцы], надеясь на выгодное дело, отправились в Копу»²⁴. В это же время Берзебук построил каменный замок в Копе, что возымело на генуэзцев Каффы тягостное впечатление²⁵.

Итак, территориальный рост Черкесии в XIV–XV вв. сопровождался процессом формирования и обособления значительных по территории и населению, феодальных владений, управлявшихся отдельными княжескими династиями. Пример очевидной взаимосвязи полузабытой общности Хытук, о которой в 30-е гг. XIX в. посчитал важным упомянуть Хан-Гирей, с областью (княжеством) гетиков италийских документов, свидетельствует в пользу той точки зрения, согласно которой большая часть адыгских княжеств или земель начала формироваться в XIV–XV вв.

Примечания

1. Кузнецов В.А. Забытый Кремук // Сборник Русского Исторического Общества. М.: Русская панорама, 2002. № 4 (152). С. 206–216; Хотко С.Х. История Черкесии в средние века и новое время. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 280; Хотко С.Х. Черкесия и княжество Кремук на «Карте мира» (Mappamondo) Фра Мауро, 1459 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: изд-во АГУ, 2014. Вып. 3 (144). С. 96–101; Кагазежев Ж.В. Позднесредневековое адыгское княжество Кемиргой (Кремук) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: изд-во АГУ, 2011. Вып. 1 (74). С. 55–59.

2. *De facto Hungariae magnae a fratre Riccardo (Iuliano) invento tempore Gregorii papae noni // Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita ab Augustino Theiner. Vol. I. Romae: Typis Vaticanis, 1859. P. 152.*

3. Richieste presentate all'ufficio di san Giorgio da Zaccaria Ghizolfi, signore di Matrega, e risposte dello stesso, sulle mutue relazioni dei loro possessi. 1472, 13 aprile Запросы, сделанные Захарием де Гизольфи, сеньором Матреги, в управление банка Сан Джорджио, и ответы на них, о взаимных имущественных отношениях. Документ 1015 // **ASLSP. Vol. VII: Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453–1475).** Tomo secondo, ordinato ed illustrato dal socio p. A. Vigna. **Parte I. Genova, 1871. P. 844.**

4. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 197.

5. Толковый словарь адыгейского языка. Составители А.А. Хатанов, З.И. Керашева / Под ред. А.Н. Абрегова, Н.Т. Гишева. Майкоп, 2006. С. 449, 406.

6. *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Издат-во Уральского ун-та, 2001. С. 215–216.

7. Carte de Perse dressée pour l'usage du roy par G. de l'Isle, premier geographe de S. M. de l'Academie Royale des Sciences. Amsterdam // РГБ. Отдел картографических изданий. Ку 49/VIII–56.

8. *Ферран.* Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар, в 1709 году // АБКИЕА. С. 110–111.

9. ASLSP. Vol. VII. Parte I. P. 780.

10. *Брун Ф.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. II. Одесса, 1880. С. 232–233.

11. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 110; *Kressel, R.Ph.* The Administration of Caffa under the Ufficio di San Giorgio. Wisconsin, 1966. P. 392.

12. *Kressel, R.Ph.* The Administration of Caffa... P. 390.

13. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки... С. 110.

14. *Колли Л.* Каффа в период владения ею банком св. Георгия (1454–1475) // Известия Таврической Ученой Архивной комиссии. № 47. Симферополь, 1912. С. 97.

15. *Колли Л.* Хаджи-Гирей-хан и его политика (по генуэзским источникам) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 50. Симферополь, 1913. С. 135, 137.

16. ASLSP. Vol. IV. Fascicolo III. Genova, 1867. P. CCLVII.

17. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки... С. 128–129.

18. Устав для Генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 году. Латинский текст с переводом и примечаниями В. Юргевича // ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863. С. 804. ASLSP. Vol. VII. **Parte II. Genova, 1879.** P. 673.

19. *Брун Ф.* Черноморье. С. 234.

20. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки... С. 112; *Relazione del console e massari di Caffa all'ufficio di s. Giorgio sugli affari della colonia.* 1471, 16 и 18 maggio. Filzadi Caffa, n. 106. Доклад консула и массариев Каффы управлению (банка) Сан-Джорджо о делах колонии. 16–18 мая 1471 г. Документ 981 // **ASLSP. Vol. VII. Parte I.** P. 784.

21. *Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India, et in Costantinopoli: con la descrizione particolare di città, luoghi, siti, costumi, et della porta del gran Turco: & di tutte le intrate, spese, & modo di gouerno suo, & della ultima impresa contra Portoghesi.* In Vinetia: Aldus, 1543. P. 16 (оборот).

22. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки... С. 113; *Rispondono a parecchie le ere del console e massari di Caffa su affari interni della colonia.* 1472, 7 e 17 febbraio. Документ 1006 // **ASLSP. Vol. VII. Parte I.** P. 836.

23. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки... С. 112–113; *Nuovi ordini e commissioni dei Protettori al console o massari di Caffa.* 1472, 15 dicembre. Документ 1038 // **ASLSP. Vol. VII. Parte I.** P. 883.

24. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки... С. 98; Commissioni, ordini ed istruzioni dei Protettori, in risposta a precedenti lettere dell' ufficio consolare di Caffa. 1473, 30 luglio. Документ 1072 // ASLSP. Vol. VII. Parte II. P. 57.

25. Kressel, R.Ph. The Administration of Caffa... P. 397.

Сокращения:

ASLSP – Atti della Società Ligure di Storia Patria.

АБКИЕА – Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.

«GETICIS» OF THE XVTH CENTURY ITALIAN DOCUMENTS AND THE CIRCASSIAN PRINCIPALITY OF HYTUK: ETHNO-CULTURAL CONTINUITY, RELATIONSHIPS WITH THE PRINCIPALITIES OF COPA AND CREMUC

The bulk of the Italian sources of XV century, describing Circassia, contains an ethnonym getici. This term used as a synonym for the ethnonyms – Circassians and Zikhs. Territory, inhabited by Getics – Taman Peninsula. In Circassian ethnonymic tradition we know the name of Hytuk, that denotes the population of the Taman Peninsula. The principality of Getics (Hytuk) possessed a considerable military and political power and took advantage of trade with the Genoese Caffa.

Keywords: Circassia, Zikhia, getici, Matrega, Copa, Cremuc, Caffa.

Khotko Samir Khamidovich

Candidate of Historical Sciences, Leading Specialist of Ethnology Department of the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Researches.

385000, Maikop, Krasnooktyabrskaya, St. 13.

Ph. +7-906-438-34-10

E-mail: inalast@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ЦЕНТРАЛЬНОМ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
В УСЛОВИЯХ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ**

УДК – 39 (075.8)

Т.Х. Алоев

**ЭПИЗОДЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ
(К ОПИСАНИЮ НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТОВ ВОЕННОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ НА КУБАНСКОЙ ЛИНИИ
В СЕРЕДИНЕ 1833 г.)**

В статье предпринимается попытка преодоления устоявшейся историографической аберрации относительно нескольких военных событий на Кубанской линии в середине 1833 г. Для этого производится анализ соответствующих исторических сюжетов.

Ключевые слова: Кубанская линия, черкесы, казаки, кавалерия, хаджреты.

Алоев Тимур Хазраилович

К.и.н., с.н.с. сектора средневековой и новой истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. 8 (8662) 42-46-97

E-mail: kbigi@mail.ru

Обращаясь к сюжетам Кавказской войны целесообразно иметь ввиду, что выражение «историю пишут победители» не всегда и не везде себя оправдывает. Однако также важно помнить, что логика колониального дискурса, формировавшегося и спустя многие десятилетия после войны, накладывала свой отпечаток на исторический нарратив, который был призван зафиксировать увенчавшиеся «триумфом» образы имперских свершений. Это обстоятельство задавало определенные характеристики, свойственные повествовательному канону, относящемуся к кавказской тематике. В рамках настоящей работы не предполагается многостороннего освещения вопросов связанных с подобной ситуацией. В хронологическом и фактологическом плане речь идет о весьма узких

границах. В статье предпринимается попытка критического взгляда на характер отражения в историографии событийной канвы, относящейся к короткому периоду военного противостояния на Кубанской линии в середине 1833 г. Ввиду того, что в российских текстах принято отводить значительную, если не сказать ведущую, роль в этих событиях заступившему в мае 1833 г. на должность командующего Баталпашинским участком полковнику Г.Х. Зассу, уместно обратить внимание на отраженные в историографии обстоятельства его военного дебюта в Восточном Закубанье.

Командование вверенными войсками Засс, согласно В. Толстову, начал с успешного боя против черкесов на р. Зеленчук. Изложение автором его завязки, протекания и исхода не лишено некоторых недостатков. В этой связи представляется уместным указать на ряд обстоятельств, препятствующих однозначному восприятию представленного в его труде события. Оно же в изложении автора выглядит следующим образом: «Прежде всего Засс признал необходимым основательно познакомиться посредством личного осмотра с местностью своего кордонного участка и ближайшим районом к стороне противника, откуда горцы часто производили внезапные нападения на линию. С этою целью он собрал отряд из хоперских и донских казаков, двух рот пехоты с двумя конными орудиями, переправился с ним за Кубань и двинулся к р. Б.[ольшой] Зеленчук. Выследив движение Засса, черкесы собрали большую партию с намерением отрезать путь отступления нашему отряду – излюбленная манера горцев при вторжении наших отрядов в их земли. Но Засс угадал маневр неприятеля и распорядился оставить в засаде, в лесистой балке на Зеленчуке, всю пехоту, а сам с казаками и конными орудиями продолжал наступление. Между тем, горцы, маневрируя вдали, вдруг всею массою ринулись на казаков. Остановившись, Засс развернул боевой порядок и после двух орудийных выстрелов приказал атаковать неприятеля в шашки. Воодушевленные присутствием храброго начальника, хоперцы смело врезались в толпы горцев. Через несколько минут ожесточенной схватки неприятель не выдержал нашего удара и бросился к Зеленчуку, но тут наткнулся на нашу засаду, которая приняла его дружным залпом»¹.

Представленный текст позволяет вести рассуждения в двух плоскостях. Исследовательский взгляд в одной из них предполагает попытку критического анализа текста исходя из презумпции релевантности его содержания историческому контексту, т.е. согласуя собственные рассуждения с предложенным авторским сюжетом. Вторая опирается, преимущественно на учет «экстратекстуальных» моментов сопровождающих его изложение. В данном случае представляется целесообразным

предварительно обратить внимание на непроясненные нюансы, связанные с «внешним» пространством текста. Прежде всего, следует указать, что автор не упоминает дату события, а также не ссылается на какой-либо источник, что для повествования В. Толстова не характерно. «Провисанию» сюжета способствует и тот факт, что в тексте не указывается район, из которого выступили российские войска. (Нет необходимости доказывать важность выяснения этого обстоятельства для реконструкции системы координат, задававших, по крайней мере, географические параметры сюжета). Примечательно также, что результаты описанного «боя» не нашли отражения в списке потерь как у самого Толстова так и, к примеру, у Гизетти.

Попытка рассуждений в рамках авторской фабулы также не обеспечивает возможности выстраивания более-менее непротиворечивой картины представленного события. В попытке преодоления изъянов текста правомерным представляется в первую очередь прояснить географическую локацию коллизии. Для этого необходимо понять, где находилась отправная точка выступившего отряда войск. Хотя в рассматриваемом тексте этот момент никак не отражается, российские войска в этом районе вероятнее всего могли выступить из Невинномысской или Баталпашинской станиц. Последний вариант более предпочтителен ввиду того обстоятельства, что Баталпашинская более находилась «к стороне противника». В пользу этого выбора говорит и сам текст, в котором указывается о переправе через Кубань и продвижении к Большому Зеленчуку. Подобное описание маршрута войск было бы вряд ли возможно, если бы отряд выступил из Невинного мыса, в районе которого в Кубань впадает Зеленчук.

Важным моментом, без артикуляции которого критическое восприятие нарративной конструкции Толстова будет затруднительным, является учет не самой «типичной» цели выступления российского отряда. Не «экспедиция» к черкесским аулам или же преследование отходивших после рейда за Линию хаджретов, а ознакомление «посредством личного осмотра с местностью», т.е. рекогносцировка. В этом контексте чересчур надуманным представляется приписываемое черкесам в качестве изначального и главного замысла «намерение отрезать путь отступления» российского отряда. Разумеется, для черкесов, кавалерия которых наголову превосходила неприятельскую конницу (которая к тому же сопровождалась замедлявшей ход пехотой), осуществление подобного маневра не представлялось проблематичным. Однако «отрезать путь отступления» войскам не

имеющих конкретного(ых) пункта(ов) назначения своего движения, не оставивших позади себя пылающих сел и не обремененных пленными и добычей, а значит свободных от легко просчитываемых противником маршрутов отхода, обусловливаемых в свою очередь соображениями скорейшего ухода из зоны досягаемости неприятеля, не мог быть изначальной сверхзадачей черкесов. Рассматривать же эту мысль в качестве неустранимого знаменателя в представленной конфигурации обстоятельств возможно лишь в том случае, если черкесы предполагали «полноценное» вторжение русских «в их земли» с нападением на населенные пункты и движимое имущество, которое и мотивировало, согласно наблюдению автора, «излюбленную манеру горцев». Здесь же не наблюдается ни подобной ситуации, ни соответствующей ей мотивации.

К мысли о том, что последняя так и не созрела у черкесов в представленном числе и описываемых обстоятельствах подводит и представление о географической локализации события, которую можно составить исходя из сообщений повествования. Ввиду того, что здесь не указывается ни о каких временных параметрах сюжета трудно определить длительность нахождения отряда в походе. Соответственно невозможно проверить временную дистанцию между отмеченным В. Толстовым «фактом» выслеживания фланирующего российского отряда и сбором черкесами «большой партии». Таким образом «темпоральная верификация» описанной коллизии не представляется возможной. Здесь можно опираться лишь на факт упоминания в тексте долины Зеленчука как места, где развернулась баталия. При этом следует обратить внимание на то, что здесь не говорится ни о предварительном форсировании этой реки, ни, к примеру, о последующем продвижении войск вглубь гор. В таком случае с большой долей вероятности можно говорить, что речь идет о низовьях Зелечуков. Находившегося в состоянии войны с Россией населения в этой зоне по понятным причинам быть не могло. Следовательно, тезис о «большой партии» с сопутствующими сюжетными элементами опять-таки теряет в своей убедительности.

Преодолеть логические и историко-контекстуальные огрехи рассматриваемого повествования едва ли удастся, если даже выстраивать рассуждения без учета выше представленных соображений. В возражение тезиса о том, что выследившие противника «черкесы собрали большую партию с намерением отрезать путь отступления» можно привести и другой ряд обстоятельств. Так, согласившись с этим положением закономерно допустить, что черкесы должны были концентрироваться позади вторгшегося отряда войск, при этом

сделать это максимально скрытно. Однако вместо этого они якобы предпринимают лобовую атаку (авторская манера изложения, как можно судить исключает фланговый маневр). Но «угадавший» намерение неприятеля Засс заранее (уже, будучи выслеженным!) разделил отряд на две части; оставив пехоту «в лесистой балке на Зеленчуке», «сам с казаками и конными орудиями продолжал наступление». И вот этот поредевший отряд, состоявший исключительно из казаков «развернул боевой порядок» (в пересеченной местности) и после двух оружейных выстрелов успешно атаковал неприятеля в шашки. Причем в качестве непосредственных участников боя автор упоминает только хоперцев. В какой-то мере это и понятно, учитывая многократно отмечавшуюся неэффективность действий донских казаков в ходе Кавказской войны.

В целом нельзя не заметить, что особенностью данного сюжета является отсутствие описания конкретных параметров противоборствовавших сторон, за исключением принимавшего якобы в конце боя участие в нем двух рот пехоты. Адыги обозначены как «большая партия» черкесов, а их противник как «отряд из хоперских и донских казаков». Вывести их соотношение на основе этих данных весьма проблематично. Поэтому в попытке реконструкции наиболее вероятной картины рассматриваемого события, мы вынуждены соотнести представленный здесь алгоритм действий той или иной стороны с общим историческим контекстом того времени.

Подходя к вопросу с указанной позиции, становится понятным, что утверждение о том, что после двух артиллерийских выстрелов «хоперцы смело врзались» в черкесов и через несколько минут ожесточенной схватки неприятель не выдержал удара и бросился к Зеленчуку, можно признать правдивым лишь в том случае, если численность черкесской партии существенно уступала казакам.

Не говоря о том, что в предыдущий период утвердилось мнение о значительном превосходстве черкесских воинов над казаками (при этом не донскими, а терскими, проживавшими в регионе² можно говорить об адекватности этого мнения реалиям 30-х гг. XIX в. Не кто иной как многоопытный генерал Вельяминов в 1832 г. говорил о безусловном превосходстве черкесской кавалерии, как над регулярной, так и казачьей конницей³. Справедливости ради отметим, что не все было так безнадежно для казаков. Так, Ф.Ф. Торнау по этому поводу писал: «Кабардинцы, сапсуги и все вообще небольшие закубанские общества, принадлежащие к черкесскому племени, составляют лучшую конницу, какую мне встречалось видеть. С ними могут равняться только ногойцы, живущие на левом берегу Кубани, да наши

коренные линейные казаки»⁴. Но указанная потенция реализовывалась далеко не всегда. Тем более что по признанию самого В. Толстова, со «свойственной казакам осторожностью» «хопёрцы» «перешеголяли своих учителей» преимущественно «в деле спешивания под лихим неприятельским налетом и упорного сопротивления в пешем строю»⁵. Согласно автору «этот боевой прием линейные казаки проделывали» «обыкновенно при встречах с превосходным противником, когда неравенство в силах становилась очевидным...»⁶. Думается, что для непредвзятого исследовательского взгляда на представленную историческую ситуацию правомерно опираться на корректирующий потенциал этих свидетельств и характеристик.

Единственным сколько-нибудь значимым доводом в пользу того, что здесь соприкоснулись две равновеликие силы, может послужить учет использования российской стороной артиллерии. Однако весомость и этого аргумента слишком мала, если учитывать, во-первых, то, что два выстрела не обеспечивали такой плотности поражения противника, которая при равной борьбе выступает решающим фактором. А во-вторых, они не способны были вызвать панику среди давно привыкших к применению артиллерии черкесов. В связи с этим достаточно вспомнить эпизод из сражения 9 июня 1828 г. у станицы Марьинской. Тогда, действуя против действительно крупного отряда черкесов волжские казаки, несмотря на применение артиллерии, были смяты отрядом хаджретов и западных адыгов⁷.

Невероятность обрисованной кульминации боя непосредственно вытекает из выше представленных В. Толстовым частей повествования. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что не выдержавшие-де атаки казаков черкесы, вместо того чтобы отступить, «просочились» сквозь своих «победителей» и оказались за их спинами – под ударами оставленного в тылу отряда пехоты. При этом с трудом можно представить, чтобы разбитый отряд «горцев» искал спасения не у себя в горах, а в стороне «плоскости», откуда пришли войска. Принимая во внимание всю совокупность изложенных обстоятельств, думается, правомерно рассматривать источником данной историографической аберрации следование ее «виновника» принципу *fas et nefas** при конструировании проимперского повествования.

Как бы то ни было, сведения источников не позволяют говорить о стремительном и единовременном обострении накала противостояния вместе со сменой начальника Баталпашинского участка. Лишь на

---

* протащить что-нибудь правдами и неправдами (лат.)

исходе лета на Линии обозначились явственные признаки тяжелого и вязкого противоборства ожидавшего стороны в предстоящую осень.

Предвосхищая изложение его важнейших черт, сразу отметим, что в конце года командующий Отдельным Кавказским корпусом признал, что главная опасность для «границы» в это время исходила от совместных действий хаджретов и абадзехов, к которым присоединились и бесленеевцы⁸. Соответственно, и основные усилия российских войск были направлены на нейтрализацию их воздействия.

В источниках отмечается, что уже 30-го августа командующий Прочно-Окопским участком подполковник Васмунд выступил с 300 казаков «при 2-х конных орудиях» в направлении собравшегося «в довольно значительном числе» на р. Уруп противника. Сообщая о результатах данного «движения» барон Розен (видимо на основании рапорта Васмунда) указывал, что российский отряд «встретился с частью сей партии, не доходя 20-ти верст до Вознесенского укрепления, которую он несколькими пушечными выстрелами заставил рассеяться, и на другой день возвратился с отрядом за Кубань»⁹. Даже для военных реляций имевших выраженную специфику отражения тех или иных событий (обусловленных происхождением, личными характеристиками авторов, назначением документов) подобная идиллически-бескровная «нейтрализация» противника является весьма редким явлением.

В самом деле, предыдущий и последующий опыт боевого взаимодействия между указанными противниками показывает, что представленный в документе облик боя откровенно выбивается из «стандарта» боестолкновений, характерного для правого фланга.

Видимо следует исходить из того, что указание на сбор «значительного числа» горцев необходимо увязать с численностью, составом и мощностью артиллерийской оснащенности отряда, направленного для их нейтрализации. Только лишь будучи уверенным в наличии значительного численного и огневого превосходства командующий Прочно-Окопского участка выступил бы с указанными силами против черкесов. В пользу этого говорит и то, что Васмунд якобы «несколькими пушечными выстрелами заставил рассеяться» «горцев» находившихся «в довольно значительном числе». Здесь совершенно очевидно, опять-таки, в контексте устоявшегося характера военных действий в регионе, что черкесы осуществили отходный маневр (тем более, что речь идет лишь о части партии).

Во всяком случае, вполне определенно можно говорить о том, что в отношении группы черкесов, уклонившейся от артиллерийского обстрела объективно (учитывая, какие силы в этот период обычно рассматривались крупными или соразмерность казачьего отряда

Васмунда действовавшего против горцев) не могла быть использована оценочная характеристика – «значительное число».

Это подтверждается источниками. Уже 2 сентября в район р. Уруп из станицы Беломечетской выступил еще более крупный контингент российских войск – 450 казаков «при 2-х конных орудиях» под руководством командующего Баталпашинским участком¹⁰. Его должен был поддержать сводный батальон пехоты из частей Навагинского и Тенгинского полков. Предполагалось, что они будут действовать против «горцев», собравшихся «в значительном числе на р. Лабе». Однако после открытия разездом противника было признано достаточным направить для его нейтрализации двух сотен хоперских казаков без артиллерии. «Хоперцы настигли партию на Тегенях (р.р. Большая и Малая Тигени. – Т.А.) и разгромили ее в конце; при этом неприятель потерял 9 человек и двух взятыми в плен», – отмечает В. Толстов. Однако примечательно, что численность черкесского отряда определяется им всего в 25–30 человек¹¹.

Любопытно, что «во время преследования казаки захватили до 2-х т.[ысяч] баранов и бывших при оных трех пастухов». И при этом «горцы, бывшие» якобы «в сборе на Лабе, узнав о движении полк. Засса, разошлись, почему он возвратился в Невинно-Мысскую станицу», – указывается в источнике.

Судя по содержанию текста, получается, что разбитая (весьма небольшая) черкесская «партия» фактически находилась в походе; пусть даже на начальной стадии. Весьма странно, что огромная отара овец в 2000 голов (для сравнения отметим, что спустя несколько месяцев при уничтожении махошевского аула Тлабгай, когда войскам досталось все достояние аула добыча составила всего 300 штук рогатого скота)¹² находилась в непосредственной близости от исходной зоны планируемого прорыва, т.е в полосе с высокой вероятностью военных действий. К тому же неоднозначно выглядит ситуация, когда крупные силы черкесов локализовались примерно на расстоянии одного конного перехода позади значительного стада овец – основного движимого имущества населения страны в этот период. Еще маловероятнее выглядит картина того, как черкесы, «узнав о движении полк. Засса, разошлись», а не стали преследовать войска, разбившие их «разезд» или «авангард» и уже приступившие к отгону крупного стада.

Чем же объяснить то, что находившиеся в значительном числе «горцы» проигнорировали самую для себя удобную и мотивированную стадию российской экспедиции¹³. Видимо тем, что указанного сбора «в значительном числе» на самом деле и не было. Если взятые в плен

при нападении на небольшую группу всадников, пастухи и стадо были вполне осязаемыми, материальными свидетельствами имевшегося столкновения, утверждение о расхождении черкесского отряда «в значительном числе» не может быть подтверждено в принципе.

Сами обстоятельства хода событий, указанные в документе, говорят в пользу того, что упоминаемое «значительное число горцев» вероятнее всего было лишь благовидной отговоркой, предназначенной начальству. Подлинной же целью движения было огромное стадо овец, находившееся под прикрытием небольшого отряда. И, вероятнее всего, столь беспечное расположение огромного стада говорит о его принадлежности т.н. «мирным горцам». В качестве же причин значительности сил направленных для этой цели можно указать: 1) Непривычность для Засса обстановки на новом для него театре военных действий; 2) Провокация с целью эскалации (что практически и удалась).

Примечания

1. *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696–1896). Тифлис, 1901. С. 236.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. С. 43.
3. *Вельяминов А.А.* Замечания на письмо главнокомандующего действующей армией к военному министру от 27 июля 1832 г. // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 82–84.
4. [Торнау Ф.Ф.] Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 211.
5. *Толстов В.* Указ. соч. С. 138, 140.
6. Там же. С. 138.
7. *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. II. С. 300.
8. Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. XIII–XIX вв. Сборник документов и материалов. Составление и вступительная статья С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 213.
9. Там же. С. 212.
10. Там же.
11. *Толстов В.* Указ. соч. С. 237.
12. Бесленей – мост Черкесии... С. 217.
13. *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 83.

**SCENES OF THE COLONIAL DISCURSIVE PRACTICES
(A DESCRIPTION OF SOME INCIDENTS OF THE MILITARY
CONFRONTATION BY THE KUBAN LINE IN MID THE 1833)**

The paper attempts to overcome the established historiographical aberration with regard to several military events in the Kuban line in the mid-1833. For this purpose, an analysis of relevant historical subjects is carried out.

Keywords: *Kuban line, Circassians, Cossacks, cavalry, Hadjrets.*

Aloyev Timur Hazrailovich

Candidate of History, senior research fellow at sector of a medieval and modern history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. 8 (8662) 42-46-97

E-mail: kbigi@mail.ru

А.А. Журтова

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются работы современных отечественных исследователей, рассматривающих Кавказскую войну как один из этапов общероссийского исторического процесса. Автором изучены различные интерпретации российско-кавказского исторического взаимодействия, возникшие в результате применения нового методологического инструментария, в частности, использования цивилизационного подхода, теории контактных зон, фронта и др.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Россия, историография, Кавказская война, цивилизационный подход, теория контактных зон, фронт.*

Журтова Анжела Ариковна

Аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360004, КБР, Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Тел. +7-963-394-91-11

E-mail: anzhelka28@mail.ru

Проблема Кавказской войны, как особая форма взаимоотношений горских народов с Россией, является одной из самых дискуссионных в современном кавказоведении. Как справедливо подчеркивает В.В. Черноус, спорными остаются практически все основные аспекты проблемы: сама дефиниция, хронологические рамки, причины и характер борьбы, становление российской администрации и правовой системы в ходе Кавказской войны, социальные и политические процессы у народов Северного Кавказа, мухаджирство и др.¹

В процессе изучения вопроса ученые дают различные оценки взаимоотношений народов Северного Кавказа с Российской империей. Концептуальные различия «завязаны» вокруг следующих понятий: «подданство», «завоевание», «покорение», «добровольное присоединение» и др., при этом у разных авторов одна и та же категория наполнена

различным семантическим содержанием. Все это создает сложную палитру мнений и оценок, которые создают дискурсивное поле, требующее глубокого научного исследования. Историографический анализ позволит определить степень изученности проблематики, проследить процессы преемственности и инноваций в исторической науке, определить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении.

Распад СССР обозначил глубокий общественный разлом, который отразился и в сфере научных исследований². Перемены в общественно-политической жизни страны в конце 80 – начале 90-х гг. выдвинули на первый план исследовательской деятельности преодоление границ исторического анализа, задаваемых вплоть до этого времени марксовской схемой истории³.

В современной науке наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. Этот переход создал особую методологическую ситуацию, в рамках которой, с одной стороны, идет поиск новых методологических ориентиров, с другой – наблюдается мобилизация всего предшествующего исследовательского опыта, познавательного потенциала предшествующих эпох и иных культур⁴. В результате, историческая наука, по определению А.В. Лубского, превращается в «мультипарадигмальную» дисциплину, становясь когнитивным полем многообразных мнений и интертекстуальных «языковых игр», в ходе которых историческая реальность растворяется во множестве научных дискурсов, тропов и смысловых миров⁵.

Начало 1990-х гг. характеризуется бурным ростом национального самосознания малых народов России и их обращением к историческому прошлому в целях укрепления собственной этнической идентичности, что стремительно активизировало центробежные тенденции в ряде республик Северного Кавказа. Данные обстоятельства поставили перед российским руководством важнейшую задачу не допустить расширения «ареала» суверенизации государств Закавказья на северокавказскую территорию. Стремясь к реализации федеральных интересов, российские ученые обратились к истории российско-кавказских взаимоотношений, в которой, в отличие от региональных исследователей, усматривали источники легитимации современных, исторически сложившихся государственных границ России на Кавказе.

Объективная картина текущей историографической ситуации, по словам К.Ф. Дзамихова, позволяет в определенных случаях ставить вопрос о противостоянии позиций региональных национальных историков и историков российского центра⁶. «Федеральные» ученые выступают против идеи о перманентном военном противостоянии России и народов Северного Кавказа в прошлом и обосновывают

мирный, добровольный характер присоединения местных народов к Российскому государству, оказавшему позитивное влияние на последующее социально-экономическое развитие региона, вследствие чего «новую жизнь» приобрела концепция середины 50–80-х гг. XX в. о «добровольном присоединении» северокавказских народов к России. Исследователи обосновывают позитивный характер российского влияния на общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь горских обществ, подчеркивают невозможность сохранения местными этносоциальными образованиями своей независимости и генофонда в условиях геополитического противоборства европейских держав в XVI–XIX вв.⁷

Вариативность трактовок вхождения Северного Кавказа в состав России позволяла, с одной стороны, подвести научную основу под содержание, цели и задачи сепаратистских политических программ, с другой, – оказать им аргументированное противодействие⁸. Возрождение советского подхода, освещавшего российско-кавказские взаимоотношения с позиции добровольности и прогрессивности, стало ответной реакцией на всплеск национализма в региональных исследованиях и демонстрирует отношение государственной власти к данному вопросу. В результате происходит углубление противоречий между федеральным центром и национальной интеллектуальной элитой, что еще больше усложняет поиск компромиссных подходов к проблеме вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

Характерные черты марксистской историографии вхождения Северного Кавказа в состав России отразились в пятитомной «Истории внешней политики России»⁹. По мнению ее редакторов О.В. Орлика, В.Н. Пономарева и др., Кавказ рассматривался Александром I и Николаем I «как аграрно-сырьевой придаток России» и как «оплот» для осуществления имперских военно-стратегических задач¹⁰. В XIX в. горцы были вынуждены вести «упорную борьбу против национально-колониальной политики царизма»¹¹. В то же время, авторы подчеркивают, что проводимые в регионе преобразования способствовали преодолению северокавказскими народами «феодальной ограниченности и патриархальной замкнутости» и создали «более благоприятные условия для роста их национальной консолидации»¹².

В аналогичном ключе написана работа Е.П. Толмачева¹³. По выражению историка, многовековой процесс присоединения кавказских народов «сочетал в себе как элементы завоевания со стороны России, так и элементы добровольного вхождения в ее состав»¹⁴. Систематическое завоевание Северного Кавказа автор датирует 1817–1864 гг.¹⁵

Вхождение региона в состав России обеспечило северокавказским народам «преодоление их экономической отсталости и политической раздробленности»¹⁶.

Одной из первых современных работ, в которой подчеркивается неправомерность определения российско-кавказского исторического взаимодействия как многовекового военного противостояния, является совместная статья Л.С. Гатаговой, Д.И. Исмаил-Заде, В.И. Котова и др.¹⁷ Возникновение данного тезиса исследователи связывают со стремлением региональных национальных элит «добиться для себя наибольших экономических и политических выгод»¹⁸. Историки признают, что Российская империя присоединяла новые территории не всегда мирным путем, но взаимоотношения России и народов Северного Кавказа в XVI–XIX вв. не сводятся к одной лишь войне¹⁹.

Связи горцев Северного Кавказа с Россией вплоть до второй половины XVIII в. носили в экономический характер. В XVIII в. позиции России на Северном Кавказе напрямую зависели от ее отношений с Турцией. По мнению авторов, Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. наделил кабардинцев статусом российских подданных, а по Ясскому мирному соглашению 1791 г. Кабарда и Осетия окончательно вошли в состав России²⁰. Кавказская война, с точки зрения Л.С. Гатаговой, Д.И. Исмаил-Заде и др., представляет собой растянувшуюся на десятилетия серию военных конфликтов, в которых приняли участие только дагестанцы, чеченцы и адыги, а осетины, кабардинцы и часть дагестанцев воевали в составе российских войск²¹.

По версии крупного современного исследователя Н.А. Нарочницкой, Кавказская война XIX в. началась не в связи с попыткой России присоединить регион, а в связи с конфликтом российских властей с северокавказскими владетелями, связанными с Персией, Турцией и Британией²². Кавказ вошел в состав России, заявляет автор, «много раньше и в основном с добровольного согласия»²³. Так, в середине XVI в. осуществлялись «добровольные присягания на верность» адыгами; в 1770 году 24 ингушских старейшины вступили в российское подданство²⁴ и т.д.

Подобную точку зрения разделяет правовед Л.Г. Свечникова. Присоединение Кабарды, Осетии и Ингушетии к России она связывает с Кючук-Кайнарджийским договором 1774 г. Российско-ингушские (1770, 1810 гг.) и российско-чеченские соглашения (1771, 1807 гг.) подтвердили подданство вайнахов. Юридическое оформление вхождения Кавказа в состав России завершил Адрианопольский мир 1829 г.²⁵

В представлении Л.Г. Свечниковой, процесс интеграции горских обществ в состав империи не происходил гладко, но главной целью российской политики в регионе являлась не колонизация, а расширение экономических связей и предотвращение проникновения на Кавказ «агентуры» Турции, Ирана, Англии и Франции²⁶. Автор подчеркивает, что в результате присоединения к России местные народы сохранили свою культуру, «национальную идентичность» и смогли в дальнейшем создать «национальную государственность»²⁷.

В последние годы с целью консолидации северокавказских этнических групп с русским народом федеральный центр вновь обратился к традиции проведения торжественных мероприятий, приуроченных к юбилею включения какой-либо территории Северного Кавказа в состав России, унаследовав при этом советскую систему отсчета. Так, в начале XXI в. с размахом праздновались 230-летие²⁸ и 235-летие²⁹ присоединения Северной Осетии к России (2004, 2009), 450-летие добровольного вхождения Кабардино-Балкарии (2007)³⁰, 240-летие³¹ и даже 244-летие³² вхождения Ингушетии (2010, 2014) в состав Российского государства и др. В условиях политического плюрализма, такая практика неминуемо вызывает волну критики, как со стороны политических оппонентов местных властей, так и со стороны ряда региональных историков и некоторых исследователей центральных научных учреждений.

Известный российский историк, профессор МГИМО В.В. Дегоев в постсоветский период посвятил большое количество исследований³³ проблеме российско-кавказских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Кавказская война в интерпретации автора возникла как следствие физического соприкосновения разных культур, одна из которых (имперская) оказывала нарастающее и подчас чрезмерно агрессивное давление на другую (патриархально-родовую)³⁴.

«Этот беспокойный край» с XVI в. становится объектом геополитического соперничества России, Турции, Ирана и Крымского ханства. В соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. к Российской империи была присоединена Кабарда. Другие территории Северного Кавказа в договоре не указывались, но подразумевалось, что весь Центральный Кавказ, по мнению В.В. Дегоева, переходил под влияние России³⁵. В результате переговоров 1774 г. в Моздоке Осетия приняла российское подданство. Автор придает важное историческое значение данному соглашению, но рассматривает его как официальное подтверждение «верности» осетин российскому престолу, а не как акт о присоединении Осетии к России³⁶.

Известный российский исследователь, кавказовед, главный редактор журнала «Звезда» Я.А. Гордин проанализировал роль Северного Кавказа во внешней политике России. По его словам, со времен Петра I регион являлся плацдармом, с которого в любой момент мог быть нанесен удар во фланг или тыл русской армии – сражалась ли она с Турцией или Ираном. В XIX в. кавказская территория становится помехой для России в налаживании связей с присоединенной Грузией³⁷. Империи был необходим «союзный, лояльный, мирный Кавказ, не обязательно жестко включенный в имперскую структуру», но таковым, как полагает историк, он не мог быть «в силу психологической природы своего населения»³⁸. Таким образом, с точки зрения Я.А. Гордина, российско-горский конфликт носил цивилизационный характер.

Научный интерес представляют исследования В.В. Лапина³⁹, который обосновывает неправомерность ограничения Кавказской войны традиционными хронологическими рамками (1817–1864 гг.), поскольку в результате история Кабарды и Осетии отделяется от истории других районов Северного Кавказа⁴⁰. Он предлагает считать Персидский поход Петра Великого в 1722–1723 гг. началом завоевания Кавказа, а подавление восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году – его окончанием⁴¹. Подобное расширение временных рамок Кавказской войны позволяет, по убеждению автора, отказаться от малоперспективных попыток искать внутреннее единство в типологически разных исторических явлениях, выявить природу этого исторического феномена и дать ему некую «обобщающую» характеристику⁴².

Как и многие современные исследователи, В.В. Лапин определяет Кавказскую войну как цивилизационную, ставшую неизбежной в результате соприкосновения двух военных структур, имеющих различные знаковые системы: русская армия как европеизированная машина устрашения и разрушения и военная организация горцев, соответствующая эпохе военной демократии или становления феодализма⁴³. Но, несмотря на ожесточенный характер российско-горских боевых столкновений, вхождение Северного Кавказа в состав России, как отмечает автор, оказало большое влияние на экономическое и культурное развитие региона⁴⁴.

Историк Ю.Ю. Клычников полагает⁴⁵, что в XIX в. на Кавказе произошло столкновение двух противоположных сил: имперского центра, стремившегося «вроснуть» новую окраину в общегосударственный механизм, и экспансионизма ряда горских обществ, решавших свои внутренние проблемы, связанные с переходной экономикой и коренной ломкой организации общественной жизни.

Все это осложнялось вмешательством ряда иностранных государств, преследовавших на Кавказе свои геополитические интересы⁴⁶.

Кабарда, по словам автора, после ермоловского «замирения» 1825 г. оставалась спокойной. В начале 1827 г. российское подданство приняли ряд балкарских обществ⁴⁷. Юридическое вхождение Кавказа в состав Российского государства, по версии Ю.Ю. Клычникова, завершилось после подписания Адрианопольского мира с Турцией в 1829 г.⁴⁸

Цивилизационный подход к изучению российско-кавказского исторического взаимодействия реализуется в исследованиях А.Х. Борова⁴⁹. С точки зрения ученого, в середине XVI – начале XVIII в. связи России и народов Северного Кавказа носили характер военно-политического союзничества между «сложными социальными субъектами»⁵⁰. В XVIII в. накапливаются предпосылки военно-силового противостояния, поскольку углубляется стадийный разрыв уровней их социокультурного развития. Кавказская война, по определению А.Х. Борова, – это проблема диалога культур⁵¹, и различные научные подходы к её осмыслению не столько опровергают, сколько дополняют друг друга⁵². Международно-правовую фиксацию и решение «кабардинского вопроса» историк относит к XVIII в., к договорам 1772 и 1774 гг. с Крымским ханством и Турцией, подтвердившим принадлежность Кабарды России⁵³.

Л.С. Гатагова сравнивает модель «экспансии» России в южном направлении со структурой американского фронта. В её представлении, «граница между Российским государством и кавказскими раннеполитическими образованиями представляла собой не только линию вооруженного соприкосновения, но и своего рода контактно-цивилизационную зону, где развивались интенсивные хозяйственные, политические, личные связи»⁵⁴.

Теория контактных зон получила развитие в исследовании В. Гутакова⁵⁵. Кавказская война, в его версии, стала результатом столкновения двух суперэтносов: евразийского и кавказского, в ландшафтных системах Степи и Гор. Со второй половины XVIII в. российско-кавказская контактная зона превращается в зону постоянных конфликтов и боевых действий⁵⁶. Углублению конфликтной ситуации на всем Северном Кавказе способствовало создание в 1785 году Кавказского наместничества, строительство укреплений и пр. Вхождение Кабарды в состав России В. Гутаков связывает с российско-крымским договором 1772 г.⁵⁷

Вызывает интерес подход Б.В. Виноградова⁵⁸ к мотивам вступления Кабарды в российское подданство, которое кабардинские феодалы воспринимали «условно, без каких либо ограничений привычного

уклада жизни»⁵⁹. В интерпретации автора политическая ориентация кабардинских князей в XVIII в. носила двойственный характер: они не желали подчиняться ни Российской, ни Османской империи. Стратегический план кабардинской княжеской элиты, как полагает историк, состоял в том, чтобы, используя поддержку России, обороняться от Турецкой агрессии, и одновременно использовать турецкий фактор для отстаивания своей независимости от российских властей. Такой сценарий внешней политики мог позволить Кабарде сохранить собственное доминирование над народами Центрального Кавказа⁶⁰.

Таким образом, в современной российской историографии благодаря применению новых подходов, методологического инструментария исследований мирового уровня, в частности социокультурный (цивилизационный) анализ, теория границы (контактных зон, фронта), теория модернизации и др., достигнуты положительные результаты в изучении проблем российско-северокавказского исторического взаимодействия. Кавказская война рассматривается большинством ученых с позиций цивилизационного подхода, как неизбежный результат соприкосновения двух разных социокультурных систем: имперской и раннегосударственной. Исследователи в своих работах меньше акцентируют внимание на боевых действиях в регионе и стремятся найти обоснования мирного и позитивного характера взаимоотношений России и народов Северного Кавказа.

Примечания

1. Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50 гг. XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 50–64 // URL: http://nmk.sfedu.ru/page01/1999_2005.doc (дата обращения: 23.12.2014).

2. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Владикавказ, 2000. С. 10.

3. Боров А.Х. Проблема синтеза в историческом кавказоведении // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2008. Вып. VI. С. 4.

4. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д., 2005 // URL: <http://cheloveknauka.com/alternativnye-modeli-istoricheskogo-issledovaniya-kontseptualnaya-interpretatsiya> (дата обращения: 24.06.2015).

5. Лубский А.В. Постмодернизм и историческая наука // URL: http://teoretik.info/index.php?option=com_content&view=article&id=109:2012-03-10-17-55-14&catid=68:2012-03-10-13-48-38. (дата обращения: 01.07.2012).

6. Дзамихов К.Ф. «Свое» и «чужое» прошлое, или Актуальные вопросы историографии Кавказской войны // *Метаморфоз vs Трансформация. Мультидисциплинарный подход к изучению истории адыгов в XIX–XXI вв.: материалы Международной научной конференции 6 декабря 2013 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-н/Д., 2013. С. 29.*

7. Максимчик А.Н. Присоединение Северного Кавказа к России в историографии XIX – начала XXI в.: дис. ... канд. истор. наук. Минск, 2013. С. 91.

8. Там же.

9. История внешней политики России. Первая половина XIX в. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / Отв. ред. О.В. Орлик. М., 1999.

10. Там же. С. 216.

11. Там же. С. 23.

12. Там же.

13. Толмачев Е.П. Присоединение Кавказа к России (Некоторые итоги и значение) // *Сборник русского исторического общества. М., 2000. Т. 2. С. 215–217.*

14. Там же. С. 215.

15. Там же.

16. Там же. С. 216.

17. Гагазова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // *Дипломатический вестник. 1998. № 10* // URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/98a7!OpenDocument (дата обращения: 13.04.2015).

18. Там же.

19. Там же.

20. Там же.

21. Там же.

22. Нарочницкая Н.А. Кавказские войны – средство геополитики // URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/print5114.htm> (дата обращения: 12.04.2015).

23. Там же.

24. Там же.

25. Свечникова Л.Г. Правовые основы вхождения Кавказа в состав Российской империи // URL: <http://kborthodoxy.ru/news/780-2014-03-27g.html> (дата обращения: 12.04.2015).

26. Там же.

27. Там же.

28. Северная Осетия– 2004– 2, 3 июля.

29. Северная Осетия отмечает годовщину присоединения к России // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=321086> (дата обращения: 12.04.2015).

30. Указ Президента Российской Федерации от 8.09.2006 г. № 967 «О праздновании 450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства» // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102108741> (дата обращения: 11.05.2015).

31. *Сухов И.* Сплошной праздник // URL: <http://www.vremya.ru/print/249794.html> (дата обращения: 12.04.2015).

32. 17 марта 2014 г. Ингушетия отмечает 244-летие добровольного вхождения в состав России // URL: <http://www.magas.ru/content/17-marta-2014-goda-ingushetiya-otmechaet-244-letie-dobrovolnogo-vkhozhdeniya-sostav-rossii> (дата обращения: 12.04.2015).

33. *Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х гг. XIX в. Владикавказ, 1992; *Его же.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001; *Его же.* Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.) // Кавказский сборник. М., 2004. Т. 1. С. 28–47; *Его же.* Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. М., 2005. Т. 2. С. 90–108; *Его же.* Осетинский вопрос в политике Екатерины II. 60–70-е годы XVIII в. // Кавказский сборник. М., 2011. Т. 7. С. 75–117. и др.

34. *Дегоев В.В.* Кавказ и имперская идея // Звезда. 2004. № 6 // URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/6/deg7.html> (дата обращения: 12.06.2015).

35. *Дегоев В.В.* Кавказская война: предотвратимая неизбежность или неумолимость истории? // URL: <http://www.iarex.ru/articles/51065.html> (дата обращения: 12.06.2015).

36. *Дегоев В.В.* Осетинский вопрос... С. 110.

37. *Гордин Я.А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000. С. 43, 44.

38. Там же. С. 44.

39. *Лапин В.В.* История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003; *Его же.* Армия России на Кавказе: Приватизация войны // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/la12.html> (дата обращения: 15.04.2015); *Его же.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008 и др.

40. *Лапин В.В.* История Кавказской войны... С. 13.

41. Там же. С. 14.

42. Там же.

43. Там же. С. 39.

44. Там же. С. 77.

45. *Клычников Ю.Ю.* Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827): дис. ... канд. истор. наук. Армавир, 1998; *Его же.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002; *Его же.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.): дис. ... д-ра истор. наук. Пятигорск, 2004; *Его же.* Из истории формирования российского Северного Кавказа. Пятигорск, 2008; *Его же.* Российская государственность и северокавказская архаика: в поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.). Исторические очерки. М., 2015 и др.

46. *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 121.

47. Там же. С. 429.

48. Там же. С. 490.

49. *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза). Нальчик, 2007; *Боров А.Х., Кочесоков Р.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // URL: <http://intercircass.org/?p=794> (дата обращения: 16.04.2015); *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен. Нальчик, 2012 и др.
50. *Боров А.Х., Кочесоков Р.Х.* Указ. соч.
51. Там же.
52. Там же.
53. *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос»... С. 10.
54. *Гатагова Л.С.* Присоединение Кавказа // Российская Империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011 // URL: <http://statehistory.ru/books/kollektiv-Rossiyskaya-Imperiya-ot-istokov-do-nachala-XIX-veka---Ocherki-sotsialno-politicheskoy-i-ekonomicheskoy-istorii/11> (дата обращения: 12.04.2015).
55. *Гутаков В.* Русский путь к Югу (мифы и реальность) // Вестник Европы. 2007. № 21 // URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/gul8.html> (дата обращения: 16.04.2015).
56. Там же.
57. Там же.
58. *Виноградов Б.В.* Кавказ в политике Павла I: дис. ... канд. истор. наук. Армавир, 1997; *Его же.* Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг.: дис. ... д-ра истор. наук. Армавир, 2006; *Его же.* Особенности российско-кабардинских взаимоотношений во второй половине – конце XVIII в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19–22 мая 2004 г. Майкоп, 2006. С. 61–69; *Его же.* «Кавказская война»: терминологические и стадийные аспекты исследования // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. по матер. всерос. науч. конф. Краснодар, 2015. С. 35–45 и др.
59. *Виноградов Б.В.* Особенности российско-кабардинских взаимоотношений... С. 64.
60. Там же. С. 66.

ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF THE CAUCASIAN WAR IN THE CONTEXT OF NATIONWIDE HISTORICAL PROCESS IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article analyzes the work of contemporary Russian researchers who consider the Caucasus war as one of the stages of nationwide historical process. The author studied the different interpretations of Russian-Caucasian historical interaction that emerged resulting from the use of new methodological instrumentation, in particular, the use of civilized approach, the theory of contact zones, Frontier and others.

Keywords: *North Caucasus, Russia, historiography, the Caucasian war, the civilizational approach, the theory of contact zones, frontier.*

Zhurtova Anzhela Arikovna

Graduate student, assistant of the Department of General History Kabardino-Balkarian State University.

360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky St., 173.

Ph. +7-963-394-91-11

E-mail: anzhelka28@mail.ru

УДК – 930.8 (471.6)

А.С. Мирзоев

ИНСТИТУТ АБРЕЧЕСТВА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД С XVIII ПО 30-Е ГОДЫ XX В.

Абречество – характерное в прошлом для всех народов Кавказа социальное явление. Корни этого института берут начало в родовом обществе, а последние рецидивы имели место у черкесов в 30-х гг. XX в. В статье рассматриваются происхождение этого института, различные проявления этого феномена и его трансформация в ходе исторического развития адыгского общества.

Ключевые слова: абреки, абречество, изгои, неконформизм, социальный протест, патронаж.

Мирзоев Асланбек Султанович

К.и.н., с.н.с. сектора средневековой и новой истории ФГБУН «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. +7-967-421-95-25

E-mail: marzeibach@mail.ru

Абречество – своеобразное и многогранное явление, характерное для многих народов Кавказа в прошлом. Этот институт имеет очень древние корни, уходящие в эпоху родового строя.

С развитием общества он подвергался постоянной трансформации, особенно в период классового феодального общества. Следующий этап трансформации он претерпел во время Русско-Кавказской войны и борьбы черкесов за свою независимость. С окончанием войны и установлением колониальной юрисдикции абречество продолжало бытовать вплоть до Октябрьской революции. В Кабарде, а также у закубанских черкесов уже после революции, в первые годы Советской власти, во время коллективизации имели место отдельные рецидивы абречества.

Для объективного исследования данного института необходимо принять во внимание широкий хронологический отрезок времени его функционирования, а также учитывать конкретный исторический контекст бытования этого института и состояние общества в определенную историческую эпоху с учетом всех его трансформаций, имевших место в ходе исторического развития. Термин «абречество» в эпоху родоплеменного строя, период феодализма или же в XIX веке, во время Кавказской войны и в колониальный период, будет иметь не совсем идентичное содержание.

Подробное описание абречества в его традиционной форме составил Иоганн Бларамберг. Вот что он сообщает: «Много горцев – наиболее отчаянных... дают клятву на один-два года или несколько лет не участвовать ни в каких увеселительных играх и посвятить свою жизнь участию во всех набегах, никогда в бою не жалеть врага, никогда не прощать ни малейшей обиды ни другу, ни брату, не признавать никаких привязанностей, не бояться ни преследования, ни мести, одним словом, быть врагом каждого, кто не принадлежит к его семье, рисковать быть убитым первым встречным, если он сильнее. Те, кто дали такую клятву, называются абреками. В аулах они самые опасные соседи, с ними всегда надо быть настороже, «иметь руку на кинжале», т.е. быть готовым тут же отразить нападение. Зато успех в бою всегда зависит от них. Это настоящие «берсеркеры» древних норманнов, которые, будучи в ярости убивали своих товарищей. Подобные примеры безумного молодечества нередки среди горцев. Что же заставляет их приносить подобную клятву, какие жизненные обстоятельства? Одни это делают, чтобы выделиться, другие из-за бедности, третьи, вследствие какого-либо несчастья. Например, если у кого-либо погибла от оспы возлюбленная, он дает клятву абрека на пять лет, и, что самое невероятное, по прошествии срока клятвы, абрек становится тихим, как ягненок, возвращается к мирной жизни, и, кажется, даже не вспоминает о прежней жизни»¹. В данном описании И. Бларамберг проводит аналогию между кавказскими абреками и древнескандинавскими «берсеркерами» эпохи родоплеменного строя и «военной демократии». Несмотря на то, что кавказское абречество, в его традиционной форме, имеет столь позднее бытование (XIX век), его сравнение с аналогичными явлениями имеет под собой определенную почву, т.к. как архаические корни абречества, уходящие в доклассовое общество, явственно прослеживаются при подобных сравнениях. Так Тацит, описывая воинственные германские племена, выделял среди них отдельные группы воинов, ведущих особый, изолированный от своих соплеменников, образ жизни. Путём

различных инициаций мистического характера эти люди стремились приобрести неимоверную силу, становясь при этом неистовыми, агрессивными, теряя в некотором смысле свой человеческий облик. Речь шла о превращении (не буквальном, а скорее ритуальном, а также психологическом и поведенческом) воина в дикого зверя. При подобных инициациях человек-воин не только присваивал себе имя зверя, но и обретал в некотором смысле его качества. Поэтому выражения типа «сильный как бык», «храбрый, как лев» и т.п. не столь наивны, как может показаться. Одним из видов инициации была схватка со зверем, завершавшаяся поеданием его плоти и крови. Воин получал, таким образом, силу и другие качества убитого зверя. Победа человека над зверем означала не только обряд передачи мощи, но и трансформацию, в результате чего зверь как бы и не умирал, а воплощался в победившем человеке. При этом человек терял часть своих человеческих качеств, становился в некотором смысле зверем, присваивал его имя и даже принимал его облик, одеваясь в его шкуру, используя в качестве украшения его клыки (слово «берсеркер» на древнескандинавском языке означает «медвежья шкура»). Звериной сущности достигали путём магико-ритуальных процедур экстатического типа: пляска, употребление опьяняющих веществ, наркотиков; или же подражания его повадкам, одевания его шкуры. Эти воины, подобно зверям, вселяли в людей страх, терроризовали противника. Оказавшись в сражении, воины-звери претерпевали метаморфозу, становились неутомимыми и бесчувственными. Атаковали они с криками и воем, как дикари, подобные собаке и волку, повергая противника в оцепенение, наводя своим видом и одеждой ужас. Германский воин, рычащий как медведь, либо надевший на себя собачью голову, как бы на самом деле становился медведем, волком, бешеной собакой. Между ним и животным, с которым он себя отождествлял, устанавливалась симпатико-магическая связь². По описаниям Тацита, эти люди начинали все битвы, они всегда составляли передовой строй, вид их был поразителен и ужасающ. «Впрочем, – сообщает далее он, – и в мирное время они не стараются придать себе менее дикую внешность. У них нет поля, ни дома и ни о чем они не несут забот. К кому бы они не пришли, у того и кормятся, расточая чужое, не жалея своего, пока из-за немощной старости столь непреклонная доблесть не станет для них непосильной»³. Народ высоко ценил воинское искусство «берсеркеров», членам их сообществ было позволено во имя общего блага нарушать обычные социальные обязанности. Они не работали, не заботились о семье, соблюдали обет безбрачия. Община кормила их в обмен на выполнение ими воинского долга. То, что было постыдным для человека обычного, для них

становилось источником славы⁴. «Звериная суть» толкала этих людей на преступления, часто вызывавшие отвращение и раскаяние у них самих, но они как бы не принадлежали себе. Община отделяла их от себя, опасаясь их соседства. Они вели жизнь изгоев, но при военной угрозе, учитывая их высокие воинские качества, общество призывало их к защите своих соплеменников.

Таким образом, сообщества этих изгоев были источником общественной опасности, но иногда приносили общественную пользу. У лангобардов, например, существовали братства таких изгоев, которые именовались «стаями песьеголовых». Они отличались своим внешним видом, использовали специфическую эмблематику (собачьи шкуры и головы), имели особую манеру поведения. Их братства (стаи) находились на обочине гражданского общества, но общество пользовалось их услугами. Престиж «песьеголовых» среди лангобардов был достаточно высок. Это объяснялось, прежде всего, тем, что в трудную минуту они спешили на помощь своему народу.

Таким образом, как мы видим, между описанным явлением и традиционным кавказским абречеством прослеживаются определенные аналогии:

- эти люди – изгой, они находятся вне рамок общества. Ими порываются социальные, родственные, семейные связи с обществом, они не признают никаких привязанностей.

- подобное состояние или статус приобретается добровольно. Часто такой переход сопровождается клятвой или обетом. Но бывает, что изгоями становятся не по своей воле, а вынужденно.

- их отличает чрезвычайная воинственность, агрессивность и поскольку она не сдерживается принятыми в обществе нормами поведения, то эти люди опасны для общества.

- в связи с их асоциальным статусом в юридическом смысле они беззащитны. Любой человек может убить их, не опасаясь кровной мести или каких-либо иных последствий со стороны членов их рода. Права и обязанности, связывающие их со своим родом, прерваны.

- они не ценят ни свою, ни чужую жизнь, готовы всегда применить оружие.

- несмотря на свою асоциальную суть и опасность для окружающих, общество мирится с их существованием, люди не отказывают им в помощи: еде и временном ночлеге. В случае же крайней необходимости, особенно во время войны, их охотно привлекают для помощи.

- эти люди не имеют никакой собственности, земли, постоянного места жительства, работы, главным, основным источником их существования является война и связанные с ней добыча и трофеи.

– они ведут аскетический суровый образ жизни, избегают увеселений, не имеют семьи и часто запрещают себе любые, даже внебрачные связи⁵.

Бытование абречества в адыгском феодальном обществе имело свои особенности в зависимости от разных факторов и условий: мотивов абречества, социального происхождения абреков и некоторых других. Например, в Кабарде в период феодальных междоусобий часто абреками становились представители княжеского сословия. Сравнение рудиментов традиционного абречества и его новой разновидности – князей-абреков, появившихся в связи с острой внутривосполитической борьбой в феодальной Кабарде, справедливо замечает В.Х. Кажаров, выявляет много различий. «Изгнание князя, – пишет он, – представляло собой политическую акцию со стороны победившей коалиции князей. Но положение князя – «абрега» мало чем напоминало положение бездомного бродяги: он находил убежище у знатных дворян, устанавливал дипломатические отношения с Россией или Крымом, заключал союз с владельцами разных областей, вел сложную политическую игру, пока не добивался возвращения в Кабарду и восстановления нарушенного здесь баланса сил. Хотя положение изгнанного князя характеризовалось традиционным понятием «абрек», вряд ли сам факт изгнания и породившие его причины можно относить к явлениям родового порядка»⁶.

В западных «демократических» обществах шапсугов, нутхайцев и абадзехов, разделенных на «соприсяжные» братства, изгоями-абреками становились люди, изгнанные из клана за совершение тяжких преступлений, особенно убийств. Так как братства были ответственны за своих членов, они должны были выплачивать штрафы – «цену крови». Эти штрафы достигали значительных размеров и были обременительны для братств. Если человек часто ввергал своё братство в такие траты и признавался неисправимым, то он лишался протекции своего клана. Таких людей приговаривали к смертной казни или же изгоняли из общества. Исследователи обычного права черкесов Ф.И. Леонтович⁷, Н.И. Карлгоф⁸ отмечали, что исключение из фамилии (рода) имеет у черкесов одинаковое значение с объявлением в Европе преступников вне покровительства законов: «Человека, исключенного из фамилии, всякий может оскорбить, ограбить, убить или взять в рабство, не навлекая на себя ничьей мести, если виновный не найдет покровительства в какой-либо другой фамилии». Часто человек, совершивший убийство, добровольно покидал свой род, чтобы не подвергать его разорению, в случае если он принадлежал к немногочисленной, слабой фамилии. Этот обычай в Кабарде назывался «матэ пылъэ» (матэ – корзина, пылъэн – вешать). Беженец

подвешивал на крыльце своего дома пустую корзину, что означало, что он добровольно порывает связи со своим родом и род с этого момента не несет за него никакой ответственности.

Таким образом, как отмечает В.В. Лапин: «...сочетание института кровной мести и сильных родовых связей породило такое явление, как абречество: выделение из горского социума индивидов, которые по разным причинам оказывались вне традиционной системы общепринятых отношений. В большинстве своём, это были изгнанники или нонконформисты, не способные ужиться в традиционном обществе с его довольно жестким социальным контролем. Этих людей не сдерживали в их действиях интересы общин, старавшиеся без крайней нужды не обострять отношения с соседями. Единственным гарантом безопасности для абрека становилось поведение под лозунгом: «Лучшая защита – нападение»⁹. Полное пренебрежение своей и чужой жизнью и постоянная готовность применить, не задумываясь, оружие, делало их опасными соседями. Неуживчивость, конфликтность и не признание законов общества отторгало их на периферию социальной жизни, в пограничную зону»¹⁰.

Труднодоступные горы и леса, удобные как для обороны, так и для нападения – традиционные места проживания абреков или их сообществ. Такие сообщества могли носить временный или постоянный характер и находились на географической периферии обществ.

Так в источниках упоминаются о существовании в первой половине XIX в. на Северо-Западном Кавказе двух таких сообществ – тагапса и хакучи. Среди шапсугов особой известностью пользовались тагапса. Ф.Ф. Торнау о нем сообщает: «Общество это, состоявшее не более как из 100 или 120 семейств ... поселилось в неприступных скалах, враждая со всеми горскими племенами за исключением сапсугов. Тагапсы занимают дороги, ведущие близ поселения их к берегу моря, и без пощады убивают и грабят каждого встречного»¹¹.

В вершинах Аше и Псезуапе, по сведениям М.Я. Ольшевского, жили хакучи «... не составляющие особого племени, а образовавшихся из абреков, то есть воров, разбойников и таких бездомных людей, которые всегда жили грабежом и воровством. Тут были абадзехи, шапсуги, убыхи и других обществ горцы. Между хакучами даже находились наши беглые казаки и солдаты. Хакучи не щадили никого, даже своих соплеменников. Их боялись и ненавидели как страшных воров все соседние им горцы»¹².

В кабардинской ландкарте, составленной в 1744 году, на окраине владений князей Малой Кабарды, указана «... деревня в Татартупском ущелье [где] живут татартупские обреки, то есть из кабардинского

народа беглые, по притчинам, которых кабардинцы, почитая ту гору за святую, ничем не беспокоивают ...»¹³.

Исключительная агрессивность этих изгнанников, помноженная на изощренные боевые навыки, делали их самыми опасными противниками. Одной из причин долгого сопротивления Западного Кавказа, по мнению В.В. Лапина было то, что здесь собралась масса абреков со всего Кавказа¹⁴. Несмотря на выселение подавляющего большинства черкесов Западного Кавказа в Османскую империю и официальное окончание Кавказской войны (21 мая 1864 г.) ещё почти год (с лета 1864 по ноябрь 1865 г.) продолжались широкомасштабные военные действия с привлечением крупных армейских соединений по вытеснению из гор нескольких тысяч хакучей и нашедших у них приют абреков со всего Кавказа.

По свидетельству Е. Васильева эта операция относилась «...к числу труднейших экспедиций, которые были предпринимаемы храбрыми войсками Кавказской армии в продолжении долголетней Кавказской войны ...»¹⁵.

В XIX веке слово «абрек» становится синонимом всякого «немирного горца», то есть людей, выступавших против колониальной политики царизма, ведущих партизанскую вооруженную борьбу. В результате Кавказской войны институт абречества приобретает новое содержание. В ходе завоевания Кабарды не только отдельные лица уходили в горы и становились абреками, но и целые фамилии, особенно княжеские и дворянские, со своими подвластными крестьянами уходили за Кубань и становились абреками. В русской исторической литературе они получили название беглых кабардинцев, сами же адыги называли их «хъэжрэт» от арабского слова «хиджра», означающего бегство, переселение. Массовый характер этот процесс имел в 1820–1825 гг. Обескровленные в результате эпидемии чумы и многочисленных карательных экспедиций, кабардинцы уже не могли оказывать открытое организованное сопротивление царским войскам на своей территории, и потому бежали в еще не завоеванное Закубанье на земли подвластных кабардинцам абазин и союзных бесленеевцев. После того как и эти территории были захвачены, часть кабардинцев переселилась дальше на земли абадзехов. Вторая крупная волна выселения кабардинцев прошла в 1840-е гг., когда многие из них бежали в Чечню. Именно на 40-е гг. XIX в. приходится пик абреческого движения в Кабарде. Беглые кабардинские князья и дворяне, будучи нетерпимыми врагами русской власти, являлись организаторами и вдохновителями многочисленных набегов на кавказскую кордонную линию, на казачьи станицы и русские села. Бежавших за Терек в Чечню кабардинцев русские

называли абреками, тех, кто ушел за Кубань – «хеджретами». Таким образом, это явление стало одной из разновидностей абречества, которое существенно отличалось от традиционного института. Как отмечает В.Х. Кажаров, закубанские кабардинцы становились «абреками» прежде всего по отношению к России, к ее правительству, которое поставило этих «беженцев» вне российского закона, который утверждался здесь в результате покорения Кабарды. Другими словами, они становились абреками не в понимании обычного права адыгов, а по законам Российской империи, которая выдавала свою захватническую политику на Кавказе вообще и в Кабарде, в частности, как борьбу с «разбойниками». Само же кабардинское общество не изгоняло их, не ставило вне закона, а поэтому на первых порах не могло относиться к ним как к преступникам, лишенным всех прав. Поэтому по отношению к ним продолжали соблюдаться нормы адыге хабзэ и им не отказывали в гостеприимстве. «Мирные» же кабардинцы, ставшие таковыми вынужденно, симпатизировали своим соплеменникам, тайно оказывали им поддержку, хотя это грозило им суровым наказанием со стороны русских военных властей»¹⁶.

Абречество в этот период можно рассматривать как одну из форм национально-освободительной борьбы, методом выражения политического протеста против колониальной политики со стороны части кабардинского общества (в основном князей и дворян).

В отличие от хаджретов за Кубанью была и другая категория людей, которая вела активную партизанскую войну, но при этом действительно являлась абреками в традиционном смысле этого слова. Это так называемые «псыхадза». У беглых кабардинцев, несмотря на переселение, сохранилось традиционное политическое и социальное устройство, связанные с этим социальные связи (между князьями и дворянами, владельцами и зависимыми крестьянами). Как и в Кабарде, они жили семьями, сохранили политическое устройство, суд и общественные институты. Закубанские псыхадзэ были абреками в полном смысле этого слова. Дореволюционный историк И.Д. Попко, рассматривая особенности кордонной службы кубанских казаков, писал: «В последнем низовом участке необозримые плавни широко раздвигают звенья кордонной цепи и пролегают мертвым между ними пространством. Прямые сообщения между пикетами, батареями и постами загромождены бесчисленными препятствиями и возможны иногда на одних только легких долбленных челнах, «каюках», перетаскиваемых на руках от одного озера к другому. Подобная местность немного представляет неприятелю удобств для открытых наездов. Зато покровительствует она прорывам мелких хищнических

шаек «психадзе», которые не без основания слыvät у казаков более опасными, чем сильные полчища «хеджретов». Психадзе тихо просачиваются сквозь кордонную плотину в незаметные скважины, которые, при всем старании, при всех хлопотах, не могут быть прочно забиты; а хеджреты переливаются через верх волнами внезапных и шумных приливов, для отвращения которых недостаточно одного возвышения или упрочения плотины. Психадзе, – по-русски «стая водяных псов» – так называются у самих горцев пешие, неотвязные и надоедливые хищники, достигающие добычи украдкой, ползком, рядом мученических засад, – больше шакалы, чем львы набегов. Хеджрет – это открытый, доброконный, иногда закованный в кольчугу наездник, – это лев набега.

Первый образ хищничества свойственен простым по происхождению и бедным по состоянию людям; а последний – дворянам и людям достаточным. Преимущественно и существенно принадлежит это название буйным бездомникам, которые выросли в круглом сиротстве и неимуществе – или которые, накликав на себя гонение в своих обществах, бежали по неимению недвижимой собственности и собственного тягла, промышляют себе хлеб насущный кинжалом и винтовкою»¹⁷.

Термин «психадзе», используемый в данном случае И.Д. Попко для обозначения абреков западно-черкесских субэтносов и переводимый им на русский язык как «стая водяных псов» (псы – вода, хъэ – собака, дзэ – войско) может иметь и другую интерпретацию. Так, известно, что люди лишенные покровительства адыгских «соприсяжных братств» за какие-либо преступления, назывались псыхадза, по виду смертной казни, к которой их приговаривали. По адыгски «псыхэдзэ» – «брошенный в воду». Таких людей топили со связанными руками, бросив в море или бурные горные реки. Даже если преступника не казнили, а просто изгоняли из общества, то и в этом случае он считался псыхадза. Люди-изгои, лишенные покровительства своих кланов, вели жизнь бездомных бродяг, абреков.

Абреками становились по разным мотивам. Традиционное абречество связанное с институтом кровной мести основная, но не единственная разновидность абречества. «В рамках института кровной мести горца могли назвать абреком в случае, если он вынужденно оставлял общину. Например, когда община отказывалась от патронажа к одному из своих членов... Ответственность за пролитие крови, со всеми вытекающими отсюда последствиями возлагалась на убийцу и на ближайший круг его родственников...», – отмечает в своей работе один из исследователей феномена кавказского абречества Ю.М. Ботяков¹⁸.

Исследователь обычного права народов Кавказа Ф.И. Леонтович писал: «У черкесов, согласно адатам, плата за кровь была столь значительной, что никто не был в состоянии заплатить ее самостоятельно. Иногда случается, что род, которому принадлежит убийца, отказывается от платежа за кровь, предоставляя обиженным самим отомстить убийце. Тогда убийце остается только бежать из общины в абреки и скитаться бездомным, пока он не будет убит мстителями или не найдет средств помириться и заплатить за кровь»¹⁹.

Кроме вышерассмотренной категории лиц, для которой уход в абреки (бегство или изгнание) являлся безальтернативным условием спасения жизни, была и другая категория лиц, для которой решение оставить общину было следствием полученной тяжелой нравственной травмы (например, полученное оскорбление). «В отличие от первого варианта, когда уход в абреки практически не зависел от самостоятельной позиции человека, а был связан с проявлением коллективной воли общества, – отмечает Ю.М. Ботяков, – во втором случае личность в значительной степени была самостоятельна в принятии такого решения»²⁰.

Не только убийство, но в не меньшей мере нанесенное оскорбление, требовало по представлениям горцев отмщения. Нанесенное оскорбление требовало немедленной реакции, что при всеобщем вооружении народа часто приводило к кровопролитию. Человек, подвергшийся оскорблению и равнодушно перенесший обиду, подвергался общественному ostracismu.

Перед тем, как стать абреками, такие люди предварительно освобождают себя от всех связей с обществом – социальных, семейных, имущественных. Это делалось с тем, чтобы с одной стороны не быть ничем связанными и полностью посвятить себя исполнению мести, а с другой не подвергать свою семью и род ответным репрессиям со стороны фамилии обидчика.

Таким образом, формирование социальной категории абреков проходило как за счет тех, кто спасался от мести, так и за счет тех, кто ради нее оставлял общину.

Абречество нередко порождалось межсословными противоречиями в адыгском обществе. В кабардинском фольклоре сохранились предания о таких абреках из зависимых сословий, которые вели войну с представителями высших сословий. Так в одном из преданий сообщается, что группа крестьян во главе с Машуко скрылась в горах, не желая выплачивать дань крымскому хану. Дело закончилось тем, что по совету князей и дворян хан взял в плен сестру Машуко. Сподвижники Машуко примирились с хозяевами и только Машуко «не согласился на то, остался в горах абреком. Знал он, что сестру его отдали крымскому

хану, и не хотел он забыть, простить это. По ночам он делал набеги на владения пши-уорков, сжигал их дома, забирал пищу, одежду. Большой напастью был он для пши-уорков»²¹. Князя, в конечном счете, узнали место, где скрывается Машуко и дорогу по которой он ездил. «Пши ... посадили своих людей у этой тропинки, устроили засаду и был убит там абрек Машуко. С той поры и доныне гора, на которой скрывался Машуко, зовется его именем, а тропинка по которой он всегда ездил, называется «Тропою абрека»²².

В кабардинском фольклоре сохранилось имя и другого абрека из числа зависимых крестьян – Гулея, о котором сообщается, что он «не желал быть пшитлем и убил своего пши. Затем он сел на коня убитого пши, снял с пши оружие и стал абреком. Как и в случае с Машуко, имя Гулея сохранилось в местной топонимике. Рощу, в которой он скрывался, стали называть Гулеевой. Она находилась между Гумом (Георгиевск) и Псыхуаба (Пятигорск). Донекей – известный разбойник, живший в первой четверти XIX в., был по происхождению простой тфокотль из горного шапсугского клана Дзжи»²³.

Причинами ухода в абреки часто были факторы психологического плана. «В числе изгнанников могли оказаться и лица просто отличавшиеся крайне неустойчивой психикой, специфические особенности характера которых ставили их в положение маргиналов», – отмечает Ю.М. Ботяков²⁴.

Одной из причин конфликта между семьей, обществом и личностью, были особенности традиционной культуры. Традиционная черкесская культура, будучи культурой воинской, имеет сходство с культурой востока, для которой характерен приоритет интересов коллектива над интересами отдельной личности. Но традиционная культура адыгов может трактоваться и как культура индивидуалистическая – в смысле значимости ценности индивидуальной свободы и прав человека. Адыгское общество было опутано многочисленными условностями этикетного и нравственного характера.

Обычаи, с одной стороны, были направлены на сохранение чести и достоинства каждого человека независимо от его социального статуса, а с другой, индивидуум находился здесь под негласным жестким общественным контролем и несоблюдение этикетных норм приводило к моральному осуждению, а в особых случаях к остракизму и изгнанию из общества.

Люди не желающие признавать над собой ничьей власти, отрицавшие семейную и социальную иерархию, ставившие свою свободу и волю выше всего, часто сами покидали общество.

Краеугольным камнем этического кодекса народов Кавказа является представление о намыс (адыгский эквивалент – напэ) – нравственном ядре каждой личности. От поступков человека зависело поддержание или утрата этого качества. В последнем случае личность лишалась возможности полноценного существования среди себе подобных. Страх лишиться нравственного капитала объясняет повышенное щепетильное отношение к вопросам чести. Поэтому общество культивировало в молодых людях стремление к обретению волевых качеств характера, способность отстаивать себя как личность.

Умение подчиняться старшему, строго придерживаться этикетных норм, само по себе, предполагало наличие сильного волевого начала, умения контролировать эмоции. Тем не менее, наличие сильного волевого начала таило в себе значительный взрывной потенциал, способный вызвать сотрясение семейных устоев²⁵. В реальной жизни безукоризненно следовать нравственным установкам, завышенным, в силу их дидактической функции, как отмечает Ю.М. Ботяков, мог далеко не каждый. При этом зона компромисса в отношениях между старшим и младшим была весьма ограничена. А возникающий в традиционной семье конфликт между отцом и сыном не мог быть предметом рассмотрения третейского суда. Поэтому предпочтительным его разрешением был полный разрыв отношений. Таким образом, одна из причин выхода некоторой части «буйной» молодежи из общины – в неприятии диктата отцовского права, а с другой – поощрении обществом волевых качеств их характера²⁶.

Конфликты в семейно-родственной группе, приводившие к уходу в абреки, могли возникать на почве семейно-брачных отношений. Конфликт в княжеской семье Хамурзиных, проживавших в числе прочих беглых кабардинцев на реке Урупе, возник из-за того, что Адыль-Гирей Хамурзин похитил невесту своего двоюродного брата Аслан-Гирея – бесленеевскую княжну Гуашахуж Конокову и бежал с ней за Терек. По свидетельству Ф.Ф. Торнау «озлобленный бегством Адель-Гирея в Чечню, Аслан-Гирей убил его отца, своего родного дядю, и, опасаясь взыскания за этот проступок со стороны русского начальства, бежал со своими приверженцами к абадзехам. Остальные кабардинские поселенцы, выжидавшие только удобного случая освободиться от русского надзора, последовали его примеру и разбежались во все стороны. Благодаря Гуаша-Фудже Уруп опустел, и за Кубанью появилось несколько тысяч самых неугомонных абреков»²⁷.

Ф.Ф. Торнау так описывает свою первую встречу с Аслан-Гиреем Хамурзиным: «Переправляясь однажды через Лабу, мы встретили

человек пятьдесят черкесов, следовавших за молодым человеком на белой лошади лучшей кавказской породы. Это был один из самых злых бичей Кавказской линии, повсюду известный абрек, кабардинский князь Аслан-Гирей»²⁸.

Вышеперечисленные случаи далеко не исчерпывают все мотивы, по которым люди становились абреками.

Абречество, по своим внешним проявлениям имело сходство с наездничеством, а на более поздних этапах своего бытования, во время Кавказской войны и после установления российской администрации на Кавказе, они часто отождествлялись. Но изначально это разные общественные явления, со своей природой и происхождением, хотя внешне имеющие некоторые сходства. Определенная, причем односторонняя связь между абречеством и наездничеством совершенно очевидно существовала. Как правило, все абреки занимались наездничеством, но не все наездники были абреками. Для абрека, исключенного из общественной жизни, занятие наездническим промыслом было основным источником существования. Охота и гостеприимство, дававшие время от времени пищу и кров, не были постоянными факторами стабильного жизнеобеспечения. Кроме того, наездничество для абреков было не только способом добывания средств существования, но и способом поддержания своего особого, если и не самого высокого в социальной иерархии, то требующего уважения статуса. В милитаризованном адыгском обществе, наездничество было высоко престижным занятием. Для поддержания этого статуса абреки должны были соблюдать определенный кодекс поведения и правила, регулирующие институт наездничества. В противном случае, они лишались народного уважения и опускались на уровень обыкновенных грабителей, убийц и разбойников, людей, не отягощенных никакими моральными ограничениями.

Несмотря на особое состояние абрека, характеризующееся его особой подчеркнутой отстраненностью от общины и в ряде случаев игнорированием общепринятых норм поведения, связи абрека с обществом, как правило, не были полностью прерваны. Зачастую у абреков были друзья-кунаки не только среди своей среды, из числа абреков, но и из числа простых людей в своем и соседних народах, у которых они находили временный приют и гостеприимство.

Часто, абреки представляли угрозу для общества и оказывали на него давление в целях мести и удовлетворения своих попраных прав, но те же люди могли выполнять по отношению к общине патронажную функцию, играя роль защитников бедных и обездоленных, наиболее незащищенных в социальном плане членов общества.

Ф.Ф. Торнау, в частности, сообщает о подобных отношениях сложившихся между известными ногайскими абреками – братьями Карамурзинными и жителями небольшого абазинского общества Шегирей, располагавшегося на берегах Малой Лабы. «Каменистые шегиреевские поля давали самую бедную жатву; скотом шегиреевцы не могли обзавестись, потому что на плоскости его отбивали русские или захватывали в счет подати бесленеевские князья Шолох, а в горах угоняли убыхи и медовеевцы. Жизнь в Шегирее была самая жалкая, пока не поселились там Карамурзины и не взяли аула под свое покровительство»²⁹.

Полевой материал, собранный Ю.М. Ботяковым в хаджретских аулах Адыгеи (Ходз, Уляп, Блечепсин, Кошехабль), также говорит о покровительстве со стороны абреков по отношению к своей общине. «Адыг Махмуд Хатит, прославившийся, с точки зрения ... информаторов кабардинцев, в начале XX в. на Северном Кавказе не меньше, чем знаменитый чеченец Зелимхан из Харачоя, свою деятельность как абрек начал с того, что ограбил своего богатого одноаульца, везшего деньги в банк Екатеринодара, и раздал их бедным вдовам. При этом свое благодеяние он осуществил тайно. Совершив самое крупное до революции ограбление (было похищено 200 тысяч рублей золотом), он, тем не менее, лично себе не присвоил ничего»³⁰.

Как отмечает, Ю.М. Ботяков, в среде кавказских горцев, особенно в колониальный период, сложился устойчивый образ абреков, как народных заступников. Они не грабят и не отбирают у мирных людей, простых крестьян, вдов, сирот. Они отбирают имущество у богатых и раздают бедным. Если они убивают представителей администрации, чиновников, полицейских, казаков – то, они это делают из идейных соображений – считая их притеснителями простого народа. Такими в народной памяти остались абреки Джанхот Ирюгов, Мурат Озов из Кабарды, Махмуд Кушхов из аула Блечепсин (Республика Адыгея) и многие другие³¹.

Абреки делились добычей с беднотой и получали за это от них поддержку и приют, особенно необходимый им зимой. Несмотря на свой асоциальный статус, абреки пользовались авторитетом, могли посещать общественные места, появляясь, например, неожиданно на свадьбах, где им оказывали почет и уважение. По сведениям информантов из аула Кошехабль нахождение абрека на свадьбе было нормой. Более того его роли на свадьбе отводилось важное значение. «Он входил на свадьбу, в свой или чужой аул, свободно. Все друг другу шепчут: «Хаджрет пришел». Виду, однако, никто не показывал.

Никаких попыток задержать, выдать властям. Хаджирет пришел на свадьбу – это было почетно, статус свадьбы поднимался»³².

Людей, становившихся на путь абречества, как правило, отличала сильная воля, которую они ставили выше любых привязанностей, социальных установок и норм. За убитых абреков никто, даже родственники не обязаны были мстить. За убитых абреков мстили их друзья-абреки, между которыми действовала солидарность в среде существовавших своеобразных абреческих братств.

На Кавказе абреческие братства носили интернациональный характер, абреки независимо от национальности поддерживали друг друга, их статус ставился ими выше, чем национальная, общинная или сословная принадлежность.

В среде абреков действовал свой особый кодекс, отличавшийся от того же наезднического этикета. Например, «абреческая традиция не знает оплакивания погибших. Погибших абреки могут оставить врагу»³³. Наезднический этикет, например, требует обязательного выноса тела из боя и передачу его родственникам. В противном случае наездники могли приобрести не только осуждение, но и вражду со стороны родственников убитого. Во время дальних походов, если не было возможности привезти домой тело убитого, разрешалось его товарищу отрубить голову и «принести семейству убитого; в противном случае он обязан во всю жизнь на свой счет содержать вдову и детей своего убитого товарища»³⁴.

Абреки не прощали никому ни малейшей обиды, даже родственники должны были опасаться их. Обязательному мщению подлежало предательство своих – абреков. Оно могло заключаться в выдаче месторасположения абреков или какой-либо другой информации властям или кровникам абреков. Зачастую это делалось в обмен на амнистию со стороны колониальных властей или общины, для получения легального статуса и возможности вернуться к мирной жизни. Так, в рапорте командующего Сунженской линией генерал-майора Горихвостова от 14 января 1834 г., сообщается: «Мало-кабардинский абрек Умар Ибрагимов просит прощения и позволить водвориться на жительство в Малой Кабарде и в знак раскаяния и того, что никогда побега уже в Чечню не учинит выкрал убитого разбойника Беслана Хамурзина сына Джанбулата и доставил ко мне ...»³⁵. Абреки представляли большую опасность и доставляли много хлопот целым обществам. Чтобы избавиться от вреда, наносимого ими, общества старались или уничтожить их или же дать им возможность легализоваться в общине. В царской России нередко имела место практика полной амнистии

абреков взамен на их выход из гор и переход к мирной жизни. Армии и полиции было легче уничтожить крупные отряды, чем гоняться за такими бандитами-одиночками. Вред, наносимый ими, был не настолько велик, чтобы представлять угрозу стабильности государства, в отличие от массовых народных выступлений, тем не менее само их существование било по авторитету и престижу государства. На нейтрализацию отдельных абреков уходило непропорционально много времени и сил, поэтому иногда представители власти считали более рациональным простить им все бывшие преступления и вернуть их в общество. В колониальный период условием амнистии со стороны властей и гарантией такой сделки часто выступало предательство своих бывших друзей по абреческой жизни. Администрация шла на это, зная хорошо психологию и принципы абреков – после этого они становились заклятыми врагами своих бывших соратников, и это гарантировало их невозврат к прошлой жизни.

Знаменитый кабардинский абрек Озов Мурат для того, чтобы найти и наказать предателя, добрался до Турции, куда последний бежал, опасаясь мести. Только вмешательство и посредничество живших там кабардинцев-стариков, как сообщают информаторы, спасло предателя от мести³⁶.

В этом отношении неписанный кодекс, действовавший как в среде наездников, так и абреков, полностью совпадал. Попавшийся с поличным на воровстве ни при каких обстоятельствах не мог выдать сообщников. Убийство нарушителей традиционных этических норм находило полное одобрение окружающих.

Донощики, как и предатели, могли подвергнуться мести: их могли и убить, а могли просто наказать угоном у них скота и отнятием другого имущества. В качестве примера можно привести историю о двух братьях-абреках, проживавших в начале XIX в. в Шовгеновском ауле в Адыгее, записанную Ю.М. Ботяковым.

«Однажды братья пригнали стадо волов. Их сосед, человек, испытывавший острую нужду, решил донести на них и получить причитающиеся за это от властей вознаграждение. Аульный старшина, которому донощик сообщил о краже, дал знать братьям о том, что он как официальное лицо вскоре придет к ним с обыском. Благодаря старшине братья избежали опасности. Узнав, кто их выдал, они ночью у этого человека украли его единственную хромую лошадь.

Прошел месяц, в течение которого бедняк испытывал постоянные трудности. Наконец как-то ночью его разбудил стук в окно. Братья, которых он выдал, приглашали его выйти из дома. С самыми тяжелыми мыслями бедняк вышел во двор. Абреки обратились к

нему со следующими словами. «Что тебе на свете не хватает? Была у тебя одна лошадь, из-за своего языка ты ее лишился. Будет у нас к тебе одна просьба: не в свои дела не лезь и не обижай людей. Вот тебе лошадь, корова и два десятка овец. Пусть твоя нищета не заставляет тебя больше болтать – это не достойно мужчины». Братья оставили ему скот, и ушли»³⁷.

Надо заметить, что в дореволюционный период абречество получило довольно широкое распространение по всему Кавказу и государство в борьбе с этим явлением использовало довольно широкий арсенал средств не только репрессивного характера. Упомянутая ранее практика применения амнистий, часто была более эффективной, чем полицейские карательные меры. В этом отношении представляют большой интерес архивные документы и в частности личное ходатайство наместника Кавказского Великого князя Михаила к царю с просьбой о помиловании 16 абреков из числа хакучей. «Я прошу Ваше Высочайшее превосходительство, – пишет наместник Кавказа на имя военного министра Милютин, – повергнуть на милосердие Его Императорского Величества с всеподданнейшим ходатайством моём о даровании им внимания к обнаруженному ими раскаянии и оказанном ими при выселении хакучей выслугам и важным заслугам, полного прощения. Прошу Вас также при представлении сего вышеизложенного на Высочайшее воззрение и просить соизволение Его императорского Величества на утверждение сделанного мною распоряжения о прощении 16 упомянутых абреков»³⁸.

К концу 1860-х гг. в труднодоступных ущельях Западного Кавказа оставалось около 200–300 абреков из числа хакучей, которые серьезно беспокоили своими набегами русских колонистов. В частности об этом сообщает И. Орехов в описании своего путешествия по Западному Кавказу: «Несмотря на двух кратный поход против них в 1865 году (весной и осенью) и на выселение, в том же и следующем году, нескольких тысяч хакучей в Турцию, сотни две-три этих разбойников ещё держались в горах, в чрезвычайно дикой местности ...»³⁹.

Когда стало ясно, что несколько сот хакучей не могут представлять реальной угрозы безопасности черноморского побережья, начальство инициировало переговоры с наиболее известными абреками и при их посредничестве вывело хакучей из гор и поселило на побережье под контролем местной администрации. Осуществление этого мероприятия должно было быть предварено массовой амнистией абреков, с чем и было связано вышеупомянутое ходатайство наместника Кавказа к царю. Как свидетельствуют документы, в скором времени оно было удовлетворено. В ответном письме военного

министра Милютина Великому князю Михаилу Николаевичу от 3 декабря 1869 г. за № 413 сообщается: «Государь Император утвердив, сделанное Вашим Императорским Высочеством распоряжение о прощении 16 абреков, вышедших из горных местностей Кавказского хребта... Всемиловитвейше соизволил согласно ходатайства Вашего на прощение абреков ...»⁴⁰.

По черкесским адатам женщина не могла быть ни объектом, ни исполнителем кровной мести. Соответственно абречество было чисто мужским делом – тяжким испытанием, бывшим под силу не каждому мужчине. Тем не менее, в истории Кабарды известен редкий случай, когда женщина стала абреком. Об этой женщине мы слышали от старейшего музейного работника-краеведа Х.Х. Яхтанигова⁴¹, а он, в свою очередь, от известного фольклориста и ученого З.М. Налоева. По их сведениям ее звали Зурумхан Шогенова и ее деятельность относиться к концу XIX – началу XX в. Зурумхан родилась в мало-кабардинском селении Къаншуей (ныне Нижний Курп) в семье простого крестьянина Хажали Шогенова. Когда Хажали умер, её мать Гуашагафа с четырьмя детьми переехала к своему брату Батырбеку Налоеву в селение Хатуей. С юных лет Зурумхан одевалась как мужчина, носила оружие, ездила верхом, а потом стала сообщницей абреков, вместе с которыми вела разбойничью жизнь. К началу гражданской войны ей было около 40 лет. Разбой ей начал приедаться, она стала подумывать о семейной жизни. Вскоре вышла замуж за чеченца, а в 1944 г., когда депортировали чеченцев, она не бросила мужа и уехала со всеми в Среднюю Азию. После смерти супруга вернулась в Кабардино-Балкарию и служила ночным сторожем на Аргуданской МТС.

Последние массовые рецидивы абречества, позволяющие говорить о нём как об общественном явлении, имели место в 30-е гг. XX столетия. Это было отчасти связано с установлением в стране Советской власти, коллективизацией и массовыми репрессиями. В этот период абреками становились не только представители дворянского сословия, приговоренные Советской властью к уничтожению, но и многие крестьяне, подвергшиеся раскулачиванию. Абречество в этот период приобрело характер социального протеста против новых порядков и носило, в некоторой степени, политическую окраску.

Примечания

1. *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. Ставропольское книжное изд-во, 1992. С. 253.
2. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 113.

3. Там же. С. 362
4. Там же. С. 116.
5. *Мирзоев А.С.* Институт абречества у черкесов в XIX веке // IV конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. М., 2001. С. 136.
6. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. С. 337–338.
7. *Леонтович Ф.И.* Адааты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. С. 266.
8. *Карлгоф Н.И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX–начале XX в. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. С. 113–114.
9. *Латин В.В.* Армия России в Кавказской войне 18–19 вв. Санкт-Петербург, 2008. С. 75.
10. *Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб., 2004. С. 96.
11. *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. С. 492.
12. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. Издательство журнала «Звезда». СПб., 2003. С. 552.
13. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах. М., 1952. Т. 2. С. 196.
14. *Латин В.В.* Указ. соч. С. 195.
15. *Васильев Е.* Экспедиция в землю хакучей // Военный сборник. 1872. № 8. С. 262.
16. *Кажаров В.Х.* Указ. соч. С. 337–338.
17. *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 236–238.
18. *Ботяков Ю.М.* Указ. соч. С. 18.
19. *Леонтович Ф.И.* Указ. соч. С. 167.
20. *Ботяков Ю.М.* Указ. соч. С. 20.
21. Кабардинский фольклор. М.;Л., 1936. С. 279.
22. Там же.
23. *Ботяков Ю.М.* Указ. соч. С. 40.
24. Там же. С. 18.
25. Там же. С. 27.
26. Там же. С. 443.
27. *Торнау Ф.Ф.* Указ. соч. С. 258.
28. Там же. С. 198.
29. Там же. С. 198–199.
30. Там же. С. 48–49.

31. Там же. С. 49, 55–56.
32. Там же. С. 103.
33. *Гатуев Д.* Зелимхан. Орджоникидзе, 1971. С. 54.
34. *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.В. университетской типографии (М. Катков), на страстном бульваре. 1885. С. 127.
35. ЦГА КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49. Л. 105.
36. Информатор – Сасык Тахсин Батырхан, 1934 г.р., сел. Кырк-Пинар, вилает Пинар-баши, Турция.
37. Ботяков Ю.М. Указ. соч. С. 55–56.
38. Центральный Исторический Архив Грузии. Тбилиси. Ф. 416. Оп. 3. Д. 158 связка 25–589 Л. 10.
39. *Орехов И.* По южному склону Западного Кавказа: (Из путевых заметок) // Военный сборник, СПб., 1869. № 12. С. 307.
40. Центральный Исторический Архив Грузии. Тбилиси. Ф. 416. Оп. 3. Д. 159. Л. 11.
41. Информатор – Яхтанигов Хасан Хабасович, 1943 г.р., сел. Вольный Аул, КБР.

INSTITUTE ABRECHESTVA IN THE CENTRAL AND NORTHWEST CAUCASUS IN THE PERIOD FROM XVIII TO 30 YEARS OF THE 20th CENTURY (HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC ASPECT)

Abrechestvo typical in the past for all the peoples of the Caucasus a social phenomenon. The roots of this institution originate in tribal society, and the last relapse occurred in 30 years in the 20th century. This article discusses the origins of the institute, the various manifestations of this phenomenon and its transformation in the course of historical development of the Circassian society.

Keywords: brigands, abrechestvo, rogue, non-conformism, social protest, patronage.

Mirzoev Aslanbek Sultanovich

Candidate of History, senior research fellow at sektor of medieval and new history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian institute of Humanitarian researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph.+7-967-421-95-25.

E-mail: marzeibach@mail.ru

**ВТОРЖЕНИЕ ШАМИЛЯ В КАБАРДУ
И СТОЛКНОВЕНИЕ С РОССИЙСКИМИ ВОЕННЫМИ
ОТРЯДАМИ 17–18 АПРЕЛЯ 1846 Г.**

В статье рассматриваются особенности вторжения Шамиля в Кабарду и боестолкновения с российскими военными отрядами 17–18 апреля 1846 г. На основе анализа архивных документов и нарративных источников личного происхождения восстанавливается подробная картина этого события.

Ключевые слова: Кавказская война, Шамиль, Кабарда, кабардинцы

Урусов Азамат Амирбиевич

Аспирант 3 года обучения сектора средневековой и новой истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. 8 (8662) 42-38-60

E-mail: kbigi@list.ru

История Кавказской войны наполнена рядом событий военно-политического характера, каждое из которых связано друг с другом и представляет собой звенья одной цепи. В этом ряду поход Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. занимает важное место, т.к., во-первых, это событие характеризует реальную военно-политическую обстановку в регионе в рассматриваемое время; во-вторых, позволяет оценить расстановку сил и приоритеты сторон в условиях включения Северного Кавказа в состав Российской империи. Несмотря на достижения современной историографии¹, к настоящему времени назрела необходимость в появлении комплексного исследования, посвященного обстоятельствам, условиям и последствиям похода Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. В этом плане, исследование хроники боевых действий на основе анализа архивных документов и нарративных источников личного происхождения на начальном этапе этого похода является актуальной исследовательской задачей политической истории региона.

В мемуарах И. Ницкиа отмечается, что «к половине апреля [1846 г.] он (Шамиль. – *А.У.*) сделал все приготовления к походу и, собрав свои толпы в означенных пунктах вывел один отряд для демонстрации перед нашим главным отрядом, следившим за ним в центре Чечни, – а сам с главными силами, пройдя лесным хребтом с Хандыльбаса, повернул на Кабардинский хребет и 18 числа утром переправился чрез Терек у Эльхота, заняв позицию столь выгодную, что артиллерию свою мог командовать и переправой и выходом из Минаретского ущелья»². Как сообщает М. Гаммер, «28 (17) апреля [1846 г.] Шамиль у реки Курпа вступил в «сердце Малой Кабарды», ночь провел в ауле Ахлов, а на следующий день отправил трех наибов – Саида Абдалаха, Дубу и Атайбая – вывести жителей из селений в горы»³.

Наиболее подробные сведения о вторжении Шамиля в Кабарду весной 1846 г. можно получить на основе анализа журнала военных действий Тенгинского пехотного полка⁴. 12 апреля 1846 г. 4-й батальон Тенгинского пехотного полка под командованием полковника Левковича прибыл в станицу Екатериноградскую⁵. По распоряжению высшего военного начальства в регионе этот батальон был назначен специально для «временного участия в Чеченском отряде»⁶. Следует отметить, что место предполагаемой переправы отрядов Шамиля и вторжение в Кабарду в то время находилось на границе двух административных ведомств. Тогда «к подведомству Владикавказского линейного полка подчинялась территория от Владикавказа до Минарета и находилась под командованием начальника Владикавказского военного округа, а от Минарета до Екатериноградского центрального карантина – начальнику Центра Кавказской линии»⁷.

Отряды генерала Фрейтага выступили из укрепления Казак-Кичу ранним утром 16 апреля 1846 г. и в тот же день прибыли в ст. Сунженскую, где им стало известно, что «Шамиль остался на правом берегу р. Сунжи с артиллерией, переправив только на левый берег часть кавалерии от 2-х до 3000 человек»⁸. В Казак-Кичу в состав отрядов Фрейтага вошла 5-я гренадерская рота образованного в начале 1846 г. Дагестанского пехотного полка⁹. А другая рота этого полка под командованием батальонного командира подполковника Кастырки осталась в Казак-Кичу в качестве резервного воинского подразделения.

В полдень отряды Фрейтага двигались по следам Шамиля из ст. Сунженской и к 8-ми часам вечера прибыли к р. Ачалук. В ночь с 16 на 17 апреля 1846 г. Фрейтаг продолжил движение по следам отрядов Шамиля и в полдень сделал привал на р. Псидах недалеко от Константиновского укрепления¹⁰. Н. Горчаков в мемуарах по этому поводу отмечал, что «отряд наш тотчас выступил по следам Шамиля

и по указаниям провожатых назрановцев, которые его довели таким образом до ущелья Цымиргой в Дигории»¹¹.

16 апреля 1846 г. полковник Левкович через военного начальника станицы Екатериноградской получил предписание от начальника Военно-Грузинской дороги полковника Ильинского выслать две роты в станицы Пришибскую и Котляревскую¹². Сразу же из Кубанского егерского полка туда были направлены три роты под командованием батальонного командира майора Тигерштета.

В тот же день начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Голицын, усилив гарнизон укрепления Черекского пятьюдесятью казаками и несколькими пехотинцами, вернулся в Нальчик, чтобы не допустить перемещение в леса и предгорья жителей аулов других двух княжеских фамилий (Мисостовой и Атажукиной). По его сведениям, в это время у Нальчикского укрепления собралось примерно 600 хорошо вооруженных кабардинцев из Атажукиной и Мисостовой княжеских фамилий¹³.

В ночь на 17 апреля 1846 г. начальник Владикавказского военного округа генерал-майор Нестеров получил известие с Минаретского поста, что в минувший день «несколько всадников пробовали у Эльхота брод и рассматривали крепость у подошвы Минатерской горы»¹⁴. На другой переправе ничего подобного не наблюдалось. Это дало основание начальнику Владикавказского военного округа послать нарочного к командиру 4-го батальона Тенгинского пехотного полка полковнику Левковичу «с просьбой сколь возможно скорее прибыть (в станицу Александровскую. – А.У.), оставив тяжести в Екатеринограде»¹⁵. Кроме того, командирам Виленских егерских отрядов было предписано «далее не следовать, а оставаться в распоряжении [начальника Центра Кавказской] линии»¹⁶.

17 апреля 1846 г. командир Владикавказского линейного казачьего полка полковник Ильинский направил начальнику Владикавказского военного округа генерал-майору Нестерову свои соображения по поводу усиления военных отрядов в местах возможного вторжения Шамиля в Кабарду. Он считал, что наиболее вероятно, что отряды Шамиля предпримут попытку перехода р. Терек «около Минарета и напротив станицы Александровской»¹⁷. Поэтому полковник Ильинский предлагал «занять промежуток между этими пунктами отрядом войск»¹⁸. Для этого было приказано в каждой станице Владикавказского линейного казачьего полка расположить по одной роте пехоты. По данным И. Ницика, «в Назране уже [был] собран отряд, в котором находился и сам Нестеров, а с Чечни ожидается начальник левого фланга генерал-лейтенант Фрейтаг с главным отрядом»¹⁹.

Сам же полковник Ильинский получил право в случае нападения Шамиля на станицу Александровскую задействовать отряды 4-го батальона Тенгинского пехотного полка, направленного для защиты в Моздок. Также ему были даны полномочия в случае надобности привлечь к операции две кадровые роты Виленского егерского полка. Помимо прочего было принято решение, что «если не получится сведений о направлении неприятеля в Моздок, послать командиру 4-го батальона Тенгинского полка просьбу – повернуть батальон на станицу Александровскую»²⁰. Кроме того, были введены некоторые ограничения на передвижение по территории Большой Кабарды почты, курьеров и т.п.

Шамиль переправился через р. Терек неподалеку «от Минаретского брода»²¹. М. Гаммер писал, что «эта позиция, с которой он мог наблюдать за всей Кабардинской равниной, и была его целью, потому что, используя ее как стратегическую базу своей операции, Шамиль мог командовать в Кабарде, в соседней Осетии и воздействовать на сообщение между Северным Кавказом и Грузией»²². В примечаниях к мемуарам Н. Горчакова, составленным на основании данных офицерских сводок того времени, отмечалось, что «Шамиль, ночевавший на р. Курпе, [16 апреля 1846 г.] послал наибов Саибдулу, Дубу и Атабая выселить жителей Малой Кабарды из аулов, а сам двинулся в Большую Кабарду»²³.

Чтобы преградить Шамилю путь в Кабарду, начальник Левого фланга Кавказской линии генерал-майор Фрейтаг с главными силами своих войск выступил ему навстречу и вызвал все частные отряды, находившиеся вблизи²⁴. В это время в станице Екатеринодарской все еще располагался небольшой отряд полковника Левковича, состоящий из 4-го батальона Тенгинского полка, трех рот 2-го батальона Кубанского егерского полка, одной маршевой роты Виленского егерского полка и двух орудий. Полковник Левкович содержал эти отряды в полной боевой готовности²⁵.

По данным составленной на основании известий из офицерских сводок редакторской заметки к мемуарам Н. Горчакова можно установить, что 17 апреля 1846 г. генерал Фрейтаг получил сведения о пушечных выстрелах по направлению Моздока и, восприняв это, как намерение местных жителей «отклонить его от настоящего направления при преследовании Шамиля», отдал распоряжение послать туда отряд барона Меллера-Закомельского для выяснения обстоятельств происшедшего²⁶. Н. Горчаков по этому поводу писал: «Оттуда мы увидели тянувшиеся обозы и самую партию, которая, разделившись на несколько частей, подвигалась к Тереку по направлению Большой

Кабарды»²⁷. Эти сведения незамедлительно доложили Фрейтагу, на что тот отдал распоряжение спуститься на плоскость и отбить у горцев мирных жителей Кабарды и их имущество. Н. Горчаков отмечал по этому поводу следующее: «Маневр был нами исполнен очень удачно: отрезав дорогу Саибдуле и отбросив его прикрытия к Тереку, мы таким образом освободили пленные семейства и представили им возможность укрыться в леса»²⁸. Кроме того, несмотря на то, что значительная часть мирного населения Кабарды оставила свои аулы и переместилась в предгорные районы, генерал-майор Голицын считал, что «при появлении русских войск в значительном количестве и оседлости их в Кабарде до изгнания Шамиля все пришло бы скоро в устройство, ибо по левую сторону Нальчика лежащие аулы гораздо более имеют сочувствия к русским, чем те, которые лежат близ Терека»²⁹.

Левкович получил известия о вооруженном конфликте вблизи Моздока утром 17 апреля 1846 г. и сразу же выдвинул туда свои отряды. Однако в 14 верстах от Екатеринограда он получил от полковника Ильинского известие, что основные отряды Шамиля начали переправу через р. Терек с намерением вторгнуться в Большую Кабарду. Это ставило под угрозу нападения располагавшиеся на Военно-Грузинской дороге казачьи станицы³⁰.

Основной задачей Левковича была необходимость заградить путь Шамилю на переправе через Терек³¹. Полковник Левкович вернулся в Екатериноград. Обеспечив отряд продовольствием, форсированным маршем в сопровождении полковника Ильинского направился в станицу Александровскую, куда прибыли в 10 часов 30 минут вечера³². В журнале военных действий Тенгинского пехотного полка полковник Левкович записал, что 17 апреля 1846 г. «на марше вверенного мне отряда в 1-м часу пополудни слышны были выстрелы из орудий, которые и заставили меня полагать о нападении горцев на которую-либо из станиц Военно-Грузинской дороги»³³. Чтобы убедиться в достоверности своих предположений, Левкович отправил в станицу Александровскую двух конных казаков. Однако лишь по прибытии Левковича в станицу Александровскую стало ясно, что выстрелы были слышны со стороны станицы Урухской. Кроме того, полковник Ильинский пояснил Левковичу, что отряды Шамиля окружили эту станицу, разделившись на несколько групп, и атаковали левый фас станицы³⁴. Несмотря на то, что в станице Урухской в это время дислоцировался небольшой казачьей гарнизон, Левкович и Ильинский приняли решение оставаться в станице Александровской для выработки дальнейшего плана действий³⁵.

В донесении начальника Центра Кавказской линии генерал-майора князя Голицына временно командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генералу от кавалерии Завадовскому от 18 апреля 1846 г. сообщалось, что князь Голицын предписал командиру 4-го батальона Тенгинского полка полковнику Левковичу следовать с батальоном усиленным маршем из Екатеринограда через станицы Пришибскую, Котляревскую и Черекское укрепление в Нальчик³⁶. Однако в своем предписании Голицын сделал оговорку, «если же партия чеченцев, угрожавшая переходом через Терек и преследуемая генерал-лейтенантом Фрейтагом не возвратилась еще на свое место, то приказано остаться в Екатеринограде»³⁷.

Утром 18 апреля полковник Левкович отдал приказ «о заготовлении фуража для подъемных, казенных и офицерских лошадей, равно и для обеспечения жителей, которых не выпускали из станицы по случаю огромных партий Шамиля»³⁸. Кроме того, Левкович принял решение направить в полном составе 2 батальона Кубанского егерского полка при одном полевом орудии Горской казачьей № 14 батареи к аулу Тау-Султановскому³⁹. Спустя некоторое время, в станице Александровской стали слышны звуки сильной канонады со стороны р. Терек. Незамедлительно с оставшимся батальоном Тенгинского полка и с одним орудием казачьей № 14 батареи, присоединив еще находившиеся в станице Александровской две сотни и 60 человек составленные, полковник Левкович выдвинулся к станице Урухской⁴⁰.

К этому времени к станице Александровской приближался Кубанский батальон майора Кульчицкого с провиантом. Левкович приказал ему отправить обоз с провиантом в Александровскую, а самому направиться к Станице Урухской, чтобы соединиться с батальонами Кубанского егерского полка. В скором времени два батальона были соединены⁴¹.

Приближаясь к Уруху, батальоны под командованием Левковича и Кульчицкого не располагали сведениями о причинах оружейной стрельбы на р. Тереке. Однако на тот момент, полковник Левкович уже обладал полученными от Ильинского сведениями, что генерал-лейтенант Фрейтаг уже покинул Казак-Кичу, намерен преследовать отряды Шамиля и атаковать с восточной стороны. Действительно, по сведениям начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Голицына, генерал-лейтенант Фрейтаг с пятью батальонами и несколькими орудиями подступил к р. Тереку и был готов вступить в бой⁴².

18 апреля 1846 г. от пленных горцев генералу Фрейтагу стало известно, что Шамиль «переправился через Терек в Большую Кабарду»⁴³.

Это послужило основанием для увеличения темпов передвижения его отрядов. И через некоторое время отряды Фрейтага у аула Эльхотова обнаружили подразделения Шамиля, которые пытались перебраться вброд через реку. По приказу Фрейтага артиллерия открыла огонь. Однако ответных действий со стороны Шамиля не последовало. Ускорив переправу через р. Терек, войскам Шамиля пришлось, однако, бросить на месте часть добычи. После чего отряды Шамиля обосновались на опушке леса по левую сторону р. Терека, а войска Фрейтага расположились на привале за аулом Эльхотова на ее противоположной стороне⁴⁴. На тот момент вооруженные силы генерала Фрейтага состояли «из трех батальонов Куринского полка, одного батальона Навагинского полка, трех рот линейного батальона, пятисот казаков горского и двухсот казаков сунженского полков»⁴⁵.

Перед отправлением к станице Урухской Левкович получил записку от начальника Центра Кавказской линии о том, что войска Шамиля уже были атакованы Фрейтагом на переправе через Терек⁴⁶. В ответ на это Левкович уведомил начальника Центра Кавказской линии, что также намерен атаковать отряды Шамиля, чтобы преградить им дорогу в Большую Кабарду⁴⁷.

Так, к полудню 18 апреля 1846 г. ситуация на этом участке противостояния, по сообщениям начальника Центра Кавказской линии генерал-майора Голицына, складывалась следующим образом: «Шамиль с значительным скопищем вторгнулся вчерашнего числа (17 апреля 1846 г. – А.У.) в Большую Кабарду и расположился в Лескенском ущелье. Лейтенант Фрейтаг находится на правой стороне р. Терек с 5-ю батальонами при 6 орудиях, а Тенгинского пехотного полка полковник Левкович с двумя батальонами при двух орудиях у минарета, таким образом, неприятель стеснен с двух сторон»⁴⁸. Примерно в 3 часа дня 18 апреля 1846 г. батальоны под командованием Левковича приблизились к аулу Хату Анзорова, откуда в это время конные отряды чеченцев направлялись к Змейскому посту⁴⁹.

Левкович возле станицы Урухской обнаружил на возвышенности значительные в количественном отношении отряды противника. Это была конница горцев, численностью около 5 тыс. человек, около тысячи пеших с тремя орудиями. Во главе отряда был сам Шамиль⁵⁰. Эти обстоятельства требовали от полковника Левковича принятия быстрых решений. Он сразу же выбрал удобную для нанесения удара позицию. Командование кавалерией поручил полковнику Ильинскому, наблюдение за порядком пехоты – подполковнику Кубанского егерского полка Жданкевичу. Наиболее опытных и храбрых офицеров назначил заведовать группами стрелков.

Обеспечив своим отрядам наиболее удобную позицию на правом фланге, а в тылу – открытую местность, Левкович отдал приказ атаковать отряды Шамиля с тем расчетом, что это отвлечет Шамиля от переправы, и у генерала Фрейтага появится возможность нанести удар стыла⁵¹. А.Н. Лавров писал, что «дважды чеченцы бросались в шашки, но, отраженные картечью и ружейным огнем, отступали»⁵². Однако, чувствуя себя не в силах справиться с многочисленным отрядом Шамиля, Левкович медленно отходил назад. После нескольких столкновений Шамиль предпринял попытку перейти в атаку, однако был оттеснен «ротами каре, медленно и стройно уходившими назад»⁵³.

Бой продолжался беспрерывно более пяти часов. А.Н. Лавров по этому поводу отмечал, что «несмотря на отчаянное сопротивление наших войск, в особенности 4-го батальона Тенгинского полка, выказавшего в этот день необыкновенную стойкость, много самоотвержения и присутствия духа, Левкович был отброшен сначала на прежнюю позицию, в 4-х верстах от Урухской станицы, а затем и к самой станице»⁵⁴.

Спустя 40 лет участник описываемых событий И. Ницкич отмечал, что «местность, на которой происходил этот бой, находится на левом берегу р. Терека, начиная с полутороверстного расстояния от станицы Змейской, тогда еще не существовавшей, и до станицы Урухской (ныне переселившейся), на большой почтовой дороге, – местности совершенно ровной и открытой, и только с правой стороны (к Тереку), имеющей лесистую луговую растительность»⁵⁵.

Батальоны Левковича произвели несколько метких выстрелов из орудий. Началась сильная перестрелка. После чего, Левкович отдал приказ к отступлению. Позже в журнале военных действий Тенгинского полка он писал: «Окруженный до 8 тысяч неприятельской кавалерии при 3-х орудиях с двенадцатью значками, я должен был отступить не потому, чтобы сомневался в малочисленности отряда моего, а для того, чтобы за смелость Шамиля, наказать его нашим огнем с двух сторон»⁵⁶.

Разрозненные отряды Шамиля стали стремительно сливаться в один, и в количественном отношении стали превосходить силы Левковича. Атаке подвергся левый край батальона под командованием подпоручика Малиновского. Подпоручику в течение короткого промежутка времени удалось дважды сдерживать натиск чеченских атак. Прикрывая атакующих, войска Шамиля каждую очередную атаку поддерживали картечными выстрелами из орудия. Такая тактика нанесла батальону Малиновского существенный урон.

Кроме того, в ходе рукопашного столкновения находившейся на передовой сражения 4 гренадерской ротой Тенгинского полка под

командованием командира штабс-капитана Наумова были отражены мощные атаки отрядов Шамиля⁵⁷. После продолжительных атак, Левкович приказал занять возвышенность левого берега р. Терек. Эту задачу взвод под командованием поручика Якоби выполнил под пушечным и ружейным огнем противников⁵⁸.

После этого начались активные действия со стороны чеченской кавалерии, которая на протяжении всего столкновения прикрывала отряды пехоты. В ответ на это Левкович задействовал резерв под командованием поручика Н. Горчакова. В «Журнале военных действий» отмечалось, что поручик Горчаков «с командуемой им роты оставил до 25 человек убитых и тяжело раненых, однако же, долго упорствуя с огромными силами неприятеля, сделал вдвое ему потери»⁵⁹. В подмогу Горчакову были направлены полторы роты Кубанского егерского полка под командованием подполковника Жданкевича. В этом столкновении был убит капитан Кубанского егерского полка Трелецкий, контужены капитан Старцев и поручик Горчаков⁶⁰. В ходе этого сражения осколком ядра был ранен в правую ногу и сам полковник Левкович⁶¹.

В скором времени отряды Шамиля перешли в стремительную атаку. Однако кавалерия полковника Ильинского сумела сдержать ее⁶².

Последнюю атаку отрядов Шамиля в этом сражении на правом фланге отразил отряд поручика Беликова⁶³. Однако после пятичасового сражения чеченские отряды начали отступать. Полковник Левкович предположил, что они предприняли этот маневр, «опасаясь приближавшегося отряда полковника Миллера-Закамельского⁶⁴, в курс посланного генерал-лейтенантом Фрейтагом в следствие донесения моего к нему с поля битвы сделанного»⁶⁵.

Потери российского отряда составили «убитыми 16 человек, ранеными 84 и контуженными 53 человека»⁶⁶. По итогам этого сражения многие участники этого сражения получили различные награды на основании соответствующих указов императора. Например, полковник Левкович получил орден Святого Владимира 3-й степени, а 7 октября 1846 г. он был назначен командующим Тенгинским полком. Всем офицерам «пожалованы были чины и ордена, а нижним чинам роздано было 24 знака отличия Военного ордена»⁶⁷.

Полковник Меллер-Закомельский, переправившись на левый берег Терека, не обнаружил батальоны полковника Левковича на месте сражения. Спустя некоторое время, Меллеру стало известно, что, потеряв в неравном бою более 120 человек убитыми, ранеными и контуженными, полковник Левкович отступил к станице Урухской⁶⁸. Шамиль в то время располагался на возвышенности, с которой хорошо просматривалась вся плоскость, и, заметив движение батальонов

полковника Меллера, приказал своим наibaм как можно скорее прибыть в его лагерь прежде, чем последний успеет переправиться через Терек⁶⁹.

Согласно данным М. Гаммера, «3 мая (18 апреля) 1846 г. генерал Фрейтаг направил к Минаретскому броду полковника Меллер-Законмельского с отрядом в 2300 штыков, 500 всадников и шестью пушками с задачей преградить Шамилю пути отступления»⁷⁰. По данным другого источника, «генерал Фрейтаг, получив донесение от полковника Левковича, что он с 2-мя батальонами Тенгинского полка при 2-х орудиях, следуя по военно-грузинской дороге в 4-х верстах от р. Уруха сильно атакован скопищем Шамиля, немедленно направил к полковнику Левковичу на помощь полковника Меллера с тремя батальонами пехоты, мятью сотнями моздокских казаков при 4-х орудиях, приказав Меллеру, соединившись с Левковичем, следовать по военно-грузинской дороге и остановиться вне пушечного выстрела от лагеря Шамиля»⁷¹. Н. Горчаков в своих воспоминаниях отмечал по этому поводу следующее: «Полковник Меллер начал переправу. Лишь только Шамиль увидел с высоты это движение, он сообразил, что партия, атаковавшая Левковича, должна быть отрезана, и, в свою очередь, атакована с тыла. Он послал ей приказание немедленно отступить»⁷².

Таким образом, на этой стадии военной кампании Шамиля в апреле 1846 г. его отрядам удалось преодолеть атаки российских войск и с незначительными потерями войти на территорию Кабарды.

Примечания

1. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924. С. 179–229; *Бушув С.К.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.;Л., 1939; *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963; *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962; *Кумыков Т.Х.* Земельная реформа в Кабарде в 1863–1869 гг. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Вып. 13. С. 237–283; *Кумыков Т.Х.* К вопросу об общественном строе Кабарды накануне реформы 1861 г. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1954. Вып. 9. С. 44–97; *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959; *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965; *Думанов Х.М.* К вопросу о периодизации Кавказской войны // Черкесия в XIX веке (Материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп, 1991. С. 34–41; *Бейтуганов С.Н.* Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993; *Блиев М.М., Дедоев В.В.* Кавказская война. М., 1994; *Кандур М.* Мюридизм. История кавказских войн (1819–1859).

Нальчик, 1996; *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998; *Панеш А.Д.* Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007; *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006; *Мамхегов А.* Почему Магомет-Мирза перешел к Шамилю // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=12&art=201> (дата обращения: 1.05.2014); *Абазов А.Х.* Проблемы истории и историографии судебной системы Кабарды в 20–50-е гг. XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2012. Вып. 6. С. 6–13; *Дзамихов К.Ф.* Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 3–15; *Кожев З.А.* Кавказская война: закономерности промежуточных результатов, перспективы осмысления // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 15–33; *Кешева З.М.* Поход имама Шамиля в Кабарду в 1846 г. в контексте военно-политической ситуации в Центральном Предкавказье в 30–40-е гг. XIX в. // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 101–117; *Мирзоев А.С.* Кавказская война – название, научное определение, хронология и периодизация // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 181–196 // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. С. 133–164 и т.п.

2. *Ницик И.* Вторжение Шамиля в Кабарду в пределе 1846 г. // Терские ведомости. 1886. № 58. Архив СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 6.

3. *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. С. 232.

4. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 13–19.

5. Там же. Ед. хр. 548. Л. 19.

6. Там же. Ед. хр. 536. Л. 13.

7. *Ницик И.* Вторжение Шамиля в Кабарду в пределе 1846 г... Л. 8.

8. *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. IV. С. 20.

9. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского Его Императорского Высочества Великого князя Михаила полка во время Кавказской войны (1845–1861 гг.): Составил штабс-капитан Игнатович, под. Ред. Генерал-лейтенанта Чернявского. Тифлис: Типография канцелярии главнокомандующего гражданской частью на Кавказе, 1897. С. 32.

10. *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. IV. С. 20.

11. Там же. С. 21.

12. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 13 об.

13. Там же. Ед. хр. 548. Л. 22 об.
14. *Ницик И.* Вторжение Шамиля в Кабарду в пределе 1846 г... Л. 8.
15. Там же.
16. Там же. Л. 9.
17. Там же. Л. 7.
18. Там же.
19. Там же. Л. 8.
20. Там же.
21. *Гаммер М.* Шамиль... С. 232.
22. Там же.
23. *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. ... С. 20.
24. Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Его Императорского величества Великого князя Алексея Александровича полка (1700–1900). Составил для Нижних чинов А.Н. Лавров по материалам, собранным того же полка поручиками Раковичем и Тышецким, и также самим автором. Тифлис, 1900. С. 89.
25. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 13 об.
26. *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. ... С. 22.
27. Там же.
28. Там же.
29. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 548. Л. 36.
30. Там же. Ед. хр. 536. Л. 14.
31. Краткое описание боевой жизни и деятельности... С. 89.
32. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 14.
33. Там же. Л. 14 об.
34. Там же.
35. Там же. Л. 15.
36. Документы по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в.: по материалам ЦГА КБР / Сост. З.М. Кешева. Нальчик, 2011. С. 65.
37. Там же. С. 65.
38. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 15.
39. Там же.
40. Там же. Л. 15 об.
41. Там же. Л. 16.
42. Там же. Ед. хр. 548. Л. 22 об.
43. *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. ... С. 23.
44. Там же.
45. Там же.
46. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 16.
47. Там же.
48. Там же. Ед. хр. 548. Л. 29.
49. Там же. Ед. хр. 536. Л. 16 об.
50. Краткое описание боевой жизни... С. 89.
51. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 16 об.
52. Краткое описание боевой жизни... С. 89.

53. Там же.
54. Там же. С. 90.
55. *Ницик И.* Вторжение Шамиля в Кабарду в пределе 1846 г. ... Л. 1.
56. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 17.
57. Там же. Л. 17 об.
58. Там же. Л. 18.
59. Там же.
60. Там же.
61. Там же. Л. 18 об.
62. Там же.
63. Там же.
64. А.У.: так в оригинале.
65. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 19.
66. Там же.
67. Краткое описание боевой жизни... С. 93.
68. *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. ... С. 25.
69. Там же.
70. *Гаммер М.* Шамиль... С. 235.
71. *Горчаков Н.* Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г. ... С. 24.
72. Там же.

THE SHAMIL'S INVASION INTO THE KABARDA AND COLLISION WITH THE RUSSIAN MILITARY GROUPS ON APRIL 17–18, 1846

In the article features of invasion of Shamil into the Kabarda and clashes with the Russian military groups are considered on April 17–18, 1846. On the basis of the analysis of archival documents and narrative sources of a personal origin the detailed picture of this event is restored.

Keywords: *Caucasian war; Shamil, Kabarda, Kabardians*

Urusov Azamat Amirbievich

The graduate student of 3 years of training of the sector of the medieval and modern history of The Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. 8 (8662) 42-38-60

E-mail: kbigi@list.ru

ИНТЕГРАЦИЯ РЕГИОНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК – 395(470.6)

*А.М. Абиева
А.М. Гудуева*

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. МЕРЦБАХЕРА И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА КАВКАЗСКОГО ВЫСОКОГОРЬЯ

Статья посвящена изучению культурного наследия и вкладу в кавказоведение выдающегося немецкого ученого и альпиниста второй половины XIX в. Готфрида Мерцбахера. Материалом для данной статьи послужил двухтомный труд исследователя «Из высокогорных районов Кавказа», ставший результатом двух научных экспедиций автора на Кавказ и изданный на немецком языке в Лейпциге в 1901 году. Так как на сегодняшний момент произведение не переведено на русский язык, оно мало используется отечественными кавказоведами по причине языкового барьера и редкости издания. Целью данного исследования является введение в научный оборот нового источника по этнографии народов кавказского высокогорья, а также ознакомление с содержащимися в нем материалов.

Ключевые слова: Европа, Азия, кавказские народы, культура и обычаи, этнография, история Кавказа.

Абаева Асият Мусаевна

Стажер-исследователь сектора средневековой и новой истории
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000 КБР, Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. +7-928-709-47-17

E-mail: asiata@mail.ru

Гудуева Асуана Мусаевна

Преподаватель кафедры иностранных языков среднего профессионального образования Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова.

360000 КБР, Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Тел. +7-938-691-25-35

E-mail: asu_ana@inbox.ru

Во второй половине XIX в. возрастает интерес европейской научной общественности к Кавказу. Помимо этнографов и историков, целью которых было знакомство с кавказскими народами, с их культурой и историей, Кавказские горы начали посещать географы, геологи и альпинисты. Кавказ привлекал их внимание высокими неприступными скалами и близким расположением к Западной Европе. Стоит отметить неоценимый вклад в казказоведение путешественников, посетивших Кавказские горы с целью покорения высочайшей вершины Европы, горы Эльбрус.

Особенно интенсивно горы Кавказа посещались альпинистами в 80–90-х гг. XIX в. Сюда приезжали представители всех европейских стран, культивировавших альпинизм: англичане Ф. Грове, Д. Коккин, Г. Вуллей, Т. Лонгстафф, А. Меммори, В. Донкин, немцы Г. Мерцбахер, Л. Пуртчеллер, А. Шульце, О. Шустер, Л. Дистель, французы Г. Коллье, Г. Солли, Ф. Ньюмарч, итальянцы В. Селла, Ж. Жилиярди, Э. Галло, швейцарцы А. Вебер, О. Гуг, К. де Рам, а также восходители других стран. За эти годы здесь было совершено около 60 первовосхождений на основные вершины Кавказа, среди которых значились Ушба, Айлама, Джангитау, Катынтау, Мижирги, Коштантау, Тетнульд, Мамисон, Джимарай, Шхельда¹.

Первым из иностранцев проложил путь на Кавказ английский альпинист и географ Д. Фрешфилд. Среди самых известных немецких альпинистов, совершивших восхождение на главные вершины Кавказских гор нельзя не назвать Готфрида Мерцбахера, немецкого географа и путешественника. Г. Мерцбахер, еврей по происхождению, родился в 1843 году в поселке Байерсдорф, в средней Франконии. Его отец, Маркус Мерцбахер, был торговцем мехами. После окончания реальной школы Готфрид вынужден был отказаться от изучения наук и выбрать профессию скорняка. В Париже, Лондоне и Санкт-Петербурге он изучает торговое дело, в совершенстве осваивает помимо английского и французского также и русский язык, знание которого ему особенно пригодилось во время экспедиций².

В 1868 году молодой Мерцбахер открывает в Мюнхене фирму по отделке меха, благодаря которой становится материально независимым. В свободное время он занимается изучением естественных наук, а для поддержания физической формы занимается альпинизмом³.

Первый альпинистский опыт Мерцбахер приобрел в конце 1870-х гг. в Альпах. Он первым исследовал и описал Восточные Альпы (Доломиты Брента). 16 июня 1881 г. в сложных горных условиях Мерцбахер совершил первовосхождение на альпийскую вершину Тотенкирхе, которое принесло ему известность как альпинисту. Этот путь и сегодня носит

название Merzbacherweg («Путь Мерцбахера»)⁴. В 1888 году он решает продать прибыльное дело и посвятить всю свою жизнь альпинизму и географическим исследованиям.

В 1891 г. в рамках высокогорной экспедиции на Кавказ альпинист с двумя тирольскими проводниками совершает восхождение на вершины Эльбрус, Казбек, Терскोल, но Ушбу, в связи с погодными условиями, им не удалось покорить. Однако вторая поездка на Кавказ в 1892 г. дала ему возможность подняться на все высочайшие вершины Восточного Кавказа⁵. Материал, собранный за время пребывания на Кавказе, Мерцбахер издает в 1901 г. в виде двухтомного труда «Из высокогорных районов Кавказа», содержащего на 1900 печатных листах описания восхождений, картины кавказского ландшафта, географические наблюдения, а также сведения о жителях Кавказских гор. Изучение и описание Кавказа стало первым крупным научным достижением учёного. Большой интерес представляют сведения по этнографии карачаевцев и балкарцев, собранные им⁶. Данное исследование вызвало большой интерес, а также было прорецензировано Американским Географическим обществом, Королевским Антропологическим институтом Великобритании и Ирландии. Публикации, посвященные книге Мерцбахера, вышли в таких авторитетных научных изданиях, как *Geological Magazine* (Геологический вестник), *Journal of Geology* (Журнал геологии), *Petermanns Geographische Mitteilungen* (Географические известия Петерманна), а также *Mitteilungendes Deutschen und Oesterreichischen Alpenvereins* (Известия Германского и Австрийского Альпийского общества)⁷.

Вероятно, данное исследование и стало поводом для присуждения философским факультетом Королевского Баварского университета в 1901 г. автору звания почетного доктора⁸. Этим произведением Мерцбахер заложил традицию немецких высокогорных географических исследований и за пределами Альпийских гор. Благодаря исследователю среди иностранных туристов и альпинистов, особенно немцев и австрийцев, возрос интерес к Кавказу. Позднее в Германии был создан «Германский кавказский клуб», одним из учредителей которого был Г. Мерцбахер⁹.

Ученый посвятил всего себя и свои возможности служению географической науке. В 1902 г. он становится заместителем председателя Мюнхенского географического общества, в 1907 г. король Баварии присуждает ему титул Королевского профессора, через год за свои заслуги немецкий географ был избран членом-корреспондентом Императорского Русского Географического общества в Санкт-Петербурге, а в 1908 г. – и Королевского Лондонского

Географического общества. Кроме этого в 1911 г. Императорское Русское Географическое общество награждает его золотой медалью Семенова-Тянь-Шанского¹⁰.

Двухтомный труд Готфрида Мерцбахера «Из высокогорных районов Кавказа», явившийся результатом двух экспедиций на Кавказ, содержит не только описание гор, снежных вершин, ледников и ущелий высокогорного Кавказа, но и ценнейшие сведения о горских народах. Произведение, изданное на немецком языке, не было доступно отечественным кавказоведам из-за языкового барьера и редкости издания. Данное исследование впервые вводится в научный оборот, так как ранее оно не было переведено на русский язык, не считая частичного перевода одной из глав, опубликованного в Известиях Кавказского отдела Императорского Русского географического общества под названием «К этнографии обитателей Кавказских Альп». Богатый иллюстративный материал, украшающий издание, представлен графическими рисунками и фотографиями, сделанными самим автором, а также предоставленными выдающимися исследователями Кавказа М. фон Деши и В. Селла. Мерцбахер составил 3 подробные топографические карты в масштабе 1:140000, на которых он в деталях отразил все ландшафтные особенности района. Карта была составлена на основе исследований, проведенных Генеральным штабом армии на Кавказе¹¹.

Первую главу своего двухтомного исследования Мерцбахер посвятил общему описанию орографии и геологической структуры кавказского высокогорья, его ледников, гидрографии, горных перевалов, разделенных на три группы: западную, центральную и восточную. Далее следует сравнительный анализ этих гор со Швейцарскими Альпами, где автор отмечает, что Кавказ отличается высотой и величием вершин и горных массивов, а также своей первозданностью и уединенностью. Но швейцарские альпийские долины превосходят кавказские очарованием своей красоты и умиротворением¹².

Эти первые главы являются вводными к описанию исследований Мерцбахера, который, как альпинист, предпринял восхождение на высочайшие и самые неприступные вершины Кавказа. Рассказ начинается с отъезда из Мюнхена в 1891 г., а детали путешествия описаны так подробно, что по ним можно составить настоящий путеводитель по стране. После описания неудачной попытки восхождения на Ушбу следует покорение Лайлы и Тетнульда, прохождение через перевал Адырсуу в Баксанское ущелье, восхождение на гору Эльбрус и несколько высоких вершин, расположенных восточнее Казбека, которые вместе с поездкой в Тифлис относятся к первой экспедиции Мерцбахера.

Целью второй экспедиции, предпринятой летом 1892 г., была восточная часть Кавказской горной системы, в рамках которой было покорено много высоких пиков, включая Тебулос-мта, Комито тау и Донос-мта. Книга заканчивается главой, описывающей карту гор и обсуждением названий пиков и перевалов; а также петрографическое описание образцов пород и окаменелостей, собранных автором и изученных доктором Людвигом фон Аммоном¹³.

Особый интерес для данного исследования представляют главы, посвященные этнологии народов, населяющих район, а также исторический очерк покорения Кавказских гор. В последующих главах собраны результаты географического исследования Баксанского, Чегемского ущелья, долины реки Урвань, где помимо описания орографии и гидрографии данных территорий автор сообщает нам ценнейшие сведения о населении, дополненные иллюстративным материалом, позволяющим судить об особенностях одежды, жилищ и быта различных народностей. В восьмой главе первого тома под названием «К этнографии жителей Кавказских Альп» дана общая этнографическая справка о горских народах. Автор не считает своей задачей или целью книги исследование сложной этнографии Кавказа. По словам автора, для подобного труда, который занял бы несколько томов, необходима серьезная предварительная подготовка. В рамках данного исследования Мерцбахер стремится дать общую характеристику всех живущих на Кавказском перешейке народов. В связи с тем, что целью обоих путешествий альпиниста являлось высокогорье, этнографическое описание ограничивается народами, оседлыми в этих районах. Автор приводит список важнейших сочинений из области кавказской этнографии на момент выхода книги. При подготовке книги Мерцбахер проштудировал труды таких известных европейских исследователей Кавказа как Дж. Бэлл, Ф. Боденштедт, Э. Шантр, Р. Эрккерт, К. фон Ган, Дж. Интериано, М. Вагнер и т.д. Говоря о народах Кавказа, Мерцбахер отмечает, что «ни в одной другой стране земли на таком маленьком пространстве нельзя встретить так много разных народов, которые отличались бы друг от друга по типу, нравам и языку»¹⁴, называя при этом Кавказ «этнографической выставкой»¹⁵. Автор подразделяет кавказские народы на две группы: если к первой он относит народы, обнаруживающие близкое родство с жителями Средней Азии, то вторую группу составляют народности, своей историей, внешностью, нравами и обычаями указывающие на определенные связи с европейскими племенами. В связи с этим автор считает, что Кавказ – не разделяющая стена, как принято было полагать долгое время, а, напротив, связующее звено между Востоком и Западом. Мерцбахер указывает на огромный вклад в

изучение кавказских языков таких европейских исследователей конца XVIII, как И.А. Гюльденштедт, а позднее – Г.Ю. Клапрот, М.И. Броссе, П.К. Услар, доказавших, что многие языки кавказских народов являются родственными, несмотря на то, что представители различных племен объясняются между собой с лишь трудом. Далее автор дает свою оценку состоянию изученности культуры народов Кавказа: «Вводит в замешательство тот факт, что, невзирая на многочисленные солидные издания древних и современных авторов, представления о народах Кавказа, распространенные даже среди немалой части так называемой образованной европейской публики, остались до сих пор неполными, размытыми или порой ошибочными. В основном здесь играют роль рыцарственные черкесы, их сражения и их романтический образ, а картины о блистающих сказочной красотой черкешенках или грузинках всплывают в воображении даже образованных людей, как только речь заходит о Кавказе»¹⁶.

Свой этнографический очерк Мерцбахер начинает с описания населяющего Главный Кавказский хребет картвельского племени. Автор делит картвельский народ на пять основных групп: лазы, мингрельцы, имеретины, гурийцы и настоящие грузины, а также дает краткую историческую и этнографическую справку о каждой группе.

Особое внимание исследователя привлекли абхазцы, как древнейший народ, населяющий побережье Черного моря. Далее Мерцбахер переходит к рассмотрению народов, населяющих территорию от Понтийского побережья и вплоть до северного склона Главного хребта, а именно, «благородного и храброго черкесского народа»¹⁷. О черкесах автор дает лишь общие сведения с целью просвещения читателя своей книги о данном народе, объясняя это целью книги и тем обстоятельством, что «мы сегодня больше не встречаем черкесов в высокогорных районах»¹⁸. Интересное мнение у ученого сложилось за время пребывания в горах и по поводу карачаевского народа: «Мы считаем карачаевцев, которые говорят на пока еще плохо изученном тюркском диалекте, горным народом с патриархальными и суровыми нравами, которые сформировались как результат скудной земли, на которой он сейчас проживает, и сурового неблагоприятного горного климата. В некоторых проявлениях жизненного уклада, а также в их внешнем облике, карачаевцы существенно изменились как вследствие контакта с абхазами, так и особенно в результате смешения с кабардинцами «Большой Кабарды», которым они долгое время платили дань. Все же, несмотря на смешение, они обнаруживают в своем типе бросающееся в глаза отличие от своих соседей: черкесов, абхазов и кабардинцев, хотя от последних они переняли одежду, как и от соседствующих родственных им

горских татар, проживающих в долинах Баксана и Чегема. В качестве явных внешних признаков, которые отличают их от последних – более низкий приземистый рост, широкие лица, плоская форма головы, короткая шея, сильнее выступающие скуловые кости, более низкий лоб, густая борода, определенная неповоротливость в движениях»¹⁹. Мерцбахер не соглашается с гипотезой Коха, выдвинутой им в связи с наличием на территории проживания карачаевцев большого количества церковных руин о том, что карачаевцы имеют не татарское происхождение, и что они являются потомками генуэзских колонистов, которые были изгнаны с Понтийского побережья. Автор противопоставляет предположению Коха, что эти руины вероятнее всего остались от ранее здесь проживавшего, но позднее изгнанного или переселившегося с данной территории христианского народа.

Весьма спорными представляются нам сведения Мерцбахера о горских татарах, называющих себя «таули» или «таулу». Автор не соглашается с мнением Абиха о том, что горские татары до конца XVIII исповедовали христианство. Мерцбахер считает данное предположение неправдоподобным, а развалины относит к другому народу, утверждая, что горские татары приняли ислам гораздо раньше. Говоря о нравах и обычаях горских татар, исследователь называет урусбиевцев «самыми гостеприимными и благонравными из горцев, которых может встретить путешественник в высокогорьях Кавказа»²⁰. Хотя они, по словам ученого, как и кабардинцы, предпочитают считать себя выходцами из Аравии, их тюркское происхождения не вызывает никаких сомнений.

Кабардинский народ, как пишет этнограф, являясь самой восточной ветвью черкесов, отличается существенным образом, как в языковом, так и в этнологическом отношении от основной части народа. Автор указывает на тот факт, что кабардинцы, несмотря на магометанское вероисповедание, издревле поддерживали дружественные отношения с соседствующими кубанскими казаками и Российской империей. В отношении нравов и обычаев кабардинцев Мерцбахер отмечает, что «поведение и манеры кабардинцев считаются самыми изящными из всех кавказских народов и являются, как и их стиль одежды, а также способ седлания лошадей образцовыми для многих других народов Кавказа, в том числе и для казаков. Даже у грузин, которые согласно древней грузинской хронике носили раньше наряд, существенно отличающийся от нынешнего, кабардинская одежда превратилась в наиболее преобладающую. Одежда женщин отличается своеобразием и богатством; она также принята соседними народами – абхазами, карачаевцами и горскими татарами»²¹.

Говоря об осетинском народе, населяющем территорию к востоку от кабардинцев, автор упоминает о некоторых из многочисленных гипотез о происхождении народа, восходящих к Геродоту, Страбону и Плинию и отмечает, что древняя история осетин все еще окутана тайной, а данные гипотезы требуют доказательств. Мерцбахер указывает на преобладание среди осетин христиан, хотя и подчеркивает факт наличия среди них и представителей мусульманского вероисповедания. Однако, по словам автора, в их культуре продолжают существовать древние языческие обряды, указывающие на древние культы, которые не были вытеснены исламом и христианством. В конце описания автор дает оценку культурному уровню осетинского народа: «Обычаи и жизненный уклад народа соответствует культурному уровню большинства кавказских горных народов, но, все же, расположен на ступень выше, как и уровень грузинского народа, проживающего на Закавказской равнине»²².

Вслед за описанием осетин Мерцбахер приводит краткую историческую справку о чеченцах, называющих себя «нахчи». Однако, особый интерес для автора, как население высокогорных районов, представляет одно из чеченских племен, кисты, или кистинцы. В борьбе Шамиля против России, по словам исследователя, кисты больше всех выдавались своей способностью к военному делу, поэтому под названием кистин нередко русские ошибочно объединяли чеченские племена. Несмотря на это, раньше они, по мнению автора, исповедовали христианство, которое приняли, вероятно, от грузин. Исследователь считает, что доказательством этому служат развалины многочисленных христианских церквей с древнегрузинскими надписями, к которым они и сейчас питают большое уважение.

В завершении своего этнографического очерка Мерцбахер дает самое полное и подробное описание, посвященное лезгинам. При этом автор отмечает, что под названием лезгин объединены народы, говорящие на разных языках и имеющие разное происхождение. Ученый не находит у них ничего общего, кроме мусульманского вероисповедания, а также территории их проживания. Среди многочисленных племен Дагестана он также выделяет такие основные ветви, как аварцы, дидойцы, андийцы, рутульцы, лаки, кюринцы или лезги. Исследователь считает народы Дагестана потомками скифских, монгольских, еврейских, татарских, персидских и тюркских племен, нашедших убежище в горах. Этим он объясняет наличие в Дагестане такого разнообразия диалектов и народностей.

Подводя итоги данного этнографического исследования, автор делает вывод, что на южных склонах Кавказа проживают, в основном,

народы картвельской расы и христианского вероисповедания, а на северных склонах – частично урало-алтайского, а частично – неизвестного происхождения и магометанского вероисповедания. Исследователь, сообщая в данной главе лишь общие сведения о горах Кавказа, которые априори носят лишь ознакомительный характер, предоставляет читателям возможность в рамках путевых заметок, изложенных в последующих главах книги, поближе познакомиться с основными горскими народами, а также узнать об их нравах и образе жизни.

Ценность данного труда для современного кавказоведения возрастает и в связи с тем, что автор, основательно изучив этнографию горских народов и ознакомившись с основными материалами, собранными о Кавказе его предшественниками, провел анализ имеющихся сведений, сопоставив их со своими личными наблюдениями за время пребывания в горах. К моменту выхода книги Мерцбахера европейская научная литература о Кавказе была посвящена, в основном, черкесам, а народы, проживающие в отдаленных высокогорных районах, упоминаются лишь вскользь. Автор произведения не только проводит классификацию горских народов, но и рассматривает основные гипотезы и теории о Кавказе, указывает на особенности, отличающие эти народы друг от друга, объединяя их на основе собранной им информации о происхождении, языке, религии, обычаях и одежде.

Несмотря на большое разнообразие на Кавказе неродственных племен, автор один из первых проводит аналогию между ними, выявляя в их культуре схожие моменты, общие для всех горских народов, но не помешавшие им сохранить свою самобытность и своеобразие. В связи с этим, Мерцбахер рассматривает Кавказ как отдельное этнокультурное пространство, не относя его ни к западной, ни к восточной цивилизации. Тем самым автор отмечает, что кавказская культура вобрала в себя элементы как европейской, так и азиатской культур, а также подчеркивает ее уникальность как связующего звена в культурологической цепочке между Востоком и Западом.

Таким образом, труд путешественника Готфрида Мерцбахера является ценным и содержательным источником по этнографии народов Кавказского высокогорья. Будучи альпинистом, он лично побывал в описанных им ущельях Кавказа, которые, в виду расположения в труднодоступных отдаленных горных районах, редко посещались путешественниками, а, в особенности, иностранцами.

Несмотря на то, что исследование этнографии горских народов не являлось приоритетной целью Мерцбахера, собранный ученым за время экспедиций материал может пролить свет на многие спорные моменты в истории и культуре кавказских народов.

Примечания

1. *Ротоманов П.С.* К вершинам. Хроника советского альпинизма. М.: Физкультура и спорт, 1977. С. 44.
2. *Rieger S.* Prof. Dr. Gottfried Merzbacher, 2006. С. 1. URL: http://www.rijo.homepage.t-online.de/en_mu_index.html.
3. Neue Deutsche Biographie. 1994, Bd. 17. С. 205 URL: <http://www.ndb.badw.de/NDB-Merzbacher-Gottfried.pdf>.
4. *Поздеев-Баица А.* Одиссея Готфрида Мерцбахера. Культурное наследие немцев в Центральной Азии: сборник научно-исследовательских статей на русском и немецком языках. 1-е изд. // Алматы: Возрождение, 2012. С. 41
5. Neue Deutsche Biographie. С. 205.
6. *Ротоманов П.* С. 2.
7. *Hermann Häusler & Diethard Leber.* Auf den Spuren des Geographen und Forschungsreisenden Prof. Dr. phil. h.c. Gottfried Merzbacher. Berichte der Geologischen Bundesanstalt, Band 107. Wien, 2014. С. 35.
8. *Hermann Häusler.* С. 34.
9. Bulletin of the American Geographical Society, 1901. Vol. 33, No. 5. Published by: American Geographical Society. С. 469. URL: <http://www.jstor.org/stable/197503>.
10. *Hermann Häusler.* С. 29.
11. Bulletin of the American Geographical Society. С. 470.
12. The Journal of Geology, Vol. 9. No. 4 (May–Jun., 1901). Published by: University of Chicago Press. С. 360. Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/30058790>.
13. Bulletin of the American Geographical Society. С. 470.
14. *Merzbacher G.* «Aus den Hochregionen des Kaukasus». B.I. Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1901. С. 155.
15. *Merzbacher G.* С. 156.
16. *Merzbacher G.* С. 161.
17. *Merzbacher G.* С. 186.
18. *Merzbacher G.* С. 188.
19. *Merzbacher G.* С. 189.
20. *Merzbacher G.* С. 169.
21. *Merzbacher G.* С. 195–196.
22. *Merzbacher G.* С. 204.

RESEARCH ACTIVITIES OF G. MERZBACHER AND ETHNOGRAPHIC MAP OF THE CAUCASIAN HIGHLANDS

The article is devoted to the study of the cultural heritage and the contribution of Caucasus Studies at the eminent German scientist and mountaineer second half of the XIX century. Gottfried Merzbacher. The material for this article was a two-

volume work of a researcher «From the mountainous regions of the Caucasus», which became the result of two scientific expeditions to the Caucasus and the author published in German in Leipzig in 1901. Since at the moment the work is not translated into Russian, it is little used by domestic caucasiologists because of the language barrier and the rarity of the edition. The aim of this study is an introduction to the scientific revolution of a new source of ethnography of the peoples of the Caucasian highlands, as well as familiarization with the materials it contains.

Keywords: *Europe, Asia, the Caucasus peoples, cultures and customs, ethnography, history of the Caucasus.*

Abaeva Asiyat Musaevna

The trainee-researcher of sector of a medieval and modern history the federal state budgetary science establishment the «Kabardin-Balkar institute of humanitarian research.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. +7-928-709-47-17

E-mail: asiatg@mail.ru

Gudueva Asuana Musaevna

The teacher of chair of foreign languages of secondary professional education Kabardin-Balkar State University named after H.M. Berbekov.

360000, KBR, Nalchik, Chernyshevsky St., 173.

Ph. +7-938-691-25-35

E-mail: asu_ana@inbox.ru

УДК – 94(470.64)

*А.Х. Абазов
И.Я. Картоев*

**ТЕРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ НАРОДНЫЙ СУД (1864–1870):
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА
В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

В статье характеризуется роль и место Терского областного народного суда в судебной системе Терской области в 1864–1870 гг. Определяется состав и структура, подсудность и подведомственность, а также нормативно-правовая база деятельности суда. Отмечается, что Терский областной народный суд представлял собой первый опыт создания судебной инстанции высшего уровня, за пределами компетенции которого оставались административные функции.

Ключевые слова: Терский областной народный суд, судебная система, Терская область, Центральное Предкавказье, Российская империя.

Абазов Алексей Хасанович

К.и.н., заведующий кафедрой Отечественной истории и этнологии, с.н.с. сектора средневековой и новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. 8-928-705-48-40

E-mail: alex_abazov@list.ru

Картоев Ибрагим Якубович

Аспирант 3 года обучения сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. 8 (8662) 42-38-60

E-mail: kbigi@list.ru

Учреждение Терского областного народного суда в первой половине 60-х гг. XIX в. является важным событием в истории судебной системы Терской области по ряду причин. Во-первых, оно совпало с

завершающим этапом Кавказской войны, когда регион находился в состоянии постоянных административно-политических и социально-экономических трансформаций. Во-вторых, учреждение суда представляет собой первый опыт создания в регионе территориального органа, который выступал в качестве апелляционной инстанции по отношению к окружным судам, сформированным по этническому принципу еще в 1858 г.

Следует отметить, что в 1864–1870 гг. иерархия судебных органов в Терской области была представлена следующим образом: Терский областной народный суд – окружные народные суды (Кабардинский, Осетинский, Чеченский, Кумыкский и т.п.) – участковые суды. Однако, формированию этой иерархии предшествовал ряд административно-территориальных и судебных преобразований в регионе. Так, на основании Высочайше утвержденного положения Кавказского комитета *«О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» от 10 декабря 1857 г. в составе Левого Крыла Кавказской линии было создано 4 административных округа (Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский)*¹. В этом же документе регламентировалось учреждение в каждом из перечисленных округов народных судов под председательством окружных начальников.

Переименование же Левого крыла Кавказской линии в Терскую область состоялось на основании Именного указа, объявленного Сенату Министром юстиции, от 8 февраля 1860 г.² Начальником Терской области назначался генерал российской армии. По Положению «об управлении Терской и Кубанской областями» (1860) он приравнивался «к генерал-губернатору центральных губерний России, был одновременно командующим войсками на правах командира корпуса»³.

Во главе округа стоял начальник округа (полковник или генерал)⁴. От окружных начальников зависело решение вопросов общественного, экономического, политического, культурного характера. В подчинении начальника округа находилась окружная администрация, в состав которой входили: окружной суд, начальники участков, полиция и т.д.⁵

Начальники участков также назначались из числа военных чинов.

На основании Высочайше утвержденного Положения «Об управлении Терской областью» от 7 июня 1862 г. (далее. – Положение 1862 г.) Терская область была разделена на три военных отдела (Западный, Средний и Восточный), одно Отдельное Управление и одно Городовое Управление. Каждый отдел делился на округа. Начальник отдела одновременно являлся и начальником одного из округов, входивших в отдел. На основании п. 19 Положения 1862 г. «Начальник Терской области сосредоточивает в себе главную местную власть по

всем частям управления краем: административной, хозяйственной, финансовой, *судебной* и военной, на особых правах, впредь до того времени, пока край будет находиться на военном положении (курсив наш. – А.А., И.К.)»⁶. В п. 20 данного документа устанавливалось, что «по внутреннему управлению подведомственными им отделами Терской области им принадлежит начальство по всем отраслям управления»⁷.

Такое административное устройство региона и формирование системы судебных учреждений диктовало необходимость создания единого суда, деятельность которого распространялась бы на всей территории Терской области. Именно таким учреждением и стал Терской областной народный суд. В целом же, в 1864–1870 гг. принципы иерархии судебных органов Терской области так же регламентировались Положением 1862 г. В ст. 11 документа устанавливалось, что «для судебной расправы между туземцами, учреждается во Владикавказе Главный Народный Суд Терской области, в округах – Окружные Суды, в участках и наибствах – Участковые Суды»⁸.

Так, главный народный суд Терской области был учреждён в 1864 г. во Владикавказе на основании «Положения об управлении Терской областью» от 1862 г. (Далее. – Положение 1862 г.) и на основании Высочайшие утверждённого 21 Мая 1864 г. Дополнения к положениям об управлении городом Владикавказом и Терскою областью⁹. Официальной датой его открытия считается 28 октября 1864 г. – дата издания Высочайшего повеления о его открытии, о чем было сделано оповещение в специальном приказе начальника Терской области¹⁰.

На основании п. 27 Положения 1862 г. Терский областной народный суд учреждался: «1) для рассмотрения поступающих к нему жалоб на неправильные решения Окружных Судов, и 2) для обсуждения всякого рода дел, которые Начальник области сочтет нужным передать на заключение Суда»¹¹. Решения принимались большинством голосов и вступали в законную силу после их утверждения начальником Терской области. В особых случаях решения суда передавались на утверждение Главнокомандующего Кавказской армией¹².

Начальники округов Терской области являлись и председателями окружных судов. Они имели право голоса при вынесении судебного решения. Кроме того, они имели право решающего голоса, в случае, если мнение судей во время голосования разделялось поровну. В Осетинском, Чеченском и Кумыкском округах Терской области председателями окружных народных судов были или сами военные начальники Западного, Среднего и Восточного отделов, или их помощники¹³.

На основании Именного указа «О введении Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. в Кубанской и Терской областях и в Черноморском округе» от 30 декабря 1869 г. Терская область в судебном отношении была отнесена к Тифлисской судебной палате¹⁴.

Согласно ст. 28 Положения 1862 г., председатель назначался по предложению начальника Терской области после утверждения его кандидатуры Главнокомандующим Кавказской Армией¹⁵. П. 2 Временных правил 1864 г. уже определял, что «главный (областной) народный суд состоит под председательством помощника начальника области или другого лица по его выбору»¹⁶. На основании приказа наместника Кавказского от 5 июня 1864 г. должность председателя Терского областного суда занимал коллежский советник Владимир Коломийцев¹⁷.

В состав Терского областного народного суда входили выборные из числа местного населения лица¹⁸. *Помимо него в состав суда в обязательном порядке входил главный кадий региона*¹⁹. Первоначально штат Терского областного народного суда составляли: «восемь депутатов от народа, т.е. по одному от каждого из округов; 3 кадия; делопроизводитель; 4 переводчика; 2 писаря»²⁰. На основании одобренного в 1864 г. Наместником Кавказским штатного расписания Терского областного народного суда²¹, его структура была представлена следующим образом: 1) председатель суда; 2) от Осетинского, Ингушского и Кабардинского округов – 2 кадия и 12 депутатов; 3) от Чеченского, Ичкеринского и Аргунского округов – 2 кадия и 8 депутатов; 4) от Кумыкского и Нагорного округов – также 2 кадия и 8 депутатов; 5) один офицер-делопроизводитель²². Он создавался для рассмотрения в качестве апелляционной инстанции жалоб на решения окружных народных судов Терской области и для решения любых вопросов по усмотрению начальника области²³.

Решения Терского областного суда принимались простым большинством голосов и вступали в законную силу после их утверждения начальником области. Начальник Терской области имел право утвердить решение суда самостоятельно или перенаправить дело для согласования решения с Главнокомандующим Кавказской армией²⁴. *Функции делопроизводителя возлагались на адъютантов начальников округов*²⁵.

Остальные вопросы организации судебного процесса в окружных народных судах, определения их подсудности и подведомственности должны были регламентироваться специальными инструкциями. Кроме того, положение (1862) устанавливало, что для регламентации деятельности Главного народного и окружных народных судов

Терской области должна быть составлена особая инструкция. В ней же необходимо было дифференцировать дела по подведомственности между обычным правом народов региона и шариатом. Такой инструкцией стали утверждённые в 1863 г. начальником Терской области «Временные правила, данные в руководство временным судам, учрежденным при управлениях Терской области»²⁶.

На основании Высочайше утвержденного штата военно-народных управлений Терской области от 29 мая 1862 г., на содержание Терского областного народного суда выделялось 9358 руб. 90 коп. в год²⁷. Председатель Терского областного народного суда получал жалование по месту постоянной работы. Кадью и депутатам выплачивались «столовые» деньги по 60 руб. в год каждому. Кадии и депутаты суда получали «столовые деньги» заблаговременно перед каждым очередным созывом суда. Жалование офицера-делопроизводителя составляло 608 руб. 10 коп. в год²⁸.

Здесь следует отметить, что после принятия Высочайшие утверждённого 21 Мая 1864 г. Дополнения к положениям об управлении городом Владикавказом и Терскою областью и учреждения Терского областного суда в его правоприменительной практике возник ряд сложностей и противоречий. В частности, коллизии в основном касались § 72 Высочайше утвержденного Положения об управлении городом Владикавказом 31 марта 1860 г., в котором отмечалось, что «все общие акты, совершенные жителями Владикавказа на дома и другие недвижимые имущества, в городской черте находящейся, изымаются в течении 20 лет от платежа прожитых пошлин»²⁹. Для властей оставалось неясным: 1) Какие именно категории граждан попадают под определение «жителей Владикавказа» – все жители Владикавказа или те, которые имеют здесь недвижимую собственность или только треть из них, которые приписаны городу? 2) От взноса крепостных пошлин при совершении актов на недвижимую собственность освобождаются все ли приписанные к Владикавказу или только приписанные с правилом на льготы? 3) Если от взноса крепостных пошлин при свершении актов на недвижимую собственность освобождены все лица, владеющие такой собственностью во Владикавказе, то в случае предъявления ими акта, из которых один вид имущества свободен от пошлин, а другой – нет, является ли это основанием для взыскания крепостных пошлин?³⁰ При этом следует учитывать, что в то время право толкования этих норм принадлежало начальнику Терской области.

В целом же, следует отметить, что Терскому областному суду были подведомственны г. «Владикавказ и все лица гражданского ведомства, проживающих в предместьях Терской области»³¹. На основании

действующего на тот момент гражданского законодательства к этой категории граждан можно было отнести «не всех безразлично жителей Владикавказа, а только тех из его обывателей, к какому бы сословию не принадлежали, которые приписаны к этому городу с обязанностью устроить или приобрести во Владикавказе дома, магазины, лавки и прочие хозяйственные обзаведения»³².

1 января 1871 г. в Терской области начали работать Владикавказский Окружной суд с прокурорским надзором, судебные мировые и следственные участки, нотариальные архивы и конторы и т.п. Эти изменения были направлены на реализацию основных положений судебной реформы 1864 г. Указом наместника Кавказа от 30 декабря 1869 г. было объявлено о введении в действие в Кубанской и Терской областях и Черноморском округе судебных уставов, принятых 20 ноября 1864 г., и положения о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. С этого же времени полномочия Терского областного народного суда были прекращены.

Несмотря на сравнительно недолгое существование Терского областного народного суда, его правоприменительная практика накопила достаточно богатый опыт. Однако, большая часть материалов суда до сих пор не подвергалась обработке и анализу и не введена в научный оборот. Все это придает данной проблематике дополнительные исследовательские возможности, что дает возможность определить роль и место Терского областного народного суда в судебной системе Терской области в 1864–1870 гг.

Примечания

1. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII до 1870 г. (на материалах Осетии) (2012): Сборник документов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 183–185

2. Там же. С. 206–207.

3. *Дзидзоев В.Д.* Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ: Ир, 1995. С. 65.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же.

8. Административная практика Российской империи... С. 237–248.

9. ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1.

10. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 427. Л. 107 об. – 109 об.

11. Административная практика Российской империи... С. 237–248.

12. Там же.
13. Там же. С. 242.
14. Там же. С. 335.
15. Там же. С. 237–248.
16. Там же. С. 269.
17. ЦГА РСО-Алания. Ф. 112. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1.
18. Административная практика Российской империи... С. 245.
19. ЦГА РСО-Алания. Ф. 112. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1.
20. Административная практика Российской империи... С. 267.
21. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 64.
22. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 76.
23. Административная практика Российской империи... С. 245.
24. Там же.
25. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 76.
26. Административная практика Российской империи... С. 269–281.
27. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 56.
28. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 76.
29. ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11.
30. ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 11.
31. ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 7–8 об.
32. ЦГА РСО-Алания. Ф. 119. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 13.

THE TERSKY REGIONAL NATIONAL COURT (1864–1870): FROM THE HISTORY OF THE INTEGRATION OF THE CENTRAL CISCAUCASIA INTO LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE

In the article the role and a place of the Tersky regional national court in the judicial system of the Tersky area in 1864–1870 is characterized. The structure, jurisdiction and also standard and legal base of activity of court is defined. It is noted that the Tersky regional national court represented the first experience of the creation of the judicial instance of the highest level outside which competence there were administrative functions.

Keywords: *Tersky regional national court, judicial system, Tersky area, Central Ciscaucasia, Russian Empire.*

Abazov Alexei Hasanovich

The candidate of historical sciences, the senior research associate of the sector of a the medieval and modern history of The Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18

Ph. +7-928-705-48-40

E-mail: alex_abazov@list.ru

Kartoev Ibragim Yakubovich

The graduate student of 3 years of training of the sector of the ethnology of The Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. 8 (8662) 42-38-60

E-mail: kbigi@list.ru

А.К. Бузаров

**М. АБАЕВ ИЛИ С.-Б. СИЮХОВ? КРИПТОНИМ «ГОРЕЦ»:
К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ МАЙКОПА 1912 Г.**

В изучении наследия деятелей прошлого немаловажное значение имеет надёжная атрибуция оставленных ими письменных артефактов. В статье высказан ряд предположений относительно авторства серии заметок в общественной печати за 1912 г., опубликованных под псевдонимом «Горец». Кому они принадлежали: балкарскому общественному деятелю М.К. Абиеву, как принято считать в существующей кавказоведческой литературе, или адыгскому педагогу и публицисту С.-Б. Сиюхову?

Ключевые слова: творческое наследие, персоналия, псевдоним, установление авторства, северокавказская публицистика, «Горец», С.-Б. Сиюхов, М.К. Абиев.

Бузаров Азамат Кимович

Соискатель кафедры отечественной истории АГУ.

РА, г. Майкоп, ул. Пролетарская 271, к. 7.

Тел.: +7-938-551-43-24

E-mail: abuzare@yandex.ru

Не будет преувеличением, на наш взгляд, утверждение, что культурно-просветительное движение северокавказских народов конца XIX – начала XX вв. относится к числу наиболее востребованных и разработанных тем в современной историографии, литературоведении, культурологии региона.

Исследователями, представляющими различные научные школы, опубликовано значительное количество работ, в том числе монографий, посвящённых всестороннему изучению и осмыслению этого неординарного общественного и социокультурного явления предреволюционной эпохи. Существенный и органичный сегмент данного исследовательского поля составляют воссоздание жизненного пути и общественно-научной деятельности конкретных представителей

национальных интеллектуальных элит, с именами, идеями и начинаниями которых собственно и ассоциируется феномен кавказско-горского просветительства; выявление в возможно полном объеме оставленного ими разнообразного творческого и духовного наследия; создание научных жизнеописаний, биобиблиографических трудов и т.д.

При реконструкции научной биографии того или иного исторического деятеля неизбежно возникает необходимость обращения к сохранившимся печатным и рукописным материалам. Именно они служат основной, а подчас, едва ли не единственной источниковой базой для выявления сведений биографического характера, индивидуальных черт личности, общественных, научных, философско-этических взглядов, мировоззренческой позиции исследуемой исторической персоналии. В этой связи крайне важными представляются степень достоверности привлекаемых источников, по возможности их надёжная и убедительная атрибуция, не допускающая сомнительной аргументации, разночтений и двусмысленных толкований.

Несмотря на очевидные успехи в научной разработке биографий и творческого наследия северокавказских деятелей дореволюционного (досоветского) периода, следует все же признать наличие в рамках очерченной проблематики отдельных дискуссионных и спорных вопросов, требующих дополнительного изучения. В ряду стоящих перед регионалистикой исследовательских задач не утратила своей актуальности и проблема установления авторства и научной атрибуции имеющихся литературных артефактов.

Широкое развитие и значительный рост активности кавказско-горской журналистики и публицистики в начале XX в., что является характерной особенностью и отличительной чертой последнего этапа национально-просветительного движения и, вместе с тем, анонимность многих публикаций, частое использование псевдонимов и криптонимов создают определенные объективные сложности в решении обозначенной выше проблемы.

В данном сообщении мы бы хотели высказать некоторые предположения относительно авторства ряда корреспонденций и заметок, опубликованных под псевдонимом «Горец» в газете «Майкопский листок» за 1912 г.¹ Две из них («В царстве нефти...» и «Белореченский атаман и иногородняя школа») были включены с краткими аннотациями в фундаментальную «Библиографию Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи», составленную и изданную Р.У. Тугановым в 1967 г. Впоследствии в кавказоведческой литературе априори утвердилось мнение о принадлежности их перу известного балкарского

деятеля М.К. Абаева, в газетных заметках 1890-х гг. иногда прибегавшего к этому, весьма популярному в ту пору среди горских авторов псевдониму².

Существует обширная литература о жизни, общественной и просветительной деятельности Мисоста Абаева³. Заметное место в ней отведено и его служебной карьере, перемещениям по службе. М. Абаев — один из немногих горцев, занимавших высокие и ответственные посты в структурах военно-казачьей администрации, непосредственно связанных с управлением коренным населением края. Биографы отмечают личный вклад М. Абаева в хозяйственно-экономическое и культурное развитие соплеменников в бытность его начальником участков Баталпашинского отдела Кубанской и Нальчикского округа Тёрской областей. Свою служебно-административную деятельность М. Абаев совмещал с занятием литературно-журналистским творчеством. В публикациях передового кавказского деятеля нашли отражение его гражданская позиция и взгляды на правовое положение, развитие образования и культуры, состояние хозяйства и быта, а также историческое прошлое горского населения вверенных ему «участков», основанные на морально-этических ценностях просветительской идеологии. Сказанное в полной мере относится и к периоду пребывания М. Абаева в Адыгее в 1890-е гг. Как свидетельствуют архивные документы, будучи участковым начальником над горами Екатеринодарского отдела Куб. области, корнет М. Абаев в меру своих сил и в рамках должностных полномочий способствовал решению злободневных вопросов хозяйственно-экономической и социальной жизни прикубанских черкесских селений. Содействовал развитию образования, открытию первых светских школ, в частности, Понежукаевского начального училища. Не без его участия для горцев Екатеринодарского отдела была учреждена третья дополнительная стипендия в Кубанской учительской семинарии. «...*Иметь в своих сельских школах учителей своих же черкесов, принесет несравненную выгоду*», — читаем в одном из его рапортов вышестоящему начальству⁴. Мисост Абаев оставил несколько содержательных заметок в екатеринодарской прессе, описав ряд знаменательных событий из общественной жизни западных адыгов 1895–96 гг., очевидцем и участником которых ему довелось быть в силу своих должностных обязанностей. В конце 1896 г. М. Абаев переводится в Баталпашинский отдел и вся его последующая деятельность, как явствует из приводимых в литературе биографических сведений, не имела какого-либо отношения к Адыгее, в т.ч. «Майкопскому отделу». Последнее обстоятельство уже само по себе заставляет усомниться в принадлежности майкопских

публикаций 1910-х гг. Мисосту Абаеву. Но фактор географической и административно-территориальной «удаленности» не основное и не единственное противоречие в устоявшейся литературоведческой традиции. Непосредственное обращение ко всей серии заметок в майкопской газете (ранее, к сожалению, практиковался сугубо избирательный подход) предоставляет любопытный материал для более обоснованных и правдоподобных гипотез, нежели существующая. Не прибегая к полному и исчерпывающему анализу содержания и стилистических особенностей интересующих нас публикаций, остановимся вкратце на наиболее примечательных и заслуживающих особого внимания моментах.

Помещенный редакцией «Майкопского листка» в сентябрьских номерах газеты за 1912 г. материал представлял собой цикл заметок и корреспонденций с мест, своего рода небольшое критическое обозрение событий и явлений местной жизни – довольно популярный в ту пору жанр провинциальной общественной журналистики. География сообщений ограничивалась территорией сельских поселений предгорной зоны Майкопского отдела вблизи его административного центра и самим Майкопом. Их тематика – от открытия казённой винной «монополки» и злоупотреблений писаря в одной из станиц до «инострального засилья» в Майкопском нефтяном районе – требовала от корреспондента детальной осведомленности о сюжете сообщения и, соответственно, его непосредственного нахождения в данной местности или регионе. Нельзя не обратить внимание и на то, что во всех публикациях, так или иначе, присутствовала школьная тематика. Только открытие народных школ, широкое распространение образования, рациональных знаний и сведений, по убеждению их автора, позволит наиболее эффективно противостоять негативным общественным проявлениям и социальным недугам, подобным тем, которые он сделал достоянием гласности посредством печатного слова. В заметках, помимо прочего, приводятся конкретные сведения и факты из повседневной учебной практики сельских училищ IV (Майкопского) учебного района. Вышеизложенное позволяет с большой долей уверенности предположить род занятий и профессиональную принадлежность «Горца».

Так кто же в действительности скрывался за этим псевдонимом? По имеющимся сведениям, лишь один горец – народный учитель по профессии – находился в этот период в пределах предгорной зоны Майкопского отдела и учебного района. В апреле 1912 г. сюда, как следует из формулярного списка о службе, а также автобиографии, на должность учителя Махошевского двухклассного училища был назначен Сефер-Бей Сиюхов⁵. Перевод в станичную школу явился

следствием санкции учебного начальства, недовольного общественной активностью и острыми выступлениями в печати просветительски настроенного черкесского педагога. В автобиографических материалах С.Х. Сиюхов откомментирует этот эпизод своей биографии следующей примечательной записью: *«Мои настойчивые требования о создании для всего черкесского населения хотя бы одной школы повышенного типа и вообще уделения черкесам соответствующей доли из отпускаемых казной денег были истолкованы как противоречие начальству, и я был из аула переведён в казачью станицу, очевидно, как говорится, чтобы отлучить от бушевавших меня дум и чувств...»*⁶.

Публикации в «Майкопском листке» по своей стилистике, тематическому диапазону и гражданскому пафосу близки и созвучны литературно-публицистическому творчеству С.-Б. Сиюхова. Подобно М. Абаеву, другим прогрессивно мыслящим представителям кавказской культуры, в ранний период деятельности С.-Б. Сиюхов придерживался идеологии просветительского гуманизма. Он искренне верил в очистительную и преобразующую силу просвещения, в возможность посредством школьного образования народных масс решать сложные и насущные вопросы социальной и общественно-политической действительности. Школьная проблематика публикаций «Майкопского листка» перекликается с известными и в настоящее время надёжно атрибутированными публицистическими статьями и педагогическими работами адыгского просветителя. Введение всеобщего и доступного, без сословных и национальных ограничений образования, учреждение народных училищ, строительство новых школьных зданий, расширение штата учителей, критика консервативных «темных сил», противодействующих прогрессивным тенденциям в народном просвещении, – все это неизменно присутствовало в публицистике С.-Б. Сиюхова. Свои газетные и журнальные статьи, как известно, он зачастую подписывал характерными псевдонимами: «Абадзех», «Черкес», «Катон-Горский»...

И ещё одно немаловажное обстоятельство, которое, как представляется, может служить весьма убедительным аргументом в пользу высказанной нами версии. В одной из корреспонденций «Горца» приводятся подробности чествования местным учительским сообществом старейшего деятеля просвещения г. Майкопа Л.Х. Стражева⁷. Воспитанник Ладожской семинарии, «последний семёновец»⁸ Лаврентий Стражев – бывший учитель и классный наставник С.-Б. Сиюхова по Майкопской горской школе, чьё имя неоднократно упоминается в мемуарных записях зачинателя адыгской научно-педагогической мысли. В заметке о чествовании Л. Стражева этот деятель народного образова-

ния характеризуется как опытный учитель, талантливый школьный наставник и воспитатель, приверженец лучших традиций отечественной педагогики. С.-Б. Сиюхов – его питомец, а позже и коллега «по цеху», выпускник той же Ладожской семинарии, очевидно, присутствовавший на упомянутом юбилее, несомненно, располагал подобного рода сведениями и информацией. Но откуда о них могло быть известно М. Абаеву, исполнявшему в это время должность участкового начальника над горцами Баталпашинского отдела?

Остается добавить, что серия публикаций «Горца» прервется вскоре после отъезда С.-Б. Сиюхова на новое место службы в Екатеринодарский отдел.

Примечания

1. Горец. В царстве нефти. Тогда и теперь // Майкопский листок. 1912. № 5–6; Школьный вопрос // Там же. № 6. С. 3–4; Тёмные силы // Там же. № 7. С. 4; Станичная жизнь. Ст. Нефтяная // Там же. № 8. С. 3; Юбилей // Там же. С. 4; Белореченский атаман и иногородняя школа // Там же. № 9. С. 2.

2. Достаточно обратиться к библиографическим работам того же Р.У. Туганова, чтобы убедиться в чрезвычайной и вполне объяснимой распространенности его в кавказской печати той эпохи.

3. *Азаматов К.Г.* Об общественно-политических взглядах М.К. Абаева // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX–начале XX в. Нальчик, 1976. С. 263–276; *Азаматов К.Г., Хутуев Х.И.* Мисост Абаев. Нальчик, 1980; Мисост Абаев (1857–1928) // Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Т. 1 / Сост. Т.Ш. Биттирова. Нальчик, 1993. С. 141–219; *Биттирова Т.Ш.* Абаев Мисост Кучукович (1857–1928). Жизнь и деятельность. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.balkaria.info/library/b/bittirova/m-abaev.htm> (дата обращения: 10.10.2012).

4. Государственное учреждение Национальный архив РА (далее – ГУ НАРА). Ф. 21. Оп. 1. Д. 210. Л. 3–6.

5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 470. Оп. 2. Д. 6273. Л. 2. С. 1; Сефербий Сиюхов – адыгский просветитель / Сост. и коммент. К.И. Бузарова и Аз.К. Бузарова. Майкоп, 1991. С. 16, 23–24.

6. ГУ НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 9. Л. 86.

7. Горец. Юбилей // Майкопский листок. 1912. № 8. С. 4.

8. *Семёнов Д.Д.* (1834–1902) – российский педагог-реформатор, последователь К.Д. Ушинского; в 1870-е гг. возглавлял Кубанскую (Ладожскую) учительскую семинарию.

**M. ABAYEV OR S.-B. SIYUKHOV? CRYPTONYM «GORETZ»:
TO THE PROBLEM OF ATTRIBUTION OF SOME PUBLICATIONS
IN THE PUBLIC PRESS OF MAIKOP 1912**

Reliable attribution of literary texts is important for science of the Northern Caucasus. In the private press in the city of Maikop, in 1912, was published several articles and notes under the pseudonym «Highlander». Who the author of these articles: balkar publicist M.K. Abaev or circassian teacher S.-B. Siyukhov?

Keywords: artistic heritage, nickname, attribution, North Caucasian journalism, «Highlander», S.-B. Siyukhov, M.K. Abaev.

Buzarov Azamat Kimovich

Competitor for Candidate degree of National History Department of Adyghe State University, RA, Maikop.

RA, Maikop, Proletarian St., 271, ap. 7.

Ph. +7-432-455-19-38

E-mail: abuzare@yandex.ru

Н.В. Варивода

**ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
В ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ СФЕРАХ В XVIII–XIX ВВ.**

В статье исследуются процессы адаптации восточнославянского населения Центрального Предкавказья в новом хозяйственно-экономическом и социо-культурном пространстве. Автор также рассматривает факторы, способствующие активизации контактов переселенцев с коренными народами региона, а также некоторые аспекты их взаимоотношений, что облегчало адаптационные процессы.

Ключевые слова: адаптация, взаимоотношения, Северный Кавказ, горцы, казаки, крестьяне, торговые сношения, хозяйственный опыт, заимствование, Кавказская война.

Варивода Наталья Владимировна

Н.с. сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. 8 (8662) 42-31-70

E-mail: variks1@yandex.ru

Во второй половине XVIII в. в связи с активизацией политики Российской империи на Северном Кавказе усиливается русская колонизация региона. С 70-х гг. XVIII в. Россия начинает создавать Кавказскую линию, стремясь тем самым прочно закрепиться в регионе, рассматривая как одну из основных задач создание здесь многочисленного и сильного кавказского казачества. Так, в документах того времени отмечалось, что «единственно надежным средством для прочного утверждения нашего владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим вооруженным казачьим населением»¹.

Оказавшись на Северном Кавказе, казаки вынуждены были приспособляться к новому хозяйственно-экономическому и социо-

культурному пространству. Процессы адаптации проходили сложно, но им способствовали те контакты, которые переселенцы устанавливали с местными жителями. В.Л. Величко справедливо заметил, что если пересадить дерево в чуждую ему почву, то оно постепенно переродится и изменится в отношении внешности и плодов. «Не подлежит сомнению, что такой перемене подвержен и человек»². Это высказывание подтверждает домашний уклад быта и характер казака, который сохранял на себе отпечаток любопытного соединения чисто русских основ с основами «азиатскими».

Стихийная колонизация отдельных территорий Северного Кавказа на ранних этапах не приводила к серьезным столкновениям между горцами и выходцами из России. Но форсирование правительством с XVIII в. колонизации привело к возникновению принципиально новых условий взаимодействия столь различных культур, что осложняло их постепенную адаптацию друг к другу. Однако и в этих условиях общение русских переселенцев с горцами не прекращалось. Даже во время Кавказской войны продолжало развиваться хозяйственное и культурное взаимодействие русских с коренными народами. Укреплялось экономическое сотрудничество между русским населением и местным, росла торговля.

Торговые сношения казаков с Кабардой всегда были активными. В казачьи городки приезжали кабардинские уздени и владельцы. В 1745 г. атаман гребенцов сообщал в Астрахань, что, в свою очередь, «казаки часто ездят в Кабарду и горские жилища». Так, он рассказывает о поездке казаков Каргалинской станицы в Кабарду: «А для мены при них имеются рыбы 500 спинок, икры 30 кулей, соли 8 пудов. В пути к ним присоединились гребенские казаки, и дальнейший путь они совершили вместе до сказанной Кабарды, для той означенной мены хлеба, платья, воску»³. В Кабарде казаки особенно часто покупали лошадей под верховую езду, так как лошади кабардинской породы очень высоко ценились. В свою очередь и кабардинцы весьма активно торговали с русским населением. При этом Россия придавала торговле с Кабардой немаловажное значение. Так, в рапорте кизлярского коменданта Н.А. Потапова говорится о мерах по развитию через Кизляр торговли с кабардинцами⁴. В XVIII в. главными пунктами торговли с горцами стали новые русские города на Тереке – Кизляр и Моздок.

Несмотря на строгие запреты, связанные с меновой торговлей, горцы скрыто входили в непосредственные контакты с русскими. Офицер Головин сообщал в 1842 г. «о проложенных малокабардинцами и казаками через Терек по льду дорогах и производимой между ними

торговле»⁵. В феврале 1848 г. смотритель Прохладненского менового двора писал, что «жители Прохладной станицы продают секретно соль приближенным горцам кабардинским жителям, тогда как для этих народов существует здесь казенный магазин, из которого в настоящее время расхода соли почти не бывает»⁶. С 1853 г. меновые дворы были отданы на откуп купцу первой гильдии Крутицкому⁷. Откупная система еще более сковывала развитие торговых сношений русских с горцами. Поэтому горцы предпочитали свободную торговлю строго регламентированной меновой торговле.

В ходе тесных отношений казаков и кабардинцев происходил взаимный обмен хозяйственным опытом, заимствование различных элементов культуры. Гребенские казаки в земледелии использовали кабардинский плуг, осваивали новые сроки посева и уборки, долго выращивали просо, как основную зерновую культуру, разводили скот кабардинской породы, приспособленный к местным природно-климатическим условиям. В системе жизнеобеспечения кабардинские элементы просматриваются в употреблении казаками «пасты» (густого пшена), строительстве турлучных жилищ. В то же время русские переселенцы способствовали развитию на Северном Кавказе садоводства и огородничества, строительных навыков и т.д.

В контактной зоне взаимообогащение традиционной русской и северокавказской культур происходило и в военно-бытовой сфере. Все полезное и необходимое в области военного искусства вольные казаки перенимали у своих соседей. Так, казаки ценили кабардинское оружие, конское снаряжение. Лошади у казаков, как правило, были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Военное воспитание, игры, скачки, выправку и все приемы наездничества казаки заимствовали также у горцев. Кавказская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, впоследствии в силу ее удобства была узаконена и стала форменной для терского и кубанского казачьего войска. Заимствуя у горцев форму одежды, казаки прекрасно понимали, что таковая возникла не по произволу, а является следствием векового боевого и жизненного опыта, благодаря чему она столь удобна в походных условиях. «Приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, – пишет М. Арнольди, – находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями... не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещеголяли черкесов»⁸.

В установлении мирных, добрососедских отношений между горцами и казаками немалую роль играли беглецы из среды кавказских народов. Горские крестьяне находили у казаков приют, хороший прием, волю и свободу, возможность трудиться на себя. Естественно, что в русских крепостях и казачьих городках с их смешанным русско-северокавказским населением взаимное проникновение различных элементов культуры и быта было более интенсивным и стабильным.

«Инородческий» элемент вливается в казачью среду особенно активно в XVIII–XIX вв., когда царское правительство, стремясь восполнить численность, переводит в казаки отдельные группы кавказских народов. В 1765г. в Моздоке сформирована казацкая команда из числа беглых осетин и кабардинцев. Семьи этих казаков составили в Моздоке свободное общество под названием «казачьей братья». Один из семейства переселенцев записывался в казаки и тем самым избавлял остальных членов семьи от возврата прежним владельцам⁹.

Ценные сведения о процентном отношении казаков – «иноверцев» в полках Терского войска даёт С. Писарев. По этим данным численность коренного населения была наиболее высокой в Кизляро-Гребенском полку¹⁰. Это объясняется тем, что образование кизляро-гребенских станиц произошло в конце XVI – первой половине XVIII в., когда особенно упрочились дружественные отношения между казаками и местными народами.

Весьма заметную роль во взаимоотношениях между казаками и местными народами играла женщина. Горские, гребенские казаки в силу того, что изначально представляли исключительно мужское население роднились с местными народами, фактически ассимилируя вливающиеся в их среду инородческие элементы, и в результате появился особый генотип – гребенской казак. Гребенская женщина во множестве случаев была местного горского происхождения. А.Ф. Щербина отмечал, что «... русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывала жен на Кавказе»¹¹. Отношения между членами семьи у казаков носили ярко выраженный патриархальный и авторитарный характер, как это было принято в традиционных кавказских семьях. Команды старшего в семье и даже наказание никогда не подвергались сомнению. Разводы у терцев были очень редкими. Это можно объяснить особым престижем брака у казаков, более высоким социальным статусом семейного человека в станицах и, несомненно, влиянием горских народов, где разводы также были крайне редкими.

Если казачки становились женами кавказских горцев, это происходило, в основном путем, похищения, а не традиционного для казаков сватовства. С течением лет они перенимали горские обычаи и язык, рожали детей. «Кубанские войсковые ведомости» сообщают о казачке Аксинье, вышедшей из плена «с грудным детем», лет 40-ка, которая «разговор по-русски мало знает»¹². Видимо, она была похищена маленькой девочкой и за 30–35 лет, прожитых в горской среде, практически забыла родной язык. Такие пленницы даже при имеющейся возможности не возвращались в родные станицы.

Межэтнические браки наряду с укреплением экономических и культурных связей между казаками и горцами способствовали складыванию традиций куначества – этого своеобразного обычая кавказского побратимства. Он связывал кунаков не только взаимным гостеприимством, но и взаимопомощью. Этот институт имел двойное значение: социальное, для укрепления социальной стабильности в обществе, и этническое, для установления и поддержания межэтнических контактов. Оно было так прочно усвоено казаками, что стало составной частью их стереотипа поведения. Проявлением дружественных связей между казаками и кабардинцами можно считать и общую практику такого древнего семейно-общественного института, как аталычество.

В дореформенный период, несмотря на боевые действия, часть казаков сохраняла в горах кунаков и родственников, знала их язык, обычаи. Конфликт, в который они были вовлечены, являлся своеобразной формой межэтнического контакта, в ходе которого «происходило сопоставление-противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлежность, стадийный уровень и пр.), при этом выяснялись многие общие черты материальной и духовной культуры»¹³. Ментальность казаков была очень близка к кавказским народам. Это и присущая им воинственность, независимость характера, главенство мужчины в семье и др. Эта схожесть, с одной стороны давала почву для конфликтов на бытовой почве, а с другой стороны и помогала их сближению.

Новый этап в заселении региона приходится на 60-е гг. XIX в., которые ознаменовались важными политическими событиями, судьбоносными для всех народов России, в том числе и Северного Кавказа, куда в эти годы усиливается массовое переселение, достигшее апогея в конце XIX в. Массовость миграции была связана с тем, что плановые правительственные и стихийные переселения слились в единый поток. Этот этап заселения края совпал с «экономическим завоеванием» Кавказа.

С переселением большого числа русского населения в Предкавказье еще более заметным стало хозяйственное заимствование и взаимовлияние культур. Под влиянием русских крестьян, поднимавших целину в предкавказских степях, земледельческая культура стала шире распространяться и в предгорной зоне Северного Кавказа. Горские народы стали увеличивать посевы, перенимать от русских более совершенные приемы полеводства, более высокую технику земледелия, стали применять озимые посевы, высевать новые для них культуры (гречиху, рожь, подсолнухи). «Кабардинцы... стали сеять хлеб вместо одного проса, иные завели даже плуги, сакли и усадьбы их улучшились, и вообще хозяйство многих кабардинцев стало приближаться к русскому»¹⁴. Семена для посева кабардинцы покупали или получали в подарок от русских крестьян. Постепенно обогащалась и сельскохозяйственная техника горцев: у русских соседей заимствовали более совершенные фабричные орудия труда – плуг, борону, «литовку».

Под влиянием общения с русским населением и расширения рыночных связей происходило дальнейшее развитие горских кустарных промыслов, которые в большей степени стали приобретать характер ремесла. Особенно это относится к производству бурок, черкесок, оружия, ювелирных изделий.

У коренных народов происходили перемены в области домашнего обихода, построек. В результате общения с русским населением вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца стали появляться русская печь, железная кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы и другие бытовые предметы. У некоторых народов сама комната с печью стала называться «печь». Крышу стали покрывать черепицей или жостью. Строили такие дома обычно русские плотники, печи клали русские печники, которые приходили на заработки в горские аулы. «Кабардинцы – говорилось в корреспонденции газеты «Кавказ» за 1848 г., – особенно легко принимают у себя в хозяйстве всякое нововведение... Свободные жители губернии, казаки, отставные солдаты, мещане ездят в Кабарду к князьям, богатым узденям на работу, строят им дома, мельницы, конюшни, разводят сады, делают мебель, посуду и разные полезные вещи, жители с любопытством смотрят на их работу и слушают их наставления и замечания»¹⁵.

В свою очередь, в постройках русского населения прослеживается горское влияние. Оно проявлялось в самом характере построек, их внешнем виде, технике строительства. Например, жилища с плоскими крышами из турлука, самана, глины, камня. Горское влияние ощущалось

и в интерьерах русских жилищ. По словам И. Попко, «по стене было развешено оружие и доспехи, в углу горкой возвышались постели и одеяла, сложенные на кавказский манер ровными кипами; на полочках красовалась медная посуда...»¹⁶.

Таким образом, с появлением русских переселенцев на Северном Кавказе, между ними и горцами налаживаются устойчивые взаимоотношения, основанные на хозяйственном и культурном взаимодействии. Культура русских, как и местного населения, оказалась достаточно динамичной и пластичной, что позволило ей благополучно адаптироваться в новом природном окружении и социуме.

Примечания

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. № 589.
2. *Величко В.Л.* Кавказ. Баку, 1990. С. 186.
3. Цит. по: *Коломиец В.Г.* Очерки истории и культуры терских казаков. Нальчик, 1994. С. 25.
4. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 246.
5. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 163. Л. 23–24; Оп. 2. Д. 42. Л. 2.
6. ЦГА КБР. Ф. И-49. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.
7. *Чекменев С.А.* Переселенцы. Пятигорск, 1994. С. 72.
8. Цит. по: *Вилинбахов В.Б.* Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик, 1982. С. 241.
9. *Голованова С.А.* «Инородцы» в этнокультурном пространстве казаков Терка // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции. М.-Ставрополь, 2001. Ч. 2. С. 253.
10. *Писарев С.* Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Владикавказ, 1881. С. 43.
11. Цит. по: *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 63.
12. *Цыбулькинова А.А.* Роль женщин в процессах мирного взаимодействия казаков и горцев Северного Кавказа в XVIII–XIX вв. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. URL: <http://www.aheku.org/page-id-3521.html> (дата обращения 10.08.2013).
13. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-н/Д., 2001. С. 225.
14. Цит. по: *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 100.
15. Кавказ. 1848. № 22.
16. *Попко И.* Казаки с стародавних времен. СПб., 1880. Т. 1. С. 122.

THE PROCESSES OF ADAPTATION OF THE EAST-SLAVONIC POPULATION OF THE CENTRAL CISCAUCASIA IN ECONOMIC AND CULTURAL SPHERES IN XVIII–XIX CENTURIES

The article examines the processes of adaptation of the East Slavonic population of the Central Ciscaucasia in a new economic and socio-cultural space. The author also examines the factors contributing to the increase of immigrants with the indigenous peoples of the region, as well as some aspects of their relationship, which contributed to adaptation processes.

Keywords: *adaptation, the interrelation, North Caucasus, the mountaineers, the cossacks, peasants, commercial relations, economic experience, adoption, Caucasian war.*

Varivoda Natalia Vladimirovna

Federal State Budget Institution «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies» Researcher in modern history

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. 8 (8662) 42-31-70

E-mail: variks1@yandex.ru

ВОВЛЕЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКУЮ СТРУКТУРУ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

В статье анализируются интеграционные процессы, происходившие среди горского населения во второй половине XIX в. Автор обращает внимание на особенности административно-территориальных изменений, и на то, как они влияли на общественный быт горских народов.

Ключевые слова: *Российская империя, Кубанская область, Терская область, Дагестанская область, наместничество, приставство, административный округ.*

Глашева Зулейха Жамборовна

К.и.н., н.с. сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. +7-928-701-25-27

E-mail: zu-20.80@list.ru

Усиление позиций Российской империи на Северном Кавказе сопровождалось изменениями в сложившихся веками социально-экономических и политических отношениях. К первой половине XIX в. на Кавказе имелось множество разрозненных, отличающихся по экономическим, социально-политическим и культурным характеристикам районов. Кавказские народы не в одно и то же время устанавливали и формировали свои отношения с Россией, что стало причиной распространения в регионе различных форм управления.

Кавказское наместничество являлось высшим государственным учреждением на Кавказе, которое совмещало в себе административные, военные и гражданские функции. Управление Кавказом имело обособленный характер обособленности, российские министры не вмешивались в дела наместничества¹. Создание и преобразование органов администрации проводились постоянно, по мере завоевания той или иной территории.

Преобразования административно-управленческого аппарата на Северном Кавказе осуществлялись в течение длительного времени – с 60-х гг. XVIII в. до конца XIX в. В рамках этого периода можно выделить несколько этапов: первый этап приходится на период Кавказской войны и связан с постепенным присоединением к России горских народов и введением у них приставских управлений; второй этап охватывает вторую половину XIX в., и связан с упразднением прежних многочисленных приставских управлений и созданием вместо них системы военно-народного управления.

В поиске оптимальных административных преобразований интеграции горских обществ в общегосударственное политико-правовое поле в Петербурге нередко прибегали к взаимоисключающим политическим установкам: от «невмешательства» во внутренние дела горских общин и «постепенности» в вовлечении их в «государственность» до активного, нередко насильственного насаждения по общеимперскому образцу административных моделей и управленческих институтов. При этом разработка конкретных административных мероприятий и реализация их на практике зачастую становились результатом сочетания и борьбы противоположных систем взглядов на кавказскую политику – регионализма и централизма, воплощавшего сугубо прагматические цели правительства по отношению к региону. Соответственно, изменялось и соотношение внутренних, характеризующих собственное социально-политическое развитие местных народов, и внешних, представленных государственными преобразованиями, факторов, определяющих степень вовлеченности традиционного социума в трансформационные процессы.

Активизировалась работа по сбору сведений о горских народах, эта потребность связана была с развитием торговых отношений в среде горцев². В результате русскими офицерами были собраны ценные статистические, топографические, этнографические материалы о горах. Мероприятия проводимые царским правительством в рамках государственно-административной политики, основанной на принципах централизма, положили начало новому этапу в становлении и утверждении Российской империи на территории Северного Кавказа.

В дореформенный период царская Россия «...не касалась основ социального строя народов Северного Кавказа, оставляя их подвластными своим ханам, князьями и старшинам»³. Сохранялись привычные традиционные нормы судопроизводства, за горской элитой сохранялись привилегии, что в итоге должно было привести к лояльности по отношению к российской власти. Со временем существовавшая приставская система управления перестала удовлетворять кавказское

начальство. Во-первых, разновременность принятия покорности небольшими обществами одного и того же народа и военные обстоятельства привели к ситуации, когда один этнос оказывался разделенным на несколько приставств. Во-вторых, к концу 50-х гг. их число увеличилось. В-третьих, пристав не мог принимать участия в судебных делах⁴. Приставства в сложной военно-политической обстановке не способны были в случае необходимости сдерживать недовольство политикой властей.

3 февраля 1860 г. Александр II издает Указ, согласно которому Правое крыло Кавказской линии стало именоваться Кубанской областью; левое крыло – Терской областью⁵; все пространство, находящееся к северу от главного хребта Кавказских гор и включающее в себя Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию, стало именоваться Северным Кавказом. Во-первых, была изменена система приставских управлений: на Левом крыле Кавказской линии они были полностью упразднены, вместо них были образованы округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский, Кумыкский⁶, затем из земель, попавших в сферу влияния российской власти, было образовано еще два округа – Аргунский и Ичкеринский. На правом крыле Кавказской линии вместо шести приставств было образовано четыре: Нижнее-Прикубанское, Закубанских ногайцев, Тахтамышевское и Карачаевское⁷. Во-вторых, одновременно с административно-территориальными преобразованиями проходила реорганизация судебной системы, введение на северокавказских территориях горских словесных и окружных судов, руководствовавшихся в своей практике, как нормами обычного права, шариата, так и нормами российского законодательства⁸.

Административно-территориальные преобразования на Правом и Левом крыльях Кавказской линии, продиктованные условиями военного времени, проводились без учета исторически сложившихся географических границ проживания горских народов, хозяйственных нужд. Округа были сгруппированы из разных этносов, стоящих на различных уровнях социально-экономического, правового и культурного развития. Расположенные в указанных областях казачьи линейные войска были преобразованы в Кубанское и Терское казачьи войска. В руках начальника области была сосредоточена вся полнота военной и административной власти на всей территории области. Остальная территория, которая раньше называлась Предкавказьем, стала именоваться Ставропольской губернией. Здесь административно-территориальное деление и управление было такое же, как и во внутренних губерниях России. Дагестан, за исключением части

кумыкского населения, приписан был к Закавказью. Стратегическое значение Северокавказского региона, сложный состав многоэтничного населения требовали как от центральной, так и от региональной власти особого внимания.

Земельные преобразования во второй половине XIX в. были одним из самых важных направлений в политике Российской империи на Северном Кавказе. В рамках земельной реформы проводилось размежевание земель и наделение горцев правами пользования и владения землей. В отличие от Центральной России, на Северном Кавказе земельно-крестьянская реформа проводилась в несколько этапов. Первый этап заключался в размежевании земель и определении их юридического статуса, второй – в ликвидации патриархального рабства и освобождении крестьян от личной зависимости.

Проблема освобождения крестьян от крепостной зависимости представляла не меньшую значимость для горских народов. К ее разрешению царская администрация приступила после отмены крепостного права в Закавказских губерниях. Крестьянская реформа проводилась с 1867 по 1869 гг. В ее основу легли основные принципы крестьянской реформы 1861 г. с учетом местных особенностей. Одновременно земельная и крестьянская реформа способствовали обложению горского населения государственными податями, средства от которых шли на местные нужды. Составными частями налогов являлись **подымная подать** (с 1865 г.), **общественные мирские повинности** (с 1871 г.).

В этот период начинается активное переселение кавказских горцев, недовольных политикой России, в Османскую империю. Причины этого явления носили как политический, так и социально-экономический и религиозный характер (малоземелье, недовольство консервативной части горской знати земельной политикой, потерей политических прав, пропаганда мусульманского духовенства).

Положение от 30 декабря 1869 г. вводило у горских народов гражданское управление. 1 января 1871 г. военно-народные управления были ликвидированы. Совершенствование административной структуры Кубанской и Терской областей в 1871 г. вызвало необходимость в новом положении, принятом в 1876 г. под названием «Учреждение управления Кавказского и Закавказского края». Новое Положение определяло административное деление Кубанской и Терской областей: первая делилась на 5 уездов (Ейский, Темрюкский, Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский), вторая – на семь округов (Пятигорский, Владикавказский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Кизлярский и Хасав-Юртовский)⁹. К 1878 г. Кубанская

область увеличила число своих уездов до семи – прибавились Кавказский и Закубанский, а в Терской области – окружное деление было заменено на уездное.

Военно-народная система управления, созданная для обеспечения покорности горцев и укрепления позиций российских властей в регионе после завершения Кавказской войны исчерпала свой прежний стабилизирующий потенциал. В новых социально-политических и экономических условиях стало очевидным, что эта система не способна гарантировать и поддерживать политическую стабильность в крае, сама в определенной мере становится причиной данной нестабильности, препятствуя созданию условий для удовлетворения растущих потребностей населения, консервируя устаревшие принципы управления горцами.

С начала 80-х гг. XIX в. правительство взяло курс на унификацию системы управления в национальных окраинах. Благодаря изменению этнического состава населения края, то есть тому, что русское казачье и крестьянское население уже составляло большинство жителей Северного Кавказа, правительство восстановило ряд принципов военно-народного управления, передав основные административные функции казачьему начальству¹⁰. Основным содержанием новых преобразований явился переход региона в подчинение Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе.

В соответствии с новым положением «Об учреждении управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом» от 24 марта 1888 г. на Северном Кавказе были проведены очередные административно-территориальные преобразования. В Кубанскую область входило семь отделов: Ейский, Темрюкский, Екатеринодарский, Майкопский, Кавказский, Лабинский и Баталпашинский. Терская область делилась на три отдела: Кизлярский, Пятигорский и Сунженский и четыре округа: Нальчикский, Владикавказский, Грозненский и Хасав-Юртовский¹¹. Управление территориями и народами Северокавказского региона передавалось командующему войсками Кавказского военного округа, а на местах – в Кубанской и Терской областях – атаманам казачьих войск, которые в военном отношении наделялись правами начальников дивизий, а в гражданском им присваивались права генерал-губернаторов. Власть атаманов участков была значительно расширена, особенно в отношении горского населения. Военно-народные округа были упразднены, уезды заменены отделами, в которых вся власть принадлежала казачьей администрации.

Административно-территориальные преобразования можно разделить на несколько этапов:

- установление системы приставских правлений, положивших начало административно-политическим изменениям в северокавказском регионе в составе Российской империи;
- завершение Кавказской войны, переход к новому административно-территориальному делению региона;
- образование Кубанской и Терской областей;
- создание системы военно-народного управления, которая рассматривалась как необходимая форма управления северокавказскими территориями для подготовки их к гражданскому управлению и общеимперскому законодательству;
- введение гражданского управления, означавшего отказ от военных методов администрирования; в этот период формируется политический курс на административно-правовое сближение края с остальной Россией при сохранении его особого регионального статуса – Кавказского Наместничества;
- упразднение Кавказского Наместничества, введение прямого административного военно-казачьего управления;
- восстановление Кавказского Наместничества.

Российскими властями разрабатывались различные планы административного обустройства Кавказа, которые, по мнению их составителей, гарантировали успех в решении этой проблемы, столь болезненной для страны. Анализ проектов убедительно свидетельствует об отсутствии единства подходов при решении данного вопроса и слабом знании частью высших российских сановников всех трудностей, с которыми приходилось сталкиваться в регионе, прежде чем была найдена эффективная стратегическая и тактическая модель административного устройства на Кавказе¹².

Административная политика отличалась крайней неопределенностью, частыми изменениями форм, численности и границ административных образований, недостатками и просчетами в кадровой политике. Выдвигая на должности представителей из горского населения, местное начальство все же не до конца им доверяло, потому что некоторые из них в критических ситуациях принимали сторону своих соплеменников. Правительство придерживалось системы квотирования по национальному и религиозному признаку при подборе кадров, отдавая предпочтение русским и лицам, исповедующим христианство. На должности начальников округов в горских районах Северного Кавказа вплоть до февральской революции 1917 г. представители из горской среды назначались лишь в определенных случаях. На должности начальников участков и сельских старшин (их помощников) назначались только представители из горцев, в основном

местные жители, состоявшие ранее на военной службе или отмеченные российским правительством за особые заслуги.

Важной составляющей кавказской государственной политики оставались русская колонизация и переселение горцев в Турцию с последующим отведением их земель под казачьи станицы и русские поселения. Казаки и русские переселенцы становятся главной социальной опорой в регионе.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1662. Л. 1–6 об; *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов-н/Д., 2001. С. 197.
2. История Сберегательного дела на Северном Кавказе. Ставрополь, 2006. С. 13.
3. *Гарданов В.К.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // Советская этнография. 1960. № 5. С. 17.
4. АКАК. Т. XII. С. 644.
5. АКАК. Т. XII. С. 662.
6. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 347. Л. 8–22.
7. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 8, 11; *Калмыков Ж.А.* Установление Российской администрации на Северном Кавказе (вторая половина XIX в.) // Исторический вестник КБНИИ. Нальчик, 2005. Вып. I. С. 274.
8. *Гайдобурина И.Г.* Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начале XX вв.): автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 18.
9. Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. I. С. 288–291.
10. *Гайдобурина И.Г.* Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начале XX вв.): автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 22.
11. Терский календарь на 1896 г. Владикавказ, 1895. Вып. V. С. 176.
12. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2001. С. 74.

INVOLVEMENT OF THE NORTH CAUCASUS IN THE RUSSIAN ADMINISTRATION IN THE STRUCTURE OF THE POST-REFORM PERIOD

The article analyzes the integration processes taking place among the urban population in the second half of the XIX century. The author pays particular

attention to the administrative and territorial changes and how they affect the social life of mountain peoples.

Keywords: *Russian Empire, the Kuban region, the Terek region, Dagestan region governorship, pristovstvo, administrative district.*

Glasheva Zuleykha Zhamborovna

Candidat of historical sciences in modern history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. +7-928-701-25-27

E-mail: zu-20.80@list.ru

УДК – 94 (470.64)

Р.Н. Дзагов

**ПОЛИЭТНИЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ НАЛЬЧИКА:
ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
И ИНТЕГРАЦИИ (XIX – НАЧАЛО XX в.)**

В работе рассматриваются специфические особенности экономического взаимодействия между различными переселенческими этническими группами, проживающими в Нальчике и кабардинцами, в процессе их взаимной адаптации и интеграции.

***Ключевые слова:** Кабарда, кабардинцы, русские, немцы, горские евреи, армяне, грузины, межкультурное взаимодействие, адаптация, интеграция.*

Дзагов Рустам Нургалиевич

К.и.н., с.н.с. отдела истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Тел. +7-903-493-95-32

E-mail: dzagow@mail.ru

Нальчик как военное поселение был основан в 1822 г. Цепь крепостей, построенная на территории Кабарды в 1822 г., стала называться Центром Кавказской линии. Административный и чиновничий аппараты Центра Кавказской линии было решено разместить в крепости Нальчик. Здесь же расположились суд и некоторые российские военные ведомства. С этого времени и начинается история Нальчика как населенного пункта, имевшего важное военно-стратегическое, экономическое и культурное значение в регионе.

Нальчикское военное укрепление в первые годы своего существования представляло собой небольшую крепость. Рядом с ней находился форштадт (предмесье крепости), в котором имелись казармы гарнизона и около десятка турлучных домиков.

К середине 30-х гг. XIX в. форштадт уже представлял собой небольшой населенный пункт. На его основе в 1838 г. при Нальчикской

крепости было образовано военное поселение из 30 семей женатых нижних чинов Кабардинского егерского полка¹. В 1842 г. в Нальчикском военном поселении уже числились 49 семейств².

Отставные солдаты, оставшиеся на жительство в слободе Нальчик, освобождались от всех земских и общественных повинностей³. Такие меры российского правительства способствовали тому, что население Нальчикского военного поселения постепенно увеличивалось. Так, если в 1845 г. в нем проживало 248 человек⁴, то в конце 1850 г. – 272 человека⁵, а в 1860 году – уже 424 человека⁶.

С середины XIX в. меняется и этнический состав населения Нальчика, приобретая полиэтнический характер. В 1847 г. при крепости Нальчик были поселены 245 человек горских евреев из Дагестана⁷, образовав горско-еврейский поселок. В 1860 г. в поселке проживало уже 410 человек⁸.

В 1852 г. 20 семей немецких колонистов из Саратовской губернии поселились также около укрепления Нальчик и образовали поселение Александровское. В 1860 г. в Александровской колонии проживало 144 человека. Накануне первой всеобщей переписи населения России в немецкой колонии «имелось 115 домов, душ всех возрастов – мужского пола – 424, женского – 401»⁹, а по результатам самой переписи проживало уже 973 человека.

Еще в 1862 г. из военного поселения Нальчик и горско-еврейского поселка была образована «слободка Нальчик», а в 1863 г. к ней была присоединена и Александровская немецкая колония. Таким образом в конце XIX в. Нальчик превращается в крупнейшее поселение на территории Кабарды. Русское население в нем в 1889 г. составляло 2503 человека.

В конце XIX в. в Нальчикском округе по данным Всероссийской переписи 1897 г. проживало 4811 русских, 4745 украинцев и 16 белорусов, причем значительное число русских было сосредоточено именно в Нальчике, а украинцев – в селах и хуторах¹⁰.

В начале XX в. численность русского населения Нальчика продолжает расти и по данным на 1900 г. в слободе русские составляли уже 3337 человек, что составляло 69% всего населения. Здесь следует заметить, что кабардинцы и балкарцы на постоянной основе начали селиться в Нальчике только с середины XIX в. и вплоть до начала XX в. составляли существенно меньше половины его населения.

Численность горских евреев в Нальчике в 1908 г. составляла 1307 человек¹¹, а через два года – 1418 человек¹².

Общее количество немцев, проживающих в Александровской колонии, в 1910 г. составляло 1356 человека¹³ а в 1915 г. – 1538 немцев¹⁴.

В конце XIX – начале XX в. в Нальчике обосновались также армяне и грузины. Они после установления российской администрации на Северном Кавказе, активно занимаясь торговлей, используя покровительственную политику властей, начинают расселяются по городам Северного Кавказа, которые становятся торговыми центрами в регионе. Уже в конце XVIII в. армянские кварталы существовали в Кизляре и Моздоке, а позже армяне и грузины селятся и в Нальчике.

В начале XX в. численность армян и грузин, проживавших в Нальчике, была не очень велика и составляла всего 268 человек¹⁵, но все же они формировали этническое разнообразие населения Нальчика.

Таким образом, в XIX – начале XX в. русские, украинцы, горские евреи, немцы, армяне, грузины и другие переселенцы, составив заметную часть многонационального населения Нальчика, вынуждены были адаптироваться к новым условиям существования для чего вступали в тесное экономическое и социокультурное взаимодействие с окружающими их кабардинцами.

Одним из главных условий успешного освоения переселенцами новых территорий является, как известно, восприимчивость к культурным заимствованиям и хозяйственным приемам местных жителей. В этом отношении культура переселенцев оказалась достаточно динамичной и пластичной, что и позволило ей благополучно адаптироваться в новом природном окружении и социуме.

Контакты и влияния народов друг на друга проявлялись, прежде всего, в производственной деятельности, т.е. в той сфере, от которой зависело жизнеобеспечение всего населения региона.

Традиционно главным занятием восточных славян было земледелие. Природные условия и плодородная почва Северного Кавказа благоприятствовали развитию этой отрасли. Однако прибывшие пытались использовать трудовые навыки и агротехнические приемы, выработанные веками в центральных районах России, которые часто не соответствовали новым климатическим, почвенным и другим природным условиям. Неподходящими нередко оказывались и привычные орудия производства, календарь полевых работ и многое другое¹⁶.

Таким образом, можно сказать, что первые переселенцы региона, в том числе и жители Нальчика «испытывали тяготы новой жизни, ломки старых, укоренившихся традиций ведения хозяйства. Но помощь пришла – они познакомились с горской культурой, удивившей их своей экзотичностью, а затем поразившей глубокой целесообразностью и разумностью»¹⁷.

Естественно, что каждый элемент национальной культуры, наилучшим образом приспособлен к тем условиям, в которых живет народ.

А отмеченная многими путешественниками и исследователями особая система земледелия горцев с оригинальными способами обработки почвы, уборки хлеба, хранения зерна и т.д. сформировалась на основе продуманного отбора на протяжении многовекового общения с родной природой и наиболее рациональных способов хлебопашества.

Мигранты, усомнившись в своих традиционных методах земледелия, стали присматриваться к местным народам, у которых, оно было «поставлено удивительно хорошо»¹⁸.

Русское население Кабарды в результате взаимодействия с местным населением начало применять переложно-залежную систему обработки земли. Данная система, издавна практиковавшаяся на Северном Кавказе и достигшая большого совершенства у кабардинцев, была воспринята не только русскими¹⁹, но и другими этническими группами переселенцев, активно развивавшими земледелие.

Таким образом, налаживаются межэтнические коммуникации, происходит процесс взаимодействия и взаимообогащения культур местного населения и переселенцев.

В конце XIX в. появление городов на Северном Кавказе и увеличение населения повысили спрос на продукты сельского хозяйства в регионе, и в первую очередь, на хлеб и мясо. Все это, в свою очередь, способствовало ломке натурального производства и переориентации хозяйства кабардинцев на рынок. Под влиянием общения с русскими переселенцами и вовлечения в рыночные связи с Россией происходит проникновение новых явлений в экономику кабардинцев и балкарцев. Рыночный характер приобретает, в первую очередь, производство зерна. Кукуруза становится самой товарной культурой и в продаже зерновых в конце XIX в. занимает первое место. Увеличиваются также посевы пшеницы, вытесняя традиционное просо.

Кабардинцы заимствовали от русских переселенцев более совершенные приемы полеводства, стали применять неизвестные им ранее озимые посевы, начали возделывать в больших масштабах пшеницу и кукурузу. Семена же для посева они покупали или получали в подарок от русских крестьян²⁰. Кабардинцы, балкарцы и другие народы Северного Кавказа переняли от русских переселенцев некоторые овощные культуры, в частности: капусту, огурцы, помидоры, редьку, картофель²¹. Современники отмечали, что кабардинцы начали приметно более заниматься хлебопашеством с 30-х гг. XIX в. и расширили посевы пшеницы, и «вообще хозяйство кабардинцев стало приближаться к русскому»²².

Вместе с тем следует сказать и о негативных явлениях в культуре земледелия переселенцев, в частности о небрежном отношении к земле.

Особенно «отличались» этим жители Нальчикского укрепления, на что с возмущением указывал Д. Кодзоков. «Окрестности к укреплению, – пишет он, – предоставленные для пастбищ житейского скота и лошадей военных команд, зарастали колючкой и тернами, доводившими всю эту окрестность до крайней непроизводительности. Между тем нальчикская земля считалась кабардинцами лучшей для хозяйства, и если бы она не подверглась непростительной беспечности ее обитателей, то и поныне она осталась бы отличной. По мере же того, как ближайшая к укреплению местность гложет от вредных порослей, которые весьма легко выжигаются или подымаются плугом, войска занимали новую лучшую землю, колючки и терны в свою очередь не останавливались, а наполняли незаметно вновь занятые места... а жители и войска, жалуюсь беспрестанно на неблагоприятную почву, которую не берут плуг и коса, доискиваются все лучших земель от кабардинцев»²³.

Примерно такое же положение складывалось и в Александровской немецкой колонии, которая, по задумке кавказских властей, должна была стать примером ведения хозяйства для кабардинцев. Здесь следует заметить, что недовольство властей ведением хозяйства вызывали не только жители Александровской колонии, но и другие немецкие поселения Северного Кавказа²⁴.

Основную причину такого положения в немецких колониях начальник Терской области Лорис-Меликов видел в том, что в область приезжали не специалисты, а люди «без всякого разбора... сомнительной нравственности и мало имеющие познаний в сельском хозяйстве»²⁵. Другой немаловажной причиной являлось «изолированное» положение немецких переселенцев. Долгое время, живя замкнуто, они в меньшей степени взаимодействовали с местным населением и перенимали их богатый опыт.

Горско-еврейское население Нальчика занималось в основном выделкой кожи и мелкой торговлей. В 60-х гг. XIX в. главным занятием горских евреев становится возделывание марены. Красная краска, содержащаяся в ее корнях, вплоть до появления в 1869 г. синтетического ализарина, с успехом использовалась при окрашивании шелка и хлопчатобумажной пряжи. Под мареной в еврейской слободке было занято 100 десятин земли²⁶.

Следует отметить, что поначалу часть переселенцев региона с трудом отказывалась от своих традиций в ведении земледельческого хозяйства. Основная причина этого заключалась в том, что у переселенцев, в особенности русских, была «априори сформирована психологическая установка, что заселяемый край – дикий, там живут туземцы-дикари и ни о какой культуре не может быть речи, культуру

несут они, переселенцы. Такая пропаганда проводилась с самой высокой правительственной санкцией»²⁷. Но были и другие точки зрения. Так, известный публицист и этнограф Я. Абрамов в свое время писал, что «если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурной и менее трудолюбивой нацией придется признать именно русских»²⁸. Говоря о запустении огромных пространств на Западном Кавказе под управлением российских колониальных властей, он указывает на такое положение и в Терской области. В подтверждение своих слов Я. Абрамов приводит пример обращения русских властей со знаменитым Атажукинским садом, расположенном в черте современного Нальчика, от которого остались, как он пишет, только «жалкие остатки».

Конечно, таким образом относилась к местной культуре и к природе лишь некоторая часть переселенцев. Но нельзя отрицать, что в этот период на Северный Кавказ, в том числе и в Кабарду, переселялись и те, которые видели в природе только объект потребления и наживы. В итоге, как замечает Т.П. Казначеева, нередко «удержанное трудовым и высоконравственным людом относительное равновесие в кавказской природе гибло под сапогами колонизаторов»²⁹.

В конце XIX в. с развитием торговли сельскохозяйственными орудиями в Кабарде, в том числе и Нальчике, появляются более совершенные фабричные плуги и другая сельскохозяйственная техника. Значительная роль в этом процессе принадлежит П. Юхневичу, а позже Резанову, открывшим в 1886 г. в Прохладной склады земледельческих орудий. Уже с 1900 г. многие жители кабардинских селений приобретали в кредит технику³⁰. В начале XX в. фабричные плуги получили практически повсеместное распространение в Кабарде³¹.

В конце XIX в. в Кабарде начинается распространение сельскохозяйственных знаний, делаются первые практические шаги по подготовке специалистов сельского хозяйства. В частности, в Нальчике была создана сельскохозяйственная школа, которая оказала определенное влияние на развитие и распространение среди кабардинцев элементарных научных знаний по земледелию³².

Высокое развитие получило в регионе не только земледелие, но и скотоводство, имевшее здесь глубокие корни. Фактически у каждого горского народа Северного Кавказа была выведена своя порода овец, и, видимо, поэтому они назывались по этническим названиям народов и практически все славились мясом и шерстью. Лучшей породой лошадей на Кавказе заслуженно считалась кабардинская³³. Переселенцы, прибывшие на Северный Кавказ, в том числе жители

Нальчика, встретились с населением, имевшим сложившиеся веками традиции товарного скотоводства, и активно перенимали этот опыт.

Но поначалу у русских переселенцев преобладал скот «обыкновенной породы», т.е. крупный рогатый скот представлял помесь кавказских пород скота, которая не славилась большой продуктивностью, но была вынослива. Попытки акклиматизации пород из центральных областей России не приносили желаемых результатов. Так, в отчете «О состоянии Нальчикского военного поселения за 1850 год» говорится: «...к размножению скотоводства из лучших пород, как то: черноморского и ногайского скота, поселянами были принимаемы деятельные меры, но оные не осуществлялись – ни та ни другая порода скота здешнего климата не выдерживает; поэтому поселяне преимущественно разводят у себя скот из породы туземной, или кабардинской, которые по величине и росту уступают названным выше породам, зато преимущество в том, что местные не подвергаются повальным болезням и живут поэтому более, нежели все другие породы рогатого скота, имея, впрочем, достаточные физические силы для отправления вообще сельских работ»³⁴.

В Кабарде в конце XIX в. сравнительно большое распространение получает так называемый немецкий скот. В Александровской немецкой колонии эта порода являлась преобладающей³⁵.

Жители Александровской немецкой колонии в конце XIX в. снабжали продуктами, в том числе и молочными изделиями, жителей всего Нальчика. Н.Ф. Грабовский по этому поводу писал, что «немцы, далеко не имеющие столько скота, как кабардинцы, и вообще поставленные в менее выгодные жизненные условия, снабжают Нальчик всем необходимым в домашности. Благодаря немцам, Нальчик всегда имеет отличное масло и всевозможные огородные овощи; этого мало – немцы сбывают излишек масла даже во Владикавказ, откуда нарочно приезжают за ним»³⁶.

Первые заводы промышленного типа на территории Кабарды появились в конце XIX в. в Нальчике и в основном это были мелкие заводы по производству строительных материалов (кирпичных, черепичных, лесопильных, известковых) и по переработке сельскохозяйственной продукции (маслобойни, кожевенные и т.д.).

В 1884 г. в слободе Нальчик работало: 3 кирпично-черепичных завода, где трудилось в общей сложности 8 рабочих; одна маслобойня И. Филипова с двумя рабочими; два гончарных завода, принадлежавших выходцам из Дагестана, один из которых располагался в Еврейском поселке с двумя рабочими на каждом заводе; 4 водяных мельниц на р. Нальчик, из которых одна принадлежала жителю Александровской

немецкой колонии Я. Сайбелю, с одним рабочим на каждой. В колонии Александровской имелась только одна водяная мельница, на которой работал один рабочий. Итого, в слободе Нальчик с Александровской немецкой колонией и Еврейским поселком насчитывалось 11 различных, полукустарных заводов и всего 19 рабочих³⁷.

В 1913 г. нальчанин Зудин в компании с Лободиным, Аненко и неким Остапом Степановичем организовал на берегу р. Нальчик лесопильный завод под названием «Чинар»³⁸. Завод мог перерабатывать 1,5–2 тысячи кубометров буковой древесины в год. Бук экспортировался немецкими и датскими лесопромышленниками, где он обрабатывался и в виде готовой клепки ввозился в Россию на поделку тары для масла, идущего на экспорт. На заводе работали от 8 до 12 квалифицированных из числа русских жителей Нальчика и около 20 сезонных рабочих.

Таким образом, в конце XIX в. на территории Нальчика появляются первые промышленные предприятия, основателями и основными работниками на которых были в основном представители иноэтничного населения, в первую очередь русского и немецкого.

В конце XIX в. возрастает роль Нальчика и как торгового центра Кабарды, чему способствовало географическое расположение и в особенности состав населения слободы. В Нальчике и окрестностях проживали русские купцы, немцы, горские евреи, армяне, грузины, которые привозили изделия русской промышленности и продавали кабардинцам и балкарцам, обменивая их на мед, меха, деловой лес и т.д. Русские крестьяне и отставные нижние чины, проживавшие в Нальчике, вывозили на продажу в города и крупные станицы Северного Кавказа деревянную посуду, колеса, лесные плоды, «дрова из кабардинского леса», продавали должностным лицам и приезжавшим по делам кабардинцам печеный хлеб, сено и т.д.

Обороты торговли были относительно невелики потому, что соседство больших ярмарок в Георгиевске и Моздоке, на которые кабардинцы и балкарцы охотно выезжали, отвлекали их от покупок в Нальчике³⁹. Главный торг в Нальчике шел водкой, которой по данным на 1862 г. было привезено на 28 тысяч рублей. В последующем объемы торговли водкой еще более увеличивались. Мелочные съестные припасы, мука, овес для продажи в Нальчике доставлялись из соседних казачьих станиц и сбывались на еженедельных (по понедельникам) базарах. Закупка и вывоз меда, воска, сала, кожи, овчин, шкур, шерсти, конского волоса и «кое-каких местных изделий» в основном находилась в руках «Моздокских и Нахичеванских жителей», временно

проживавших в Нальчике, или имевших по аулам своих приказчиков, иногда из числа кабардинцев⁴⁰.

Отчасти такой же торговлей занимались горские евреи, которые торговали, в том числе, «из сумок» по селениям и предметы торга обменивали частью «на красный товар, русский и азиатский холст, выбойку, ситцы, шелк, нитки, железо», частью покупали за деньги. Горские евреи наряду с армянскими и грузинскими купцами вели торговый обмен с балкарцами, для чего очень часто посещали балкарские ущелья. Номенклатура привозимых ими товаров включала в основном бакалейные изделия, различные мануфактурные и галантерейные товары, которые пользовались наибольшим спросом. Обменивались эти товары на скот, сукно, бурки, войлоки, шерсть, турьи и меховые шкуры, выделанные кожи.

Продуктами питания в слободе Нальчик, как отмечалось выше, в основном торговали жители Александровской немецкой колонии. Кроме того, они сбывали излишки во Владикавказ, откуда специально приезжали скупщики. Особенно пользовалось большим спросом масло, славившееся своим качеством⁴¹.

Таким образом, русские, немцы, горские евреи, армяне и др., переселившиеся в Нальчик в XIX в., были вовлечены в процессы этнического взаимодействия с окружающим миром, бытом, культурным фоном. Реальный быт и повседневное существование для большинства переселенцев складывались из общения с соседями, обмена товарами, совместной работы в том или ином виде деятельности. Контакты с иной природно-географической средой и этнокультурными традициями местного населения не прошли для переселенцев бесследно: этнические особенности и типологические черты их хозяйственной культуры постепенно трансформировались. Это свидетельствует о том, что экономическое взаимодействие является одним из главных факторов успешной адаптации и интеграции в полиэтническом пространстве, каковым являлось население Нальчика в XIX – начале XX в.

Примечания

1. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия. Ф. 1083. Оп. 6. Ед. хр. 1148. Л. 2.
2. Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 45.
3. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 690. Т. 1. Л. 98, 98 об.
4. *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000. С. 33.

5. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 1015. Л. 2.
6. Там же. Ф. Ед. хр. 457. Л. 6.
7. Там же. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 12; Ф. И-35. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.
8. Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Ед. хр. 179. Т. 1. Л. 449.
9. Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 27.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 68. С. 58–59.
11. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 741. Л. 149–149 об.
12. Там же. Ед. хр. 791. Л. 61 об. – 62.
13. Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 781. Л. 60, 61 об., 62.
14. Там же. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хр. 934. Л. 12 об., 14.
15. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. СПб., 1905. Т. 68. С. 57–60.
16. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957, с. 69.
17. *Казначеева Т.П.* Культура гребенского и терского казачества на Северном Кавказе // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения: Материалы международной научн. конф. Черкесск, окт. 1991 г. Черкесск, 1993. С. 236–237.
18. Там же. С. 237.
19. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 56.
20. *Кумыков Т.Х.* О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России // Сб. статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 77.
21. *Тотоев М.С.* К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С. 41.
22. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 100.
23. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 17 об.–18.
24. ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 802. Л. 5 об.
25. Там же. Л. 5.
26. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хр. 5.
27. *Тхагапсова Г.Г.* Экологические проблемы и последствия миграции российских переселенцев на Северо-Западном Кавказе 1817–1864 гг. (к итогам Кавказской войны) // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 2. С. 56.
28. *Абрамов Я.* Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 13.
29. *Казначеева Т.П.* Культура гребенского и терского казачества на Северном Кавказе // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения: Материалы международной научн. конф. Черкесск, окт. 1991 г. Черкесск, 1993. С. 240.
30. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 498. Т. 3. Л. 333.
31. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 321.
32. *Бейтуганов С.Н.* К вопросу о проникновении сельскохозяйственных знаний в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. // Этнография народов Кабардино-Балкарии. 1977. Вып. 1. С. 92–108.

33. *Зафесов А.Х.* Из истории коневодства у адыгов // УЗ АНИИ. Майкоп, 1968. Т. 8. С. 83–85.

34. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Ед. хр. 1015. Л. 3.

35. *Аликов В.* Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 г. Владикавказ, 1914. С. 36.

36. *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. С. 23.

37. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 74.

38. *Хакуашев Е.А.* Славный юбилей (к 50-летию завода «Чинар») // УЗ КБНИИ, 1963. Т. XIX. С. 217.

39. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 14 об.

40. Там же. Л. 15.

41. *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. С. 23.

POLIETNICAL POPULATION OF NALCHIK: EXPERIENCE OF ECONOMIC ADAPTATION AND INTEGRATION (XIX – THE BEGINNING XX CENTURY)

The article is devoted to the study of the specific features of economic interaction between the different ethnic groups living in Nalchik and kabardinians, in the process of mutual adaptation and integration.

Keywords: *Kabarda, kabardians, russians, germans, mountain jews, armenians, georgians, intercultural communication, adaptation, integration*

Dzagov Rustam Nurgalievich

Candidate of history science, Senior Research Fellow, Department of History of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph.+7-903-493-95-32

E-mail: dzagow@mail.ru

Р.К. Кармов

**ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ
В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ УЧРЕЖДЕНИЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА В АРХИВЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

На основе документов, хранящихся в Архивной службе Кабардино-Балкарской Республики и других источников и литературы рассмотрены ключевые моменты истории формирования фондов учреждений дореволюционного периода в Управлении центрального государственного архива Архивной службы КБР. Основная часть документов извлечена из фонда Р-248 Архивная служба КБР и из других фондов хранящихся в УЦГА АС КБР. Основное внимание уделяется периоду работы архива в 1920–1940-е гг. В том числе в годы Великой Отечественной войны, и после войны.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, архив, дореволюционные архивные фонды.

Кармов Руслан Карнетович

Начальник информационно-аналитического отдела Архивной Службы Республики Кабардино-Балкария.

360000, КБР, г. Нальчик, ул. М. Горького, 13.

Тел. +7-960-431-13-07

E-mail: karmov_ruslan@mail.ru

Необходимость изучения истории формирования дореволюционных фондов возникла в связи с тем, что общество на современном этапе стремиться к объективному осмыслению исторических процессов. Наблюдается тенденция к введению в научный оборот новых еще не исследованных исторических источников. И эта проблема существует не только в Кабардино-Балкарии но и во всех региональных архивах. Происходившие в XX в. перемещения архивных фондов связанные с изменением политического строя в государстве привели к сложностям в поиске первоисточников датированных ранее XX в. И мы решили на

примере одного архива отразить влияние государственного устройства на формирование архивных фондов, для более точного понимания процессов исследователями и облегчения их поисков нужных первоисточников.

Согласно информации из путеводителя Государственные архивы Кабардино-Балкарской Республики, «В соответствии с указанным декретом Президиум исполкома Кабардино-Балкарского областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1-го июля 1922 г. принял решение об организации Архивного бюро»¹. В исторической справке из этого же путеводителя записано: «Областной архив, как самостоятельное учреждение, образован распоряжением Центрального Архивного Управления СССР и РСФСР № 93 от 31 октября 1936 г.». Несмотря на такие разночтения годом рождения Архивной службы КБР считается 1922 г.

В принципе это является отражением политики, которая проводилась в жизнь в советское время и которая подразумевала, что все хорошее началось только с появления страны Советов. И это не удивительно, как говорил известный ученый С.П. Капица: «История долгое время была «прилагательной наукой» – ее «прикладывали» к точке зрения того или иного правителя»². Удивительно то, что до сих пор эти политизированные даты не были уточнены в постсоветское время.

О том, что в России организованное архивное дело существует уже не один век не вызывает сомнений, соответственно архивная работа велась и в административных единицах Кабарды и Балкарии. А так, как Кабарда и Балкария вошли в состав Российской империи с начала XIX в. то и архивное делопроизводство началось с этого времени. Одним из ранних фактов, свидетельствующих о существовании на территории Кабардино-Балкарии организованного архивного дела, является переписка о перемещении архива из станицы Екатериноградской в крепость Налчик в 1846 г.³ В этом деле, в рапорте начальнику центра Кавказской линии от командующего горским казачьим полком записано «я готов отправить архив начальника Кабардинской линии до р. Черек...»⁴.

Ко времени утверждения в Кабардино-Балкарии советской власти в Налчике как в центре округа отложились документы с 1820 г. 4 сентября 1922 г. заведующий областным архивом Кабардинской автономной области в докладной записке в Управление Центрархива в Москве писал, что «При центральном исполнительном комитете Совета Кабардинской автономной области состоит архив с делами, относящимися к 1820 г. и позднейших лет и содержит в себе архивные

материалы разных учреждений бывшего Нальчикского и Пятигорского окружных управлений»⁵. То есть, первый архивный документ, отложившийся в местном архиве был датирован 1820 годом.

В 2012 г., в своей статье, посвященной празднованию 90-летия Архивной службы КБР руководитель А.Х. Каров написал: «...В организованном виде архивное дело в России существует еще со времен Петра Великого. В Кабарде и Балкарии оно стало зарождаться в период покорения Северного Кавказа, с началом деятельности Управления Кабардинской линии, Центра Кавказской линии, Кабардинского и Нальчикского округов Терской области, Кабардинского временного и Кабардинского окружного судов, в которых стали формироваться архивные документы. Большинство из них погибли в годы революции и гражданской войны»⁶. Ответом на это утверждение может служить письмо уполномоченного главного архивного управления по Терской области Дзагулова председателю Нальчикского Окружного исполкома от 17 августа 1920 г. Он писал: «До меня дошли сведения, что богатейший архив Нальчикского /Кабардинского/ округа, заключающий в себе весьма важные исторические документы, расхищается»⁷. На этом же документе есть запись красным карандашом, прописью от 4 сентября, подписанный росписью в которой читаются первые три буквы «Фад...». В нем написано «Сообщения о том, что архив расхищается, являются полностью вымышленными...»⁸. На исполненном типографским способом приказе № 16 отдела внутреннего управления окрисполкома по Нальчикскому округу и гор. Нальчик от 3 сентября 1926 г. мы нашли подтверждение, что эта запись была сделана заместителем председателя Нальчикского окрисполкома Фадеевым.

Но на этом Дзагулов не успокоился и уже 26 августа 1920 г. в письме председателю Терского областного исполкома писал: «В Нальчике есть архив бывшего Нальчикского /Кабардинского/ округа, представляющий колоссальный интерес для истории не только Кабарды и кабардинского народа, но и для истории других народов Терского края. Архиву этому по сведениям имеющимся у меня угрожает опасность в смысле расхищения и гибели. Придавая делу сохранности и целостности этого архива громадное научное значение и призывал, что единственным лицом кому можно доверить это дело является Паго Тамбиев, как человек давно известный своими занятиями по кабардинской истории»⁹. Несомненный интерес представляет ответ зампредисполкома в котором он пишет: «...Имея ввиду, что архив заключает в себе сведения и документы не только исторического значения, но и политического переживаемого времени, а политическая физиономия еще не совсем выяснена президиум окрисполкома не

может согласиться на передачу местного архива в ведение Тамбиева»¹⁰. Тут мы воочию видим, как сталкивались интересы культуры, науки, чиновничества и политики. Отметим, что П. Тамбиев так и не был допущен к исполнению обязанностей архивариуса.

14 сентября 1920 г. из Терского областного архивного управления поступило указание исполнительному комитету Нальчикского округа: «В этот архивный фонд должны быть сданы все материалы до 25 октября 1917 г., то есть до Октябрьской революции»¹¹. Это означало, что все дела дореволюционных фондов из Нальчика должны были быть переданы в архив Терской области во Владикавказ. Из этого же документа мы можем понять по какому принципу были разделены фонды на дореволюционные и пореволюционное, что тоже достаточно важно для нас.

Передаче дел помешало только то, что в сентябре 1921 г. Кабарда вышла из состава существовавшей тогда Горской Республики. Позже из Горской республики вышла Балкария и присоединилась к Кабарде. И уже 25 января 1923 г. прошло заседание президиума ЦИКа Кабардино-Балкарской Автономной области, повестка дня которой было: «О сосредоточении всего архивного материала касающегося КБАО в местном архивном управлении»¹². В области начала проводиться активная работа по упорядочению архива. Об этой работе свидетельствует письмо от 6 декабря 1923 г. за подписью председателя суда Кабардино-Балкарского Автономной области Кокожева в областной архив: «При этом Облсуд препровождает согласно прилагаемой описи книги Нальчикского Горского словесного суда за 1890–1919 гг. всего 98 и дела того же суда за 1914–1920 гг. всего 2566 дел на хранение»¹³. К нашему сожалению в деле не сохранилось упоминаемой прилагаемой описи.

О том значении, которое придавалось руководителями области сбору архивных материалов дореволюционного времени свидетельствует и письмо ученого Всеволода Растиславовича Апухтина, жителя города Пятигорска. Он его написал в ЦИК Советов КБАО 17 августа 1923 г.¹⁴ В письме он жаловался на то, что уже полтора года, как тянется вопрос о выкупе у него материалов по истории Кабарды и соседних народов. Документы собранные им охватывали период с 1907 по 1911 г. Это письмо является косвенным доказательством того что с 1921 г. в Кабардино-Балкарии шло активное выявление архивных материалов.

В 1923 г. облысполком обратился в Центрархив с просьбой посодействовать в решении вопроса о передаче из архива Горской республики в областной архив документов, имеющих историческое значение для жителей Кабардино-Балкарии¹⁵. Одновременно были направлены письма в архивы Владикавказа, Пятигорска, Астрахани, в

Грузию и центральные архивы страны с просьбой передать в областной архив материалы по истории края.

Выявлением документов занимались различные организации области. Так 5 декабря 1925 г. в Совет Кабардино-Балкарского общества изучения местного края пришел ответ из Астраханского архивного бюро при губисполкоме. В нем было написано: «О Кабарде и Балкарии могут сохраниться материалы только в архиве бывшего астраханского губернского правления, но таковой находится в неразобранном состоянии. К разбору его будет приступлено не ранее года. Для изучения материалов нужно точно указать в каком фонде таковые находятся, под каким номером и за какой год. Лично от себя добавляю: материалы о Кабарде легко и скорее можно получить в Москве из архива бывшего министерства иностранных дел, ныне исторический архив. Материалами этого архива пользовался я для истории Кабардинского народа и часть их (в копиях) передал в январе 1913 г. начальнику Нальчикского округа Климбиеву¹⁶. Затем много материалов о кабардинцах было извлечено мною из Астраханского губернского архива и передано в штаб Терского казачьего полка с описями, карточным указателем и печатными описанием. Дальше при горском архивном управлении (Владикавказ) бывший архив войскового правления) есть архив Кизлярского комендантского архива. Кое что о кабардинцах найдете там. Спросите заведующего архивом Дзагурова. И об этом архиве имеется составленное мною (печатное) описание. Оба эти описания найдете в моей библиотеке находящейся в библиотеке Северокавказского института (музея) во Владикавказе. ВРИД завгубархбюро Юдин»¹⁷.

Потихоньку в самом областном архиве началось формирование фондов из общего массива материалов. Так в списке фондов составленном в 1925 г. указаны фонды дореволюционного периода: почтово-телеграфного отдела – 95 дел; Горского словесного суда – 2665 дел; Лесничества – 46 дел. И кроме этого указан не разобранный фонд Нальчикского окружного управления насчитывающий в себе 6000 кг. различных документов¹⁸.

Часть нужной нам информации мы можем получить из отчета Кабардино-Балкарского областного архивного бюро за 1925–1926 гг.: «К началу отчетного периода в областном архивохранилище находилось налицо 21 фонд из них пореволюционных 20 и дореволюционных 1 фонд, но и этот один фонд считается лишь потому, что он не был разобран и представляет из себя сумму дел за сто лет по всему бывшему Нальчикскому окружному управлению. Этот фонд будет весить не менее 6000 кг. И при разборке из него выделяется например

фонды участковых приставов, горной стражи, суда, полиции, столов окружного управления и т.д.»¹⁹.

Параллельно шла активная работа по выявлению документов из других архивов. 14 марта 1928 г. в письме заведующего архивного бюро Грошева в Северо-Осетинское архивное бюро записано: «Вы нам сообщили, что из архивного фонда Терского областного архива могут быть выделены и переданы нам следующие дела по бывшему Нальчикскому округу:

1. Материалы народной переписи 1897 г.

2. Материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г.

3. Посемейные списки 1886 г., а также дела хранящиеся в Северо-Осетинском архбюро относящиеся к Кабарде и Балкарии»²⁰. А 15 сентября 1928 г. из архива Грузии пришел ответ на просьбу выделить документы касающиеся истории Кабарды и Балкарии из архивов Горского отдела Департамента главного управления наместника Кавказского: «Кабардинские дела распределены хронологически и инвентарно описаны, но не выделены из архивных материалов Горского отдела Департамента главного управления наместника Кавказского. Горский же отдел заключает в себе дела с 1861 по 1863 г., 1865–1871 г. и 1873, количеством всего 293 дела»²¹.

26 октября 1928 г. заведующий архбюро обращался в Центральный архив РСФСР, копия была направлена в центрархив Грузии. В обращении прозвучало требование передать дела касающиеся истории Кабарды и Балкарии в область. В обращении было написано: «Скажем только, что Северо-Осетинское и Ингушское архбюро во Владикавказе уже в свое время передали нам по взаимному соглашению часть дел относящихся исключительно к нашей области и характеризующие главным образом земельные отношения по С.К. краю до реформ ... В историческом прошлом Кабарда игравшая роль гегемона почти над всеми народностями Северного Кавказа – является наиболее существенным объектом исторического изучения тех влияний, которое она оказывала на соседние народы»²².

Мы не смогли документально выявить дела переданные в область до 1940 г. и не можем сделать какие либо оценки сказанного выше о передаче дел. В изученных документах это упоминание о передаче каких либо документов до 1940 г. является единственным. Исследовав список архивных фондов находящихся в архивохранилище Кабардино-Балкарского архбюро на период по 1 октября 1928 г. мы не смогли найти упоминание о фондах, характеризующих земельные отношения по Северному Кавказу²³. Точно так же мы не смогли найти упоминание о фондах, характеризующих земельные отношения по Северному

Кавказу в списке, «архивных фондов находящихся в архивохранилище Кабардино-Балкарского архбюро по 1 апреля 1929 г.»²⁴. Исходя из этих документов мы пришли к выводу, что в своем письме заведующий областным архивом, мягко говоря лукавил, говоря о переданных делах.

Об особенностях формирования фондов на федеральном уровне свидетельствует секретное указание от 16 августа 1928 г. Нальчикскому, Балкарскому, Кабардинскому, Нагорному и Урванскому окрисполкому от заместителя председателя ОБЛИКа: «... Произвести обследование и изъять архивные материалы из национализированных или муниципализированных усадеб и имений бывших помещиков, дворян и князей»²⁵. Характеризует особенности формирования фондов и секретное сообщение в Краевое архивное управление от зав. облархбюро Ященко от 7 мая 1931 г. Согласно этого сообщения были засекречены фонды: «1. Отдел коммунального хозяйства, 2. Контора Кавхлеба, 3. Каббалкредитсельсоюз, 4. Управление Нальчикского округа Терской области, 5. Пятигорское окружное полицейское управление и начальник Пятигорского округа»²⁶.

При, казалось бы, титанических усилиях, прилагаемых для выявления и сохранения документов, поражают списки архивных материалов, предполагаемых к уничтожению. Например в одном из таких списков, подготовленных предположительно в 1929 г. областным архивным бюро КБАО записаны: «1. О выдаче свидетельства на право ношения оружия туземцам. ... 8. Книги каптенармуса Кабардинского конного полка 1 парка...»²⁷. Список без подписи и нет документов подтверждающих или опровергающий уничтожение документов из этого списка. В акте от 27 апреля 1929 г. «составленный отборочной комиссией Кабардино-Балкарского облфинотдела в том что на основании отборочного списка утвержденного Кабардино-Балкарским областным архивом, Бюро отобраны к уничтожению архивные материалы навсегда утратившие оперативное значение 70 наименований общим весом 800 кг.»²⁸. В списке присутствуют документы сберкасс и казначейств датированные от 1902 по 1924 г.

Так же уничтожались документы из окружных архивов. В список отобранных для уничтожения документов из архива Урванского сельсиполкома от 31 марта 1929 г. вошли книги договоров и сделок, приходов и расходов и входящий журнал датированные 1916–1918 гг.

В 1931 г. вошли в отборочный список предложенных к уничтожения из облархива 83 дела, датированных от 1899 до 1913 г.². Это дела управления Нальчикского округа о кражах, ссылке, о перемещениях

должностных лиц, благотворительных обществах, школах, о выдаче ссуд, о суде, о переселениях и других не менее важных вещах.

В своем докладе от 10 декабря 1932 г. о состоянии и работе областного архивного бюро КБАО за 1932 г. завоблархбюро Мордвинов писал: «Среди дел имеющих историческое значение есть бумаги и целые дела не имеющие никакого значения (как например о розыске скота и лошадей, болезни и смерти отдельных кантонистов и поселенцев и др. Фонды эти необходимо пересмотреть и ненужное сдать в утильсырьё. Есть много дел кабардинского и нальчикского горского суда уголовных и гражданских, в которых сохранились даже повестки, также нужно пересмотреть»³⁰. Из делопроизводственных документов мы выяснили, что Мордвинов Иван Андреевич 1872 г.р., казак станицы Марьинской, имел 4 класса образования. Служил писарем в ауле Тахтомышево в 1898–1909 гг., а в селении Мисостово в 1917–1918 гг.³¹

Ярким примером обращения с документами прошедших лет в 1920–1930-х служит вторичное их использование. То есть использовалась чистая сторона документов более раннего периода. Среди документов 1934 г. был обнаружен билет капитана Латынина, датированный 1868 г. Из него выясняется, что Латынин работал делопроизводителем кабардинского окружного суда³².

В 1936 г. в архиве числилось 155 фондов из которых дореволюционных 33 и пореволюционных 122³³. К 1938 г. в архивохранилище КБАССР хранилось 35 дореволюционных фондов, которые содержали в себе 21280 единиц хранения. Согласно объяснительной из них разобрано 25 фондов, содержащих 17631 дел³⁴. Исходя из этой объяснительной, можно сделать вывод, что разбор фондов дореволюционного периода происходил очень тяжело и не очень быстро. Но и этой вялотекущей работе помешала Великая отечественная война. В 1941 г. архивисты Кабардино-Балкарии подготовили список из 13791 дела для эвакуации, в том числе было отобрано 10 фондов из документов дореволюционного периода. Изучив список материалов, подлежащих эвакуации составленный в 1941 г., мы пришли к неутешительным выводам. По нашему мнению, из дел дореволюционного периода были отобраны документы бессистемно и без надлежащей оценки значимости. Кроме этого, явно видно, что эвакуации подверглись не все дела из фондов а выборочно, кроме этого у нас есть три списка эвакуированных фондов, составленные за 1941, 1942 и 1943 гг.³⁵ К нашему огорчению в них не совпадали не только количество, но даже названия. Согласно наиболее квалифицированно составленного списка эвакуированных фондов, который был подготовлен в июле 1943 г. заведующей отделом

исторических фондов ЦГА Таджикской ССР Зелинской, эвакуировано 12 фондов, содержащих 1762 единицы хранения.

После возвращения фондов в Нальчик согласно акта от 9 апреля 1944 г. была обнаружена нехватка документальных материалов в количестве 1181 единиц хр. из них 513 дел не хватало из фонда И-40 «Управление межевой частью в Терской области».

Согласно документам 1958 г. количество фондов дореволюционного периода составляло – 50, которое составляло 14 604 единицы хранения³⁶. Этот документ ссылается на приложение № 2 в котором должен был быть подробный перечень фондов, но удивительно то, что именно этого приложения № 2 нет, а соседние приложения сохранились.

На сегодня, согласно путеводителя, фонды И-4 «Управление Пятигорского округа и И-5 Пятигорское полицейское управление» переданы в Ставропольский архив, а фонды И-11 «Народный суд Военно-Осетинского округа», И-29 «Начальник горского участка Кабардинского округа», И-38 «Управление 2-го Туркестанского округа Армейского корпуса» утеряны во время Великой Отечественной войны³⁷. Всего документы дореволюционного периода составляют «50 фондов, 15 002 ед. хр.»³⁸. Последний фонд пронумерован 56 номером, а номер 45 остался пустым без всяких объяснений.

Исходя из всех вышесказанных фактов остается очень много вопросов к тому, как происходило формирование фондов. Кроме объективных причин в этом процессе были задействованы, к сожалению, и субъективные, в которых еще предстоит разобраться.

Примечания

1. Государственные архивы Кабардино-Балкарской Республики. Путеводитель. Издательский центр «Эль-Фа». Нальчик, 2005. 536 с. С. 15.

2. <http://fit4brain.com/8601>

3. Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР Ф. И-1 Управление Кабардинской линии. Оп. 1. Д. 71 Рапорты начальнику Кабардинской линии о перемещении архива кардонной канцелярии из Екатериноградска в крепость Нальчик, приказы о назначении полковника Алехина начальником Кабардинской линии. 1846–1847. 39 листов.

4. Там же. Л. 33.

5. Там же. Ф. Р-248. Архивное управление при исполкоме советов Кабардинской автономной области. Оп. 1. Д. 2. Выписка из протокола заседания президиума исполкома К.А.О., положение о центральном архиве РСФСР и другие материалы по организации архива в К. А. О. 1.06.1922–14.06.1923. Л. 19.

6. Журнал Архивы и общество. № 21. Нальчик, 2012.

7. УЦГА АСКБР Ф. Р-201 «Революционный комитет Нальчикского округа Терской области». Оп. 1. Д. 14. Т. 2. «Приказы начальника Нальчикского гарнизона и ревкома, переписка с комиссаром Нальчикского округа о борьбе с грабежами. Списки служащих окружного продовольственного комитета. 20.05.1920–19.12.1920. Л. 467.

8. Там же.

9. Там же. Л. 471.

10. Там же. Л. 469.

11. Там же. Л. 610.

12. Там же. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 6. Переписка с председателем Савнаркома Горской Республики о выделении архивных материалов принадлежащих Кабардино-Балкарии. 11.01.1923–14.12.1923 38 листов. Л. 5.

13. Там же. Д. 4. Циркуляры Центрального архива РСФСР. Приказы ЦИК КАО (21.7.1923–2.9.1924) Л. 22.

14. Там же. Д. 6. Л. 19.

15. Там же. Л. 5.

16. Фамилия искажена, правильное написание Клишбиев – *Р.К.*

17. Там же. Д. 9. Постановления циркуляры Центрархива РСФСР. Выписки из протоколов заседаний, план работы Кабархбюро. 11.06.1925–21.10.1926 44 л. Л. 122.

18. Там же. Л. 358.

19. Там же. Д. 6. Л. 421.

20. Там же. Д. 17. Протоколы заседаний, отчеты и планы архбюро. Сведения о личном составе о фондах. 1.10.1927–28.12.1928. Л. 48.

21. Там же. Л. 85.

22. Там же. Л. 85.

23. Там ж. Д. 25. Список архивных фондов находящихся в архивохранилище Кабардино-Балкарского архбюро по 1 октября 1928 г. 10 листов Лл. 1–4.

24. Там же. Лл. 7–10.

25. Там же. Д. 20. Положение о секретном архиве местных учреждений. Описи секретных дел учреждений КАО. 1.1.1928–20.10.1928. 53 л. Л. 34.

26. Там же. Д. 33. Переписка Центрархива по состоянию секретных фондов и по выделению макулатуры. 6.1.1930–4.12.1931. 43 л. Л. 24.

27. Там же. Д. 30. Постановления облисполкома КАО. Отборочные списки учреждений на дела не подлежащие дальнейшему хранению 17.01.1929–25.06.1929. 76 л. Л. 11.

28. Там же. Л. 19 об.

29. Там же. Д. 44. Отборочные списки на документы не подлежащие дальнейшему хранению 21.01.1931–03.02.1932. 53 л. Лл. 44–48.

30. Там же. Д. 46. Отчет о работе Архивного бюро за 1931 г. 1.1.31–31–12.31. 43 л. Л. 22.

31. Там же. Л. 16.

32. Там же. Д. 58. Постановления оргкомитета совета Северокавказского края. 01.01.1934–31.12.1934. 83 л. Л. 78 об.

33. Там же. Д. 68. Распоряжения и директивные указания Центрального архивного управления. 25.01.1936.–29 10 1936. 12 листов. Л. 8.
34. Там же. Л. 85 Планы работ архивного управления 22.08.1938–17.012.1939. 21 л. Л. 18.
35. Там же. Д. 120. Лл. 19–20.
36. Там же. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 117. Л. 44.
37. Государственные архивы Кабардино-Балкарской Республики. Путеводитель. Издательский центр «Эль-Фа». Нальчик, 2005. 536 с. С. 268.
38. Там же. Л. 25.

REFLECTING THE REGION'S INTEGRATION INTO THE RUSSIAN SOCIO-CULTURAL SPACE IN THE HISTORY OF FORMATION OF FUNDS OF INSTITUTIONS OF PRE-REVOLUTIONARY PERIOD IN THE ARCHIVE OF KABARDINO-BALKARIA

On the basis of the documents stored in the archive service of Kabardino-Balkaria and other sources of literature and examines the key moments in the history of formation of funds of institutions of pre-revolutionary period, the Office of the Central State Archive Archive Service KBR. The bulk of the documents retrieved from the fund P-248 Archive service of the KBR and other assets are stored in the AS UTSGA KBR. It focuses on the period of work in the archives in the years 1920–1940-th year. Including in the Great Patriotic War, and after the war.

Keywords: *Kabardino-Balkaria. Archive. Archival, pre-revolutionary funds.*

Karmov Ruslan Karnetovich

Head of information and analysis department of Archival Service of the Republic Kabardino-Balkaria.

360000, KBR, Nalchik, st. of M. Gorky, 13.

Ph. +7-960-431-13-07

E-mail: karmov_ruslan@mail.ru

Д.Н. Прасолов

**СЪЕЗД ДОВЕРЕННЫХ И ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ**

В статье рассматриваются основные результаты исследований деятельности Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ. Выявлены главные достижения историографии, состоящие в определении порядка избрания доверенных, формирования повестки дня, процедуры принятия и утверждения решений, а также в обосновании различных точек зрения о статусе Съезда доверенных в административной системе. Обозначены некоторые проблемы, которым необходимо уделить внимание при дальнейшем изучении этого института местного самоуправления кабардинцев и балкарцев.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, осетины, Нальчикский округ, Терская область, пореформенный период, Съезд доверенных сельских обществ, историография

Прасолов Дмитрий Николаевич

К.и.н., заведующий сектором этнологии отдела исторических наук ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.

Р.т. 8 (8662) 422240

М.т. +7-928-720-32-76

E-mail: dmprasolov@gmail.com

Интеграция кабардинцев и балкарцев в состав российского государства сопровождалась длительным процессом формирования новой системы управления краем. Одной из его особенностей было то, что новые административные структуры включали некоторые традиционные институты, адаптированные к новым социально-политическим условиям. Со второй четверти XIX в. ключевой институт традиционной политической системы Кабарды – Хаса, фактически прекращает свою деятельность. Вероятно, вместо нее царской

администрацией стали изредка созываться «народные собрания» или «народные сборы».

25 августа 1826 г. начальник Кабардинской линии предписал Временному суду: «Когда нужно будет по каким-либо делам производить народные собрания, всегда на таковые испрашивать моего разрешения и доносить об этом заблаговременно; а собрания производить близ крепости Нальчикской и давать мне о том знать, в коих я и сам буду присутствовать и решать дела в пользу народа»¹. В этот период сведения о структуре, принципах представительства и круге полномочий и регулярности народных собраний нам не известны. Примером их деятельности стало возвращение в пользование кабардинского народа в 1844 г. Зольских пастбищ, которое произошло по ходатайству «Народных сборов»².

С началом реформ 1860-х гг. царская администрации организовывала своеобразные совещания с представителями кабардинского и балкарского общества, известные в документах как Съезды (сборы) доверенных. Эти собрания становятся универсальным форматом при выработке важных решений при проведении мероприятий земельной реформы, освобождении зависимых сословий и др. преобразований в Кабардинском округе.

Характеризуя реализацию земельной реформы в Кабарде, Ф.А. Щербина положительно оценивал опыт привлечения народных представителей к решению ключевых вопросов местного землепользования: «Для лучшего уяснения поземельных прав каждого сословия правительством ... приняло в 1863 г. в высшей степени справедливую и практическую меру, обратившись к народным уполномоченным. В этом году народные уполномоченные от каждого аула и от всех сословий Большой Кабарды, собранные в укреплении Нальчик Терской сословно-поземельной комиссией, актом за общей подписью заявили, «что земли Кабарды составляют достояние целого народа и что они и на будущее время желают пользоваться ими на общинном праве владения»³.

С 1860-х гг. кабардинцы и балкарцы были объединены административным пространством Кабардинского, затем Георгиевского, Пятигорского и, наконец, с 1883 г. – Нальчикского округа. Тем самым были созданы определенные условия для формирования их совместного опыта поземельного, хозяйственного, политико-культурного и т.п. взаимодействия в рамках Съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пятигорских обществ, который ежегодно собирался в Нальчикской слободе в последней трети XIX – начале XX в.

Съезд доверенных представлял собой заметное явление в общественной жизни Терской области. Одной из первых работ, затрагивающих деятельность съездов (сборов) доверенных, стала статья Г. Баева, опубликованная в 1901 г. в XVI книге «Кавказского вестника»⁴. Характеризуя деятельность съездов выборных доверенных осетин, чеченцев, кумыков и других народов Терской области, Г. Баев писал, что «в Кабарде собрания выборных до настоящего времени сохранились во всей своей силе. Важнейшие вопросы местного благоустройства были решены этими народными сборами»⁵. Примерами таких решений стали принятие доверенными 20 августа 1863 г. Акта о признании общественной всей кабардинской земли, и согласование в 1889 г. Правил пользования предгорными пастбищами и лесами. Называя эти органы «обычным земским самоуправлением», Г. Баев высказывал мнение, что они нуждаются «в более правильной организации и законодательной санкции, ибо оно существует по милости обычая и административного благоусмотрения, но не на прочном фундаменте закона. Жизнь в данном случае в своем вечно поступательном движении вперед опередила закон и облегчила законодателю задачу по введению земских учреждений обычного упрощенного типа»⁶. «Местное горское население не может послужить препятствием к введению земских учреждений, так как оно систематически подготовлено своим обычным самоуправлением к сознательному обсуждению местных нужд и готово приносить материальные жертвы для улучшения своей жизни. Обычное это самоуправление приобрело уже в крае все права гражданства, хотя закон о нем еще ничего не говорит»⁷. Как отмечает С.А. Айларова, «по мысли Г. Баева, именно земские учреждения могли бы послужить основой для включения Кавказа в социально-культурный и хозяйственный организм Российского государства и формирования российской идентичности кавказских народов»⁸.

Эта статья Г. Баева стала своеобразным манифестом к его проектам учреждения земского самоуправления на Кавказе. Еще в 1894 г. автор стал инициатором подачи начальнику Терской области прошения о введении в крае земских учреждений, выработанных с учетом местных условий⁹. В 1906 г. в новом проекте, поданном Кавказскому наместнику И.И. Воронцову-Дашкову, предлагалось начать нововведения с Нальчикского и Владикавказского округов, как наиболее подготовленных к земским нововведениям¹⁰. В 1914–1916 г. Г. Баев попытался добиться реализации своих 20-летних проектов через кавказского депутата IV Государственной думы М.А. Караулова¹¹. Удивительно, что имея столь активного подвижника выдвижения съездов доверенных на более

высокий, земский, уровень, многочисленные исследователи истории пореформенной Осетии практически не изучали деятельности местных съездов доверенных. Это существенно затрудняет сравнение деятельности Съездов доверенных в Нальчикском и Владикавказском округах, на земский опыт которых ссылался Г. Баев. Возможно, это историографическое умолчание объясняется нерегулярностью таких собраний в других округах Терской области, кроме Нальчикского. В 1896 г. в «Памятной записке о современном состоянии горского населения Терской области» генерал-лейтенант в отставке Т.А. Шипшев отметил: «Мы, кабардинцы, по общественно-земским делам собираемся ежегодно раз или два в году под председательством начальника округа, каковым правом не пользуются другие наши соседи – осетины, ингуши и чеченцы»¹². Подтверждая это, в 1898 г. К. Хетагуров писал, что «кабардинцам, не в пример другим народностям Кавказа, разрешено прислать в Нальчик своих доверенных для обсуждения под председательством начальника округа общественных дел и нужд»¹³.

Первым специальным исследованием деятельности Съездов доверенных в Кабарде и Балкарии стала статья Ж.А. Калмыкова¹⁴. По мнению автора, исторически этому институту предшествовали «народные собрания» (Хасэ), которые с установлением русской администрации утратили законодательные функции и были ограничены правом обсуждения некоторых хозяйственных и общественных вопросов¹⁵. На основе архивных документов он подробно охарактеризовал порядок избрания доверенных, формирование повестки работы, круг вопросов, которыми ведал Съезд, процесс принятия решений, а также рассмотрел деятельность смежных институтов, которые автор характеризует как «исполнительные органы» – Общественной суммы и Хозяйственной комиссии. Завершение деятельности съездов доверенных Ж.А. Калмыков датирует 20 марта 1917 г. Однако, есть сведения, что еще в июле 1917 г. «кабардино-горские сборы» доверенных проводились в Нальчикском округе по инициативе ЦК Союза объединенных горцев совместно с окружным Гражданским исполнительным комитетом¹⁶. Подробно характеризуя разнообразные функции съезда доверенных, автор в основном опирается на источники начала XX в., не достаточно уделив внимания деятельности рассматриваемого института во второй половине XIX в. В целом, в статье Ж.А. Калмыкова придерживается классовой оценки деятельности Съездов доверенных, резюмируя, что они «служили интересам феодалов, сельской буржуазии», и были «удобным прикрытием колонизаторской политики царского самодержавия»¹⁷. В своих последующих монографиях автор отошел от классовых

акцентов, сосредоточившись на критике колониальных ограничений представительного органа кабардинцев и балкарцев¹⁸.

Важным этапом в исследовании Съездов доверенных стала статья Х.С. Кушхова¹⁹. В ней автор, полемизируя с предшествующими исследователями, и прежде всего, с Ж.А. Калмыковым, отмечает, что ни по принципам формирования, ни по структуре, ни по регламенту деятельности Съезд доверенных не имел ничего общего с Хасой. Автор обращает внимание, что «все авторы, утверждавшие преемственность Хасы и Съезда доверенных сельских обществ, не давали даже самого общего сравнительного анализа этих институтов. А между тем ни по принципам формирования (Съезд составлялся из 1–3-х доверенных, избиравшихся в каждом сельском обществе), ни по структуре (часто включал равное представительство от привилегированных сословий и крестьян, причем, как от кабардинских, так и балкарских сельских обществ), ни по регламенту деятельности (работал строго раз в год, санкционировался местной администрацией и согласовывал с ней повестку дня и принимаемые решения), Съезд не имел ничего общего с Хасой». Х.С. Кушхов убежден, что Съезд «был искусственным учреждением, обеспечивавшим ограниченное представительство коренного населения в решении ряда вопросов местной жизни»²⁰. В этой оценке ему близка позиция Т.Х. Кумыкова, который связывал появление этого института с последствием крестьянской и административно-судебной реформ «учреждение «Съезда доверенных» Кабарды и Балкарии как общественного органа местного управления, который выполнял функции законодательного собрания. Но, по сути, съезд был совещательным органом»²¹.

По представлению Х.С. Кушхова, «съезды имели больше общего не с традиционной феодальной Хасой, а с земскими институтами, которые были учреждены реформой 1864 г. в центральных областях России»²². Как видим, в этой оценке современный исследователь близок к точке зрения современника Съездов доверенных Г. Баева. Эта же точка зрения подтверждается Х.С. Кушховым в монографии по социально-культурному развитию Кабарды в пореформенный период²³.

Характеристика роли съезда в административной системе дается в статьях Б.А. Хромова²⁴. Он называет Съезд доверенных органом местного самоуправления, обзорно перечисляет некоторые решения Съезда по решению вопросов местного хозяйственного управления, благоустройства и просвещения, но не разъясняет соотношение компетенций съездов доверенных с официальными административными учреждениями Нальчикского округа и Терской области.

В другой статье Б.А. Хромова приводятся сведения о постепенном свертывании деятельности Съездов доверенных после Февральской революции 1917 г. Автор объясняет это тем, что в условиях формирования новых буржуазных административно-политических структур в Нальчикском округе данный представительный институт оказался невос требованным²⁵.

Роль элиты кабардинцев и балкарцев в решении общественных вопросов на Съезде доверенных освещена в статьях М.В. Дышекова²⁶. Он одним из первых проанализировал предложения представителей кабардинского и балкарского общества Т. Шипшева, М.-Г. Шипшева и Б. Шаханова по расширению функций Съездов доверенных.

Обстоятельная характеристика взаимодействия Съездов доверенных с судебной системой Нальчикского округа дается в монографии А.Х. Абазова²⁷. Правда, автор указывает, что нормотворческая деятельность съездов доверенных в отечественном кавказоведении до сих пор остается неизученной²⁸. С такой категоричной оценкой трудно согласиться, поскольку деятельность доверенных по формированию и изменению правовой базы поземельных и семейно-брачных отношений в Кабарде и Балкарии характеризовалась во многих работах.

В книге 1913 г., описывая процесс выработки Правил пользования Зольскими и Нагорными пастбищами, В.Н. Кудашев приводит данные о работе 148 уполномоченных от селений Большой и Малой Кабарды и горских обществ, в течение нескольких дней ноября 1889 г. Принятые в итоге нескольких дней споров Правила, после утверждения главновластвующего гражданской частью на Кавказе князя А.М. Дондукова-Корсакова, «были опубликованы в № 101 «Собрания узаконений и распоряжений правительства» от 27 сентября 1891 г., ст. 1037»²⁹. Уже этот факт не оставляет сомнений в нормативно-правовом статусе определенных постановлений Съезда доверенных.

Советский исследователь Г.А. Кокиев, рассматривая историю Зольского восстания 1913 г., связывал его предпосылки с принятием «княжеско-кулацким съездом» доверенных новых правил пользования Зольскими пастбищами³⁰. В работе «Аграрное движение в Кабарде в 1913 г.» была дана классовая характеристика механизмов принятия нормативных документов, объяснявшая принятие новых правил под давлением княжеско-кулацкого большинства на представителей крестьян. Впоследствии схожие оценки пореформенных нормотворческих традиций повторяли и другие советские исследователи аграрной истории Кабарды³¹.

Деятельности Съездов доверенных по регламентации общинного и пастбищного землепользования в Кабарде посвящены две статьи

Д.Н. Прасолова³². В статьях самого А.Х. Абазова рассматриваются решения Съезда доверенных по регламентации вопроса об ограничении размера калыма, которое рассматривалось представителями кабардинского общества как средство предотвращения резко возросшего объема краж³³.

Таким образом, Съезд доверенных принимал немало правотворческих решений, определенным образом отраженных в историографии. Другое дело, что это направление деятельности представительного органа все еще остается перспективным направлением исследования. Прежде всего это касается уточнений исчерпывающего перечня нормативных компетенций Съезда доверенных и определения, в какой степени его решениями была обусловлена правоприменительная практика судебных институтов пореформенного Нальчикского округа.

Е.С. Шавлохова упоминает Съезд доверенных как институт, действовавший в Кубанской и Терской областях, но не останавливается на более подробном рассмотрении его деятельности³⁴. Возможно, это объясняется тем, что специальных исследований по Съездам доверенных в других округах областей Северного Кавказа, кроме Нальчикского, пока не проведено.

Интересно, что при наличии достаточно обширного корпуса делопроизводственных документов по выборам доверенных, подготовке и текущей деятельности, решениям Съезда доверенных в виде приговоров, – никто из исследователей не упоминает актовых материалов, регламентировавших его деятельность. Нам также не встречались такие источники, что дает основания предполагать, что в контексте действовавшего на пореформенном Северном Кавказе административного регламента Съезд доверенных так и не получил формально-правового оформления.

Съезд доверенных Кабарды и Пяти горских обществ являлся особенным в своем роде институтом местного самоуправления. Причем, не только на Северном Кавказе. Близким по аналогии институтом местного самоуправления в Российской империи были Съезды выборных доверенных от станичных обществ Уральского казачьего войска, действовавшие с 1874 г. как совещательный орган при Войсковом хозяйственном правлении³⁵. В административной практике сибирских губерний Российской империи действовали уездные и волостные сборы (съезды) крестьянских доверенных. В дальневосточных провинциях, где действовали коллегиальные учреждения доверенных, кстати, также как и на Кавказе, отсутствовало земское самоуправление³⁶. Однако созывать съезды крестьянских доверенных в Сибири начали только с 1905 г.³⁷, тогда же они получили право участвовать в прямом обсуждении

поземельных вопросов³⁸. Еще одним препятствием проведению аналогичных является то обстоятельство, что, например, сибирские съезды все же являлись крестьянскими и казачьими корпоративными институтами, на которых наряду с русским населением лишь в исключительных случаях присутствовали и представители местных «иностранцев», тогда как Съезд доверенных Кабарды и Пяти горских обществ полностью состоял из представителей нерусского населения и едва ли не единственным русским участником на нем являлся начальник округа. Только в 1910 г. на этот пост был впервые назначен кабардинец – подполковник С. Клишбиев.

Таким образом, учитывая все отмеченные институциональные особенности, у нас нет достаточных оснований рассматривать деятельность Съезда в общем русле развития региональных подходов к управлению окраинами Российской империи.

Подводя предварительные итоги исследований, в разной мере затрагивающих проблемы функционирования Съезда доверенных как органа местного самоуправления, необходимо заметить, что в историографии вопроса остается немало нерешенных проблем. Во-первых, не выявлено начало функционирования «народных сборов» под официальным названием Съездов доверенных и момент превращения его в регулярно собиравшийся орган (его первоначально основное назначение – избрание судей Нальчикского горского словесного суда – происходило каждые три года).

Во-вторых, не установлен специальный регламент деятельности этого органа в Кабарде и горских обществах. Его универсальный типовой характер для Кубанской и Терской областей не предполагается, так как практика созыва съездов доверенных в различных округах, совершенно очевидно, была неоднородна, что косвенно подтверждается отсутствием исследований по регулярной деятельности аналогичных собраний в других округах, кроме Нальчикского.

В-третьих, не восстановлена историческая последовательность административно-бюрократического развития съездов доверенных Кабарды и горских обществ, а также других разновидностей сборов доверенных, например, на уровне участков или субрегионов – Малой Кабарды или Пяти горских обществ по отдельности.

Наконец, не определена степень реализации многочисленных инициатив Съезда доверенных по упорядочению и благоустройству местной жизни. Учитывая, что исполнение решений доверенных находилось в прямой зависимости от утверждения региональной окружной и областной администрации, это обстоятельство представляется

немаловажным при оценке влияния Съездов доверенных на жизнедеятельность кабардинцев и балкарцев в конце XIX – начале XX в.

Результаты деятельности кабардинских и балкарских доверенных имели существенное влияние на совместное развитие двух народов в рамках единого административного пространства. Съезд доверенных стал особенным опытом интеграции как в административную систему Российской империи на Северном Кавказе, так и локальной интеграции самоуправления в рамках Нальчикского округа, благодаря которой впервые кабардинцы и балкарцы через своих доверенных представителей получили возможность взаимодействовать по многим ключевым вопросам социально-экономической жизнедеятельности. Сложившийся опыт сыграл немаловажную роль в социально-политической истории края после 1917 г., поскольку он впервые наиболее явно способствовал формированию опыта совместной жизнедеятельности.

Примечания

1. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее – ЦГА КБР). Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 24.

2. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы управления Кабарды и Балкарии в пореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 106.

3. *Щербина Ф.А.* Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX в. Архивные материалы и научные исследования. В 2-х тт. / Сост. П.А. Кузьминов. Нальчик, 2006. Т. 1. С. 224.

4. *Баев Г.* О введении земского самоуправления в Терской области// Известия СОИГСИ. № 6 (45). 2011. С. 85–103.

5. *Баев Г.* О введении земского самоуправления... С. 121.

6. *Баев Г.* О введении земского самоуправления... С. 123.

7. *Баев Г.* О введении земского самоуправления... С. 125.

8. *Айларова С.А.* Статья Г.В. Баева «О введении земского самоуправления в Терской области» // Известия СОИГСИ. № 6 (45). 2011. С. 112–113.

9. *Дзалаева К.Р.* Осетинская интеллигенция (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владикавказ, 2012. С. 174.

10. *Дарчиева С.В.* Г.В. Баев – политик по призванию// Известия СОИГСИ. № 6 (45). 2011. С. 99.

11. *Дарчиева С.В.* К введению земства в Терской области// Известия СОИГСИ. № 6 (45). 2011. С. 100–110.

12. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 330. Оп. 46. Д. 1279. Л. 11.

13. *Хетагуров Х.* Горские штрафные суммы // Полное собрание сочинений в 5-ти томах. Владикавказ, 2000. Т. 4. С. 127–128.

14. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы... С. 105–120.
15. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы... С. 106.
16. История КБАССР. М., 1967. С. 27.
17. *Калмыков Ж.А.* Некоторые общественно-политические органы... С. 120.
18. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Конец XVIII – начало XX в. Нальчик, 1995. С. 41–51; *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик, 2007. С. 118–129.
19. *Кушихов Х.С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти Горских обществ//RES PUBLICA. Вып. 4. Нальчик, 2003. С. 22–30.
20. *Кушихов Х.С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных ... С. 24.
21. *Кумыков Т.Х.* Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. С. 276.
22. *Кушихов Х.С.* Проблема преемственности Хасы и съезда доверенных ... С. 24.
23. *Кушихов Х.С.* Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик: КБНЦ РАН, 2011.
24. *Хромов Б.А.* «Съезд доверенных» как орган местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия право. Вып. 2. Нальчик, 2007. С. 63–66; *Он же.* Особенности развития местного самоуправления в Кабарде и Балкарии в 1917 г. // Муниципальная служба: правовые вопросы. М., 2010. № 3. С. 27–30.
25. *Хромов Б.А.* Особенности развития местного самоуправления в Кабарде и Балкарии в 1917 году // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2010. № 3. С. 27–30.
26. *Дышеков М.В.* Общественно-политическая деятельность генерал-лейтенанта Т.А. Шипшева в Кабарде (80–90-е гг. XIX в.) // Сборник научных трудов молодых ученых. Нальчик, 2000; *Дышеков М.В.* К вопросу о роли традиционной элиты кабардинцев и балкарцев в местном самоуправлении (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. Вып. 12. 2008. С. 65–67.
27. *Абазов А.Х.* Нальчикский округ в судебной системе Терской области (последняя треть XIX – начало XX в.). Нальчик, 2014.
28. Там же. С. 14.
29. *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 226–227.
30. *Кокиев Г.А.* Аграрное движение в Кабарде в 1913 г. // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Сост. Г.Х. Мамбетов. Нальчик, 2005. С. 307.

31. *Щеголев А.И.* Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. Нальчик, 1962. С. 114–118; *Карданов Ч.Э.* Аграрное движение в Кабарде и Балкарии (конец XIX – начало XX в.). Нальчик, 1963. С. 113–115; *Цороев М.М.* Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 году. Нальчик, 1963. С. 30–31; *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). Нальчик, 1976. С. 46–47.

32. *Прасолов Д.Н.* К вопросу о правовых функциях Съезда доверенных Кабарды и Горских обществ // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX в. Материалы Всероссийской научной конференции 24–26 сентября 2009 г. Карачаевск, 2009. С. 240–245; *Прасолов Д.Н.* Съезд доверенных сельских обществ и проблемы поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX – начале XX в. // Известия КБНЦ РАН. 2013. № 4. С. 167–172.

33. *Абазов А.Х.* «Умыкание невесты» в правоприменительной практике кабардинцев в последней четверти XIX в. // Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее Материалы VI Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Нальчик, 2013. С. 160–162; *Абазов А.Х.* «Брак умыканием» как институт соционормативной культуры кабардинцев в последней четверти XIX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 3–9.

34. *Шавлохова Е.С.* Централизация государственного управления на Северном Кавказе во второй половине XIX – первой четверти XIX в. автореф. дис. ... докт. ист. наук. Пятигорск, 2009. С. 37–38.

35. *Пешков В.С.* Проекты реформы Уральского казачьего войскового самоуправления в 1905–1907 гг. / Вопросы истории. 2014. № 9. С. 73–90; *Пешков В.С.* Община и власть: хозяйственное самоуправление в Уральском казачьем войске в 1905 – 1907 гг. // Власть. 2015. №1. С. 146–152.

36. *Нежнина М.В.* Система общественного управления крестьянского и коренного населения Приамурского края (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. Исторические науки. 2007. № 295. С. 139; См. также. История Сибири // <http://www.siberian-history.ru/node/393> Дата доступа 20.10.2015 г.

37. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006 // <http://history.nsc.ru/kapital/project/sg2/3-1.html> Дата доступа 20.10.2015 г.

38. Электронный источник: <http://vobl.ru/forum1/viewtopic.php?p=93> Дата доступа 20.10.2015 г.

CONGRESS ENTRUSTED AND PROBLEMS OF LOCAL GOVERNMENT IN THE NALCHIK DISTRICT: SOME RESULTS OF STUDYING

In the article the main results of researches of activity of Congress of the entrusted Big and Small Kabarda and five mountain societies are considered. The main achievements of the historiography consisting in definition of an order of election of entrusted, formation of the agenda, procedure of acceptance and the approval of decisions, and also in justification of various points of view about the status of Congress entrusted in a management system are revealed. Some problems which need to pay attention at further studying of this institute of local government of Kabardians and Balkars are designated.

Keywords: *Kabardians, Balkars, Ossetians, the Nalchik district, Tersky area, the post-reform period, Congress of the entrusted rural societies, a historiography.*

Prasolov Dmitry Nikolaevich

Candidate of historical sciences, the assistant professor in ethnography, ethnology, anthropology manager of sector of ethnology of department of historical sciences Kabardin-Balkar Institute of Humanitarian Researches.

360000, KBR, Nalchik, Pushkin St., 18.

Ph. 8 (8662) 42-22-40

Mobile +7-928-720-32-76

E-mail: dmprasolov@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ПОЛЕВОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И АНТРОПОЛОГИИ: ДИАСПОРНОЕ ПОЛЕ

Черкесская (адыгская) диаспора, составляющая 90% от численности этноса и рассредоточенная в более чем 50 странах мира, сформировалась вследствие окончания Русско-Кавказской (сер. XIX в.) и двух мировых войн. Наблюдения автора статьи сделаны в одном из локально-культурных анклавов Турции в ходе экспедиций 2009, 2011, 2014 и 2015 гг. Рассматривается этническая специфика межличностной и межгрупповой коммуникации в ходе полевой работы. Актуализируются проблемы, стоящие перед фольклористикой и антропологией в черкесском диаспорном поле: сокращение количества носителей аутентичного фольклора (языка и традиционной культуры), являются социальные (этикетные, этические, гендерные) аспекты общения собирателя и информанта.

Ключевые слова: черкесы, адыги, фольклор, антропология, фольклорное поле, Турция, диаспора, собиратель, информант.

Паштова Мадина Михайловна

К.и.н., ВНС отдела этнологии и народного искусства Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. 385000, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13.
Тел. +7-928-467-63-06
E-mail: gupsa@mail.ru

Как мы уже отмечали в предыдущих работах¹, ввиду отсутствия письменности и государственных учреждений культуры и образования, в диаспоре мы наблюдаем несравненно большее, чем на исторической родине, число «высокостатусных» информантов. Под этим определением подразумевается социальная (в первую очередь, языковая, этноинформативная) компетентность сказителя, аутентичность сообщаемого им текста.

В условиях диаспоры, с ее специфическими способами внутриобщинной коммуникации, приближенными к традиционным, неформальным, фольклорное слово выступает одним из эффективных инструментов

социорегуляции, этнокультурного и социального удовлетворения, решения задач этнической самобытности и выживания. Это, в свою очередь, объясняет его высокую сохранность и престижность. Соответственно, попытки фиксации текстов устной культуры с помощью технических носителей (кем бы они ни предпринимались – местными любителями или приезжими профессионалами) – воспринимаются информантами как «исключительно полезное и благородное дело».

В своем докладе мы хотели бы остановиться на нескольких важных аспектах общения собирателя и информанта, характерных для диаспорного поля.

Материалом настоящего исследования являются стереотипные устные нарративы и диалоги между собирателем и информантом, сообщения наших коллег фольклористов, актуализирующие этническую специфику межличностной и межгрупповой коммуникации в ходе полевой работы. Наши наблюдения сделаны в одном из локально-культурных анклавов Турции (Узун-Яйла) в ходе экспедиций 2009, 2011, 2014 и 2015 гг.

Методы исследования: включенное наблюдение и неформализованная беседа-интервью, опрос через интернет; способы фиксации: аудио- и видеозаписи, рукописные заметки в дневнике.

Динамичность записи, ее информативность, качественные характеристики фиксируемого текста тесно связаны с проблемой выбора поведенческой стратегии собирателя, его умения актуализировать свои социальные (языковые, культурные, этикетные) и профессиональные компетенции в подходящих для ситуации формах.

Характер ответной активности информанта может зависеть от:

- статуса информанта (половозрастного, социально-общественного, «репертуарного»);
- статуса собирателя («свой» или «чужой», «посвященный» или «профан»);
- в зависимости от темы интервью – от социального статуса третьего лица, сопровождающего собирателя (проводимого из числа местных – *хагарей*);
- от места записи (общественное / личное, свое / чужое пространство) и его структурирования.

Помня о том, что в быту черкесской диаспоры живы аристократические традиции, собирателю необходимо учитывать **социальный аспект** «раскрываемости» информанта. В лучшем случае вы запишете гуманистические рефлексивы о преодолении бывшего социального неравенства. При этом условия их актуализации или умолчания в ходе

записи будут зависеть во многом от вас: принимаете ли вы как данность особенности социальной структуры местной общины, как объясняете себе причины сохранения до недавнего времени социально-иерархических различий и, самое главное, *каким образом даете это понять информанту*.

Носители традиции произвольно дифференцируют фольклорный репертуар по признаку «престижности»: *хьэцIэц хьыбар* (хабары, рассказываемые в элитных мужских клубах – кунацких) и *мэжг'ыт г'абэ хьыбар* (байки, рассказываемые у стен мечети). С известной долей условности, основываясь прежде всего на замечаниях наших информантов, некоторые жанры (тексты) фольклорного репертуара можно отнести к менее «престижным», относящимся скорее к крестьянскому, детскому, женскому быту, нежели аристократическому, мужскому. Это обуславливает отношение рассказчика к сообщаемому и вообще желание / нежелание говорить на эту тему.

В нашей практике были случаи, когда социальный фактор «закрытости» информанта имел место только в ходе первой записи. Но через год, во время повторной записи некоторые из старейших и авторитетных информантов сознательно и доверительно снимали «социальное табу» с сообщаемой информации.

Дискурс о власти и аристократии в фольклоре и современном социокультурном пространстве диаспоры, а также формы актуализации этой темы в беседе собирателя и информанта – тема, требующая отдельного исследования.

Гендерный аспект полевой работы имеет несколько взаимозависимых векторов (ролевых комбинаций и рабочих перспектив): 1) женщина-собиратель и мужчина-информант, 2) мужчина-собиратель и женщина-информант, 3) женщина-собиратель и женщина-информант, 4) мужчина-собиратель и мужчина-информант. В рамках настоящего исследования мы не будем подробно останавливаться на всех деталях экспедиционного быта, отметим лишь две детали. **Женщине-собирателю**, независимо от ее возраста, национальной и государственной принадлежности, оказывается повышенное этикетное внимание, предоставляются моральные и материальные предпочтения², однако при этом «раскрываемость» информанта ограничена рамками традиционного этикета («*екIу-емыIу*» – «*прилично-неприлично*») и обусловлена давностью «погружения» собирателя в местную традицию. **Женщина-информант** в диаспорном поле, как носитель исламской культуры, может отказаться от видеозаписи. В нашей практике такие случаи встречались крайне редко, и эта низкая частотность обусловлена не только

сознательным отбором информантов местными участниками экспедиции, но и традиционно большей свободой черкесской женщины.

Наряду с явными преимуществами **работа с видеокамерой** ставит перед собирателем ряд проблем, в т.ч. этнически (ментально) обусловленных. По современной методологии намечается тенденция фиксировать всё, вплоть до окказиональных, эгоцентрических отступлений информанта. Здесь правомерно встает ряд вопросов, связанных с самим понятием аутентичности записываемого текста. В.Л. Кляус справедливо полагает, что человек с видеокамерой, вторгающийся в обрядовое пространство, нарушает естественный ход и натуральность действия³. При этом автор считает, что скрытая видеосъемка снижает воздействие исследователя с камерой на поведение исполнителей. Наряду с тем, что скрытая запись позволяет сохранить натуральность всех составляющих фольклорного текста, она налагает на собирателя высокую ответственность за ее дальнейшее использование.

Моделирование ситуаций, близких к традиционным типам контактной коммуникации, судя по многочисленным примерам, приведенным нам Р.Б. Унароковой, М.А. Табишевым и др. фольклористами, умение собирателя участвовать в традиционных агонах (*уэриэр*) – одно из условий успешной полевой работы в среде черкесской диаспоры, где, как мы отмечали выше, сохранились преимущественно неформальные, неофициальные («горизонтальные») каналы общения.

В нашей полевой практике многие сеансы записи устраивались по аналогу ритуализованного «сидения-говорения» в гостиных: *хьэц/Иэц зэхэс, жэщдэс, уэриэраклуэ, щысаклуэ* и пр. В профессиональных руках сам процесс аудио-, видеофиксации может реконструировать подобие традиционной коммуникативной ситуации. Так, Р.Б. Унароковой детально описаны некоторые традиционно-коммуникативные аспекты, актуализировавшиеся в ходе посещения фольклористами частных домов и офисов черкесских общественных организаций Турции, которые вот уже много десятилетий являют собой аналог традиционных гостиных (кунацких). Говоря о стереотипных словесных поединках, автор указывает, что члены экспедиции не раз оказывались их свидетелями, а порой и участниками⁴.

Включаясь в интуитивно выстраиваемый информантом разговор в виде диалога, собирателю иногда необходимо позиционировать именно себя как главного адресанта. Это дает информанту ощущение защиты его компетенций перед лицом возможных зрителей. В случае присутствия третьих лиц, т.е. в ситуации полилога, коммуникация приобретает часто характерные агонистические (соревновательные) черты,

что диктуется ментально заданным поведенческим типом черкесов. При этом значение имеет статус самого собирателя в обследуемой локальной традиции: «свой или чужой» (если «чужой», то «гость»), его социальная и/или профессиональная компетентность, способность проявить волю и «правильно» расставить ролевые акценты, направить разговор, независимо от априори установившихся отношений (социальных, семейных, половозрастных и пр.). Самым важным требованием является умение создать атмосферу психологического комфорта, неофициальности общения, «нерепортажности».

Диалог между собирателем как представителем *Хэку* (Родины) и информантом как представителем общности, сформировавшейся на протяжении полутора столетий в результате Стамбульского исхода, причины и мотивы которого до сих пор «объясняются» неоднозначно, моделируется в т.ч. и традиционными идеологемами, которые лежат в оппозиции *«долгая, но бесславная жизнь»* / *«героическая смерть»*. «Смерть» в данном контексте семантически соотнесена с утратой родной земли и приобретением на чужбине статуса «хэхэс» (*х'эх'эс*) – «пришелец».

Турецкоязычный дискурс «заслуги черкесов как активных участников строительства турецкого государства», формировавшийся особенно активно в последние десятилетия, участие черкесов в политическом диалоге в т.ч. и других стран проживания, ориентирован, прежде всего, на преодоление статуса «хэхэс». Этой проблеме уделено немало внимания в т.ч. и в пространстве диаспорной социологической науки. Крайние формы этот дискурс принимает в стереотипических утверждениях типа: *«черкесы – диаспорный народ, мы должны суметь сохранить свою культуру и на чужбине»*, *«Турция – наша вторая родина»* и пр.

Эти речевые практики можно рассматривать как противоположный «репатриационному» контрдискурс, в рамках которого формировались негативные стереотипные представления о жизни на Кавказе. Стереотипы, уходящие в период последней волны эмиграции (годы Второй мировой войны), скрыто циркулировавшие в коммуникативном пространстве диаспоры более полувека, сыграли роль катализатора в поздних (конец XX – нач. XXI вв.) антирепатриационных тенденциях. Активизировались они в связи с открытием «железного занавеса» и первыми визитами на Кавказ, стремлением черкесских активистов романтизировать образ Родины и, в угоду краткосрочным политическим целям, пропагандировать идеализированные представления о постперестроечной жизни на Кавказе (шире – в России)⁵.

Содержание негативных стереотипов сводится к актуализации отсутствия политических, экономических, конфессиональных свобод,

разрушению традиционных моральных устоев и общественных связей внутри адыгского общества. Однако, здесь необходимо также отметить, что при всем этом историческая территория черкесов – *Хэку(жсь)* – имеет признанный статус «культурной метрополии».

Наше пространное внимание к этим факторам в рамках настоящего исследования актуально в той мере, в какой собиратель с Кавказа рассматривается в качестве представителя своего локального сообщества, своего государственно-территориального образования. Конечно, фольклористы и антропологи, приехавшие с исторической Родины, предстают, прежде всего, в статусе дорогих гостей, но в нашей практике были случаи, когда нам приходилось отвечать на активные встречные вопросы о Кавказе и в меру своих сил пытаться преодолевать коммуникативные барьеры, связанные с устоявшимися коллективными представлениями.

На одном из примеров мы попытаемся поэтапно описать ситуацию усложненного вступления в контакт с информантом и возможные стратегии поведения собирателя. Группа гостей (собирателей), которая наносит обычный рабочий визит: приезжий фольклорист, женщина 40 с лишним лет; ее сопроводительница (*хагарей*) из числа местных активистов, девушка 40 с лишним лет; местный активист, мужчина 40 с лишним лет. Группа информантов (семья), состоящая трех человек: пожилая мать семейства 80 лет, неграмотная, главный объект наших полевых поисков; ее сын 60 лет, хозяин дома, авторитетный представитель высоких властных структур, владеет черкесской (кириллической) грамотой, но активно не пользуется; его жена 55 лет, домохозяйка, черкесской грамотой не владеет.

Наше общение началось, как обычно, со знакомства, неформальной беседы с женщинами-информантками, с вопросов о детском и обрядовом фольклоре. При этом рассказывание хозяев и гостей соответствовало этикету: старшая пожилая женщина сидела в «верховье» комнаты; «ниже», полубоком к информантке, расположилась автор этих строк с диктофоном и блокнотом; на моей стороне сидела сопровождающая девушка, а за ней – мужчина-хагарей, который занял позицию «в низовье» как местный и «свой», родственник жены хозяина дома. Сама хозяйка перемещалась соответственно своим функциям: приносила чай, уносила посуду, сидела поочередно рядом с нами на диване или в кресле напротив нас, но не рядом («не в кадре») со свекровью или мужем (соблюдение норм избегания).

Обратим внимание на перемещения и позы хозяина дома, в соотношении с динамикой развития его диалога с собирателем («приехавшим

с Кавказа»). Поначалу, пока мы вели беседу с его матерью, хозяин сидел рядом с мужчиной из нашей группы, «в низовье». Затем он вышел, отсутствовал некоторое время, и, вернувшись, сел в кресло напротив нас в позе, неприемлемой с т.зр. традиционного этикета, но допустимой в современном быту – закинув ногу на ногу. Местные черкесы с иронией называют эту позу «*энтел тЫсыкIэ*» (*интеллигентская поза*), имея в виду своих образованных европеизированных соплеменников, допускающих подобные этикетные нарушения. При этом наш собеседник начал вести разговор о том, каким гонениям и репрессиям подвергались черкесы на Кавказе во времена коммунистического режима, ссылаясь не столько на общеизвестные исторические факты, сколько на рассказ очевидца – старого односельчанина, который эмигрировал в сталинские годы. Информант явно давал понять, что расценивает нас как потенциальных агитаторов возвращения на Родину (хотя, само собой разумеется, собиратель должен избегать острых политических дискуссий и разговоров на общественные темы, если только они не являются предметом специального исследования). В этом коммуникативном контексте поза «нога на ногу» стала приобретать открытый негативный смысл. Монолог хозяина дома окончился следующими словами: «Ты вот расспрашиваешь нас о Жабаги [Казанок], а Жабаги ведь [пришел] с Родины. Это ты должна рассказать нам о нем! Давай, рассказывай!»

Понятно, что мы должны были поддержать соответствующий формат беседы, выступая теперь уже не в качестве антрополога, а в качестве представителя своей социальной группы – *хэкурыс* (букв. *живущие на Родине*). Первый сюжет о Жабаги, который пришел нам в голову в этой ситуации, и который мы пересказали импульсивно поддававшим эмоциям, был сюжет «Жабаги посылают гонцом к грозному князю», зафиксированный на Кавказе и, как оказалось, неизвестный в диаспоре. Пересказ этого предания, и особенно финальная ключевая фраза («*умных гонцов послали к умным князьям, [а меня – к тебе]*»), произвели эффект взрыва – все присутствующие начали безудержно хохотать, правильно «прочитав» наш ответный метакоммуникативный сигнал. Сам же наш собеседник, *опустив запрокинутую ногу*, приняв должную позу (*опершись руками о колени, немного склонив голову*), заметно смягчился и с улыбкой произнес: «*А иджыпсту уэ жыпIар сэ фIым хузохьыр...*» – «Сказанное тобой сейчас я отношу к добру...»

Как видно из вышеприведенного примера, в процессе общения собирателя и информанта неявно актуализируются ***этикетные табу, границы и условия их распространения***. Кинесико-проксемическое

поведение используется как один из инструментов выявления (демонстрации) этикетной компетенции. Иерархическое рассаживание информантов, соблюдение обычая избегания в кадре, поза информанта как знак для собирателя – всё это может прочитываться как поведение «своего» или «чужого».

Конвенциональные нарушения этикетных табу в ходе записи (например, просьба пересест с «верхнего» места на «нижнее», чтобы в камеру не падал свет) воспринимаются, как правило, спокойно и с пониманием. Однако, сидящий на непривычном «нижнем» месте информант может почувствовать неловкость при чьем-либо внезапном вторжении.

В черкесской диаспоре мы наблюдаем консервацию «традиционно-адыгского» (металогичного) стиля общения, что характерно в т.ч. и для городских общин, в условиях которых приходится работать антропологу. Имиджевые дивиденды или, наоборот, риски собирателя обусловлены преимущественно его этикетными навыками и этическими ресурсами, которые он вкладывает в общение с информантами. Следование правилам *«адыгэ хабзэ»* и *«адыгагъэ»* (традиционный этикет и морально-этический кодекс), наряду с профессиональными компетенциями, достаточным сроком «погружения» в местную локальную традицию, является для собирателя, приехавшего с Кавказа, необходимым условием признания его «своим».

В процессе общения собирателя и информанта в условиях диаспоры непременно артикулируется вопрос **«звучания» фольклорного слова**. Как отмечает С.Ю. Неклюдов, «сам устный текст осуществляется только здесь и сейчас; его реальность – лишь в процессе произнесения; пока он не звучит, он в известном смысле и не существует»⁶.

Мы не раз сталкивались с ситуациями, когда утрату языка и культуры информант описывает в эсхатологических эмоциях. *«То, что я сегодня рассказывал тебе, я не рассказывал никому, наверное, уже лет сорок»* – типичная для диаспорного поля фраза. Сложность и высококонтекстность предопределяют драматическую судьбу фольклорного слова и обреченность его носителя на ментально-языковое одиночество. Вяч. Вс. Иванов, говоря об умерших или умиравших языках, приводит похожий пример: «В декабре 1991 г. в доме для престарелых на Хоккайдо мне удалось найти старуху, помнившую мифологические тексты на этом (айнском. – М.П.) языке; она мне сказала: “Приезжай еще, я знаю, тебе ехать издалека. Но здесь мне не с кем поговорить, кругом одни японцы”»⁷.

Как видим, характер общения собирателя и информанта в диаспорном поле определяется рядом культурно и исторически обусловленных

аспектов. Часть из них, безусловно, распространяется на черкесское (адыгское) фольклорное поле в целом. Соответственно, изложенные нами наблюдения и выводы могут оказаться полезными для полевых практик независимо от их географической (локально-культурной и субэтнической) отнесенности.

Примечания

1. *Паштова М.М.* Фольклор в черкесской диаспоре Турции: функциональные и регионально-локальные особенности // Фольклористика и культурная антропология сегодня. Тезисы и материалы международной школы-конференции. М.: РГГУ, 2012. С. 418–425. <http://www.ruthenia.ru/folklore/may2012proceedings.pdf>

2. Одной из особенностей черкесского экспедиционного быта является то, что собирателю, в лучших традициях кавказского гостеприимства, предоставляется в чужой стране все необходимое для работы – от ночлега до транспортных средств. Обычно эти функции берут на себя черкесские общественные организации – *Адыгэ Хасэ*. Пользуясь случаем, хотим поблагодарить руководство организации *Kayseri Kafkas Derneği* за помощь в организации экспедиций 2014 и 2015 гг.

3. *Кляус В.Л.* К проблеме видеофиксации фольклора // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. М., 2006. Т. III. С. 83–97. С. 95.

4. *Унарокова Р.Б.* Фольклор адыгов Турции. Вступительная статья // «Тыркуем ис адыгэхэр. Юрылуатэр» (на адыг. яз.). Сост. и ред. Р.Б. Унарокова. Майкоп, 2004. С. 15–24.

5. См. об этом наше интервью с поэтом и общественным деятелем черкесской диаспоры Мовлидом Енамуко // Журнал «Псынэ». № 10. Нальчик, 2012. С. 30–32.

6. *Неклюдов С.Ю.* «Звучащее слово в фольклоре» <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov13.htm>

7. *Иванов Вяч.Вс.* «Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему» // <http://www.philology.ru/linguistics1/ivanov-04a.htm>

PROBLEMS AND METHODS OF THE FIELD FOLKLORE AND ANTHROPOLOGY: THE DIASPORA FIELD

The Circassian diaspora which comprises about 90% of the whole nation and resident in more than 50 countries has been formed after the Russian-Caucasian War (the middle of XIX century) and the two World Wars. The author of the article collected her recordings of observations in one of the local cultural enclaves of Turkey during expeditions in 2009, 2011, 2014 and 2015. The ethnic characteristics

of interpersonal and intergroup communication in the course of the field work are being reviewed in the article. The problems of folklore and anthropology in the field of the Circassian diaspora are foregrounded, such as the reducing number of informants of the authentic folklore (the language and traditional culture), the social (etiquette, ethic, gender) aspects of the communication between the collector (legendary) and an informant are detected.

Keywords: *Circassians, Adyghes, folklore, anthropology, field folklore, Turkey, diaspora, legendary (collector), informant.*

Pashtova Madina Mihailovna

Candidate of Philology, Leading Researcher Fellow Department of ethnology
Adygei Republican Institute of the Humanitarian Studies.

385000, Maikop, Krasnooktyabrskaya St., 13.

Ph. +7-928-467-63-06

E-mail: gupsa@mail.ru

Научное издание

**Социально-политическое и культурное пространство
Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.:
направления и динамика интеграционных процессов**

*Сборник научных статей по материалам
региональной научной интернет-конференции
(г. Нальчик 19–30 октября 2015 г.)*

Макет и техническое редактирование
А.В. Гергоковой

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru